

История рыцарства или рыцарство и его времена, том 2 (из 2)

Чарльз Миллс

The Project Gutenberg eBook of The History of Chivalry; Or, Knighthood and Its Times, Volume 2 (of 2).

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: История рыцарства; или, рыцарство и его времена, том 2 (из 2)

Автор: Чарльз Миллс

Дата выхода: 17 июня 2012 [eBook #40022]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK THE HISTORY OF CHIVALRY; OR, KNIGHTHOOD AND ITS TIMES, VOLUME 2 (OF 2) ***

История рыцарства, или Рыцарство и его времена.

Чарльз Миллс, эсквайр.

Автор истории крестовых походов

В ДВУХ ТОМАХ.

Том: II.

Гравировано А. Ле Пти по эскизу Р. В. Сиевье.

London.

Напечатано для издательства "Лонгман, Хёрст, Рис, Орм, Браун и Грин".

MDCCCXXV.

ГЛАВА. I.

СОСТОЯНИЕ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА ТРЕТЬЕГО.

Страница

1

Турниры ... Круглый стол ... Орден Подвязки ... Любезность Эдуарда ... Распространенность рыцарского вкуса среди всех сословий ... Английские лучники ... Черный принц ... История королевского рыцарства ... Англия рассматривается как место почета ... Пример этого... Рыцарские герои в это царствование ... Жесты и доблести сэра Уолтера Мэнни ... Рыцарский обет сэра Уолтера ... Он сражается за любовь своей дамы ... Его спасение двух братьев-рыцарей ... Пример его веселого авантюризма ... Его галантность перед Оберошем... Его сыновняя почтительность ... История рыцарских манер ... Мягкий нрав Манни... Его значение при дворе Эдуарда... Его замечательная проницательность... Его либеральность... Его смерть в 1372 году... Похоронен в Чартер-Хаусе ... Героизм сэра Джеймса Одли ... Его щедрость ... Мемуары сэра Джона Чандоса ... Его галантность по отношению к дамам ... Забавный пример рыцарской гордости ... Важность его совета в Пуатье ... Его подвиги в Бретани... И в Испании... Произведен в рыцари-баннереты... Уходит от Черного принца... Но возвращается... Замечательная щедрость его поведения по отношению к лорду Пемброку... Последние обстоятельства его жизни... Общая скорбь по поводу его смерти

ГЛАВА. II.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ СО ВРЕМЕН ПРАВЛЕНИЯ РИЧАРДА II. ДО ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VIII.

64

Жалобы на нерыцарское состояние двора Ричарда... Влияние рыцарства на национальный характер ... Шотландское рыцарство ... Рыцарская доброта Роберта Брюса ... Взаимное рыцарство между шотландским и английским дворами ... Мнения французских рыцарей о шотландском рыцарстве ... Любезности между английскими и шотландскими рыцарями ... Рыцарская битва при Оттерборне ... Хотспур и Дуглас ... Кавалерийская история ... Правление Генриха IV. ... Рыцарский поединок между ним и герцогом Орлеанским ... Нерыцарское поведение Генриха при Шрусбери ... Генрих V. ... Рыцари Бани ... Любовь Генриха к рыцарским книгам ... Его рыцарская осанка ... Начало упадка рыцарства ... Гражданские войны нанесли ущерб рыцарству ... Плач Кэкстона... Он преувеличивает зло... Многие галантные английские рыцари ... Характер Генриха VIII в связи с рыцарством ... Турниры в его правление ... Поле из золотой ткани ... Внедрение итальянской литературы, благоприятствовавшей романтике ... Популярность рыцарской литературы ... Английские рыцари продолжали ломать копья ради любви дам ... Состояние шотландского рыцарства в этот период ... Яков IV. ... Рыцарские обстоятельства на Флодденском поле

ГЛАВА. III.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ.

Рыцарские чувства нации, поддерживаемые Спенсером... и сэром Филипом Сидни... Аллюзии на жизнь Сидни... особенно его доброе внимание... Рыцарская

125

вежливость эпохи Елизаветы... Граф Оксфорд ... Наклоны в Гринвичском парке ...
Сэр Генри Ли ... Рыцарство отражается в народных забавах ... Изменение нравов
... Правление Якова Первого ... Турниры прекратились после смерти принца
Генриха ... Жизнь лорда Герберта из Чербери ... Рыцарская слава его семьи ... Его
характер... Его неполноценность по сравнению с рыцарями древности ... Упадок
рыцарского воспитания ... Важные изменения в рыцарстве, внесенные
парламентом Карла Первого ... Применение рыцарских почестей к людям
гражданского сословия ... Рыцари, созданные в полевых условиях ... Ковровые
рыцари ... Рыцари бани ... Полный отчет о древних церемониях создания
рыцарей Бани

ГЛАВА. IV.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА ВО ФРАНЦИИ.

Рыцарство в баронских замках ... Рыцарство пострадало от религиозных войн ...
Благотворное влияние поэзии и романтики ... Рыцарский блеск четырнадцатого
века ... Бретань... Дю Гесклен... Романтический характер его ранних лет... Его
рыцарское поведение в Ренне ... Галантность в Коштеле ... Политические
последствия его рыцарства... Он ведет армию в Испанию... И меняет судьбу этого
королевства... Битва при Наварете... Дю Гесклен в плену... Обращение с ним
Черного принца... Выкуплен... Становится коннетаблем Франции...
Восстанавливает власть над французской монархией ... Соратники по оружию
Дю Гесклен и Оливье де Клиссон ... Смерть Дю Гесклена перед Рандоном ... Его
характер ... Упадок рыцарства... Доказательства этого... Малочисленность
рыцарства во второй серии французских и английских войн ... Бои страниц ...
Дальнейший упадок рыцарства ... Злоупотребления при присвоении рыцарского
звания ... Бургундия... Ее рыцарство ... Романтический характер бургундских
турниров ... Последние отблески рыцарства во Франции ... Жизнь Баярда...
Франциск I. ... Угасание рыцарства

168

ГЛАВА. V.

ПРОГРЕСС РЫЦАРСТВА В ИСПАНИИ.

Общий характер испанского рыцарства ... Религия и героизм ... Галантность ...
Смешение испанских и восточных манер ... Его благотворные тенденции ...
Особенности испанского рыцарства ... Формы рыцарства ... Различные
рыцарские звания ... Испанская поэзия ... Герои рыцарства ... Пелайо ...
Бернардо дель Карпио ... И, кстати, об экспедиции Карла Великого в Испанию...
Жизнь Сиды... Его ранний свирепый героизм... Необычный брак... Поступает на
службу к королю Фердинанду... Рыцарская галантность Сиды... Его посвящают в
рыцари... Смерть короля Фердинанда ... Сид становится рыцарем Санчо, короля
Кастилии ... Смесь зла и добра в характере Сиды... Поддерживает короля в его
несправедливости... Романтический героизм Сиды... Дальнейшая
несправедливость Санчо, против которой он выступает... Смерть Санчо...
Пример добродетельной смелости Сиды ... Характер Альфонсо, преемника Санчо
... История его рыцарского поведения ... Второй брак Сиды... Изгнан из двора
Альфонсо ... Становится союзником мавров... Но отозван... И снова изгнан...
Необыкновенная история о подлости, которую совершил Сид... Судьба Сиды во
время его изгнания ... Рыцарское благородство и щедрость сиды ... Его отзывает

230

Альфонсо ... Сид захватывает Толедо... и Валентию... История испанских нравов... Несправедливое поведение Сиды по отношению к маврам... Нерыцарский характер жены и дочерей Сиды... О сиде вспоминает Альфонсо ... Браки его дочерей... Низкое отношение к ним со стороны мужей ... Кортес в Толедо, чтобы решить дело ... Изображение старинных нравов... Смерть Сиды... Его характер... Судьба его хорошего коня ... Испанское рыцарство после его смерти ... Галантность рыцаря ... Достоинства миссалов решаются в бою ... Передача оружия в Орбиго ... Рыцари путешествуют и сражаются за любовь дам ... Угасание испанского рыцарства

ГЛАВА. VI.

ПРОГРЕСС РЫЦАРСТВА В ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ.

Рыцарство не повлияло на общественную историю Германии... Его влияние на императорские нравы ... Нетерпимость и жестокость немецких рыцарей... Их суровость по отношению к своим оруженосцам ... Скупость немцев ... Малое влияние немецкого рыцарства... Замечательное исключение из этого... Женский турнир... Максимилиан, единственный рыцарский император Германии... Поединок между ним и французским рыцарем... Эдикт Фридриха III. уничтожил рыцарство ... Рыцарство в Италии: ...лангобарды перенесли рыцарство туда... Истории о рыцарской галантности ... Но боевого рыцарства в Италии мало ... Кондотьеры ... Рыцарство на севере ... Итальянцы отличные оружейники, но плохие рыцари ... Рыцарство на юге ... Любопытные обстоятельства, сопутствующие рыцарству в Неаполе ... Способ создания рыцарей в Италии в целом ... Политическое использование рыцарства ... Рыцарская литература ... Рыцарские виды спорта

303

ГЛАВА. VII.

О ДОСТОИНСТВАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ РЫЦАРСТВА

341

ИСТОРИЯ РЫЦАРСТВА.

ГЛАВА. I.

СОСТОЯНИЕ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ЭДУАРДА ТРЕТЬЕГО.

Турниры... Круглый стол ... Орден Подвязки ... Любезность Эдуарда... Распространенность рыцарских вкусов среди всех сословий ... Английские лучники ... Черный принц ... История королевского рыцарства ... Англия рассматривается как место почета ... Пример этого ... Рыцарские герои в это царствование ... Жесты и доблести сэра Уолтера Мэнни ... Рыцарская клятва сэра Уолтера ... Он сражается за любовь своей дамы ... Его спасение двух братьев-рыцарей ... Пример его радостного авантюризма ... Его

галантность перед Оберошем... Его сыновняя почтительность ... История рыцарских манер ... Нежный нрав Манни... Его значение при дворе Эдуарда... Его удивительная смелость... Его либеральность... Его смерть в 1372 году... Похоронен в Чартер-Хаусе ... Героизм сэра Джеймса Одли ... Его щедрость ... Мемуары сэра Джона Чандоса ... Его галантность по отношению к дамам ... Забавный пример гордости рыцарства ... Важность его совета в Пуатье ... Его подвиги в Бретани... И в Испании... Получает звание рыцаря-баннерета... Уходит от Черного принца... Но возвращается... Замечательная щедрость его поведения по отношению к лорду Пемброку... Последние обстоятельства его жизни... Всеобщая скорбь по поводу его смерти.

Турниры.

Солнце английского рыцарства достигло своего меридиана в царствование Эдуарда III, ибо король и дворяне были рыцарями, и образ их характера отражался в сознании народа.^[1] Турниры и поединки, для развлечения и в честь дам, были всеобщей модой того времени. Чуть более чем за год рыцарские торжества с беспримерным великолепием прошли в Личфилде, Бури, Гилдфорде, Элтхэме, Кентербери и дважды в Виндзоре^[2] Весной 1359 года, через три года после битвы при Пуатье, был с удовольствием продемонстрирован разгульный характер Эдуарда и его двора. В Лондоне был объявлен торжественный турнир продолжительностью в три дня, и лорд-мэр, шерифы и олдермены предложили держать поле против всех желающих. Время пришло, боевые игры состоялись, и вся честь оружия оказалась по праву причитающейся офицерам города. Затем победители отбросили свои щиты и сюртуки с городскими знаками отличия, сняли бобры, и король Эдуард, Черный принц, принцы Лайонел, Джон и Эдмунд и девятнадцать знатных баронов были признаны^[3].

Круглый стол.

Орден Подвязки.

Уже упоминавшийся круглый стол в Кенилворте был не единственным примером любви к романтическому величию и галантности среди жителей Англии. Мортимер держал круглый стол рыцарей в Уэльсе, якобы в подражание Артуру,^[4] а затем Эдуард III попытался воплотить в жизнь золотые фантазии баснописца, который назначил сто пятьдесят рыцарей в качестве дополнения к рыцарству Артура.^[5] Нас уверяют, что круглый стол, который Эдуард установил в Виндзоре в 1344 году, имел окружность в шестьсот футов: Но гораздо интереснее знать, что по приглашению короля в Англию съехались дворяне и рыцарство Франции, Германии, Испании и других стран, а рыцарские собрания в Виндзоре были украшены присутствием королевы Филиппы и трехсот английских дам, которые, в честь дружеского союза рыцарей, были одеты в великолепные платья одной формы и фасона, и выглядели как сестры военного ордена. В планах Эдуарда политика сочеталась с рыцарской гордостью, ведь он хотел оставить на службе некоторых из иностранных рыцарей, приехавших на турнир в Виндзор. Но его намерение укрепить рыцарство было разрушено его соперником Филиппом Валуа, который основал также круглый стол, на который кавалерам континента было легче приехать, чем на турнир Эдуарда.^[6] Рыцари Франции получили прямой запрет от своего короля присутствовать на празднествах круглого стола в Виндзоре. Английский монарх также обнаружил, что не может обеспечить привязанность чужих рыцарей. Этот великий рыцарский принцип - товарищество в горе и радости людей, составляющих одно общество, - никогда не принимался ими во внимание. Стол Эдуарда в Виндзоре был окружен веселыми кавалерами, которые говорили и пели о войне и любви, а

затем весело возвращались в свою страну, преисполненные любезности к своему королевскому хозяину за его галантную осанку, но не готовые отказаться от рыцарских ассоциаций своей родины. Тогда Эдуард изменил свой замысел и пожелал учредить орден заслуг, чтобы "истинное дворянство после долгих и опасных приключений не лишилось по зависти той чести, которую оно действительно заслужило, и чтобы деятельная и выносливая молодежь не лишилась стимула к добродетели, которая должна считаться славной и вечной". "Он собрал дворянство и рыцарство своего королевства и объявил им о своем намерении создать особое рыцарское братство, которое будет называться рыцарями голубой подвязки, и постановил, что праздник должен ежегодно отмечаться в Виндзоре в день святого Георгия. Бароны и кавалеры Англии с радостью согласились на его благоволение, ибо их вдохновляло это поощрение к воинским подвигам, и они видели, что великая дружба и любовь будут расти и крепнуть среди них. Тогда были избраны двадцать пять самых доблестных мужчин королевства[8].

Таким образом, благороднейший орден Святого Георгия, названный Подвязкой, берет свое начало в романтике, в желании восстановить рыцарское достоинство и величие древней Британии. Впоследствии эта идея была объединена с политическими целями, которые также были вскоре отброшены, и братство соратников по оружию было создано для продвижения рыцарской чести. Но хотя галантность, как принято считать, не стала основой ордена, возможно, именно она стала причиной того, что союз получил последний пункт своего названия. Фруассар описывает страсть Эдуарда к графине Солсбери, но совершенно умалчивает об истории с ее подвязкой, что свидетельствует о неверности вульгарной истории; ведь Фруассар был близко знаком с двором английского короля, и его внимание всегда будоражили обстоятельства галантного и романтического характера. Вполне в духе тех дней оркестр считался прекрасным символом дружеского союза, который должен был существовать между рыцарями-компаньонами; и если бы любовь не была главной чертой рыцарства, орден можно было бы назвать просто орденом оркестра. Но галантно вступил в игру и потребовал своей доли рыцарских почестей. Века привередливой деликатности додумались бы до пояса или кушака, но наши простодушные предки считали подвязку желанным символом. Известный девиз Подвязки (*Honi soit qui mal y pense*), как полагает сэра Вальтер Скотт, относился к искажениям, которые французский монарх мог выкинуть в отношении ордена Подвязки, как он уже сделал это в отношении праздника Круглого стола[9].

Следует сказать кое-что и о воротнике ордена. Уортон, по-видимому, считает, что самый ранний воротник, который носили рыцари Подвязки, представлял собой дублирование буквы S, в аллюзии к начальной букве имени прекрасной дамы, которая, как он полагает, дала начало братству благороднейшего ордена Подвязки. Но на самом деле нет никаких доказательств того, что первоначально члены ордена носили какой-либо воротник как рыцари Подвязки, хотя они, безусловно, носили золотые воротники в качестве рыцарей-холостяков и рыцарей-баннеретов.

Любимым знаком семьи Ланкастеров была буква S. иногда одинарная, а иногда двойная, и золотой воротник эссе со временем стал общим воротником английских рыцарей, а серебряный воротник эссе носили оруженосцы. Буква S. была начальной буквой фразы: "*Sovereign vous de moy*". Этот девиз был очень любим в XIV веке, и впоследствии его часто вставляли в воротники с флердоранжем - незабудкой наших дней. Отличался ли в какой-то период золотой воротник эссе у рыцарей Подвязки, мы не знаем. Носимый в наши дни воротник, состоящий из подвязок с изображением Святого Георгия на них, не может быть прослежен выше правления Генриха VIII.

Орден был основан в честь Бога, Девы Марии, святого Георгия-мученика и святого Эдуарда, короля и исповедника. Эти два святых считались особыми покровителями рыцарей-компаньонов. То, кого наши предки понимали под именем Святого Георгия, вызывает сомнения. Одни современные авторы называют его страдальцем во время гонений Диоклетиана, другие - нечестивым Георгием Каппадокийским, арианским преемником Афанасия на архиепископском престоле Александрии.^[10] Не менее трудно выяснить, как святой обрел воинскую славу. Но, оставив подобные вопросы мартирологам и создателям легенд, для нашей цели достаточно отметить, что человек по имени Святой Георгий в очень ранние века считался святым-покровителем Англии и поэтому вполне закономерно стал одним из глав нового военного ордена. Его брат-покровитель святой Эдуард вскоре покинул свой высокий пост: но в то время, о котором я пишу, он пользовался большой славой, так как Эдуард III имел обыкновение ссылаться и на него, и на другого святого-покровителя с совершенной беспристрастностью; и когда он прорубал себе путь сквозь строй рыцарей, один удар его меча сопровождался восклицанием: "Ха, святой Эдуард", а другой - криком: "Ха, святой Георгий".

Любезность Эдуарда.

Продолжим, однако, общий курс рыцарства нашего Эдуарда III. Ничто не может быть прекраснее его вежливости во всех случаях. Она особенно проявилась в его обращении с заложниками французского короля для надлежащего исполнения договора в Бретињи. Он приказал своим офицерам вежливо и благосклонно относиться к этим лордам и их компании; и, соответственно, французские чужестранцы без опаски развлекались в Лондоне в свое удовольствие, а великие лорды охотились и охотились, ездили верхом по стране и посещали дам и девиц без всякого контроля, настолько обходителен и любезен был с ними король Англии.^[11] Во время всех турниров, которые проводились в его правление, он разрешал своим французам, шотландцам и другим пленникам участвовать в играх, а иногда даже снабжал их турнирной сбруей из королевской оружейной комнаты^[12].

Распространение рыцарского вкуса среди всех сословий.

О том, что рыцарский вкус существует среди людей, явно мало подверженных его влиянию, можно узнать из маскарадного турнира Эдуарда; ведь рыцарские игры должны были быть хорошо известны жителям Лондона, иначе не было бы выпущено объявление о том, что лорд-мэр при поддержке суда олдерменов и шерифов в определенный день проведет торжественный турнир. То же самое было доказано несколькими годами ранее, когда Черный принц вошел в Лондон с королем Франции Иоанном в качестве пленника. Снаружи дома были завешены гобеленами с изображением сражений, а горожане выставляли в своих лавках, окнах и на балконах невероятное количество луков и стрел, щитов, шлемов, корсетов, нагрудных и набедренных повязок, почтовых плащей, перчаток, умбрасов, мечей, копий, боевых топоров, доспехов для лошадей и прочего вооружения.^[13] Любопытно также отметить, что вечером накануне Дня Свечи в 1377 году сто тридцать жителей Лондона, чтобы развлечь юного принца Ричарда, сына кумира нации, Черного Принца, проехали, переодевшись рыцарями, от Ньюгейта до Кеннингтона, где находился двор, в сопровождении бесчисленной толпы, несущей восковые факелы и играющей на различных музыкальных инструментах.^[14]

Поскольку главные войны времен Эдуарда велись с рыцарским народом, обстоятельства, которые их окружали, благоприятствовали развитию рыцарских качеств английского характера. Я не буду повторять политические события наших славных состязаний с Францией и в тысячный раз описывать битвы при Кресси и Пуатье: но можно упомянуть, что

восхитительное выступление войск Эдуарда на поле Кресси стало высоким доказательством его рыцарской храбрости и в основном способствовало его победе над войсками короля Франции.

Английские лучники.

Битвы при Кресси и Пуатье, однако, не были полностью выиграны рыцарством Англии: лук был важнейшим оружием в английской армии. Он был характерен для норманнов и в основном помог им выиграть битву при Гастингсе. Впоследствии им пользовались мелкие землевладельцы, арендаторы в соккаже и широкие народные массы, в то время как копье было оружием лорда и рыцаря. Лук был эмблемой свободы, и превосходство наших лучников показывает, что политическое состояние Англии в четырнадцатом веке было выше, чем у любой континентальной нации[15].

Стрела была удивительной длины, равной длине суконного ярма. Выражение из старой баллады о Чеви-Чейзе,

"Стрела длиной в суконный ярд
Up to the head drew he,"

свидетельствует об обычаях наших предков; а фраза Лира из пьесы Шекспира "Нарисуй мне суконный двор" показывает, что в XVI веке национальный характер не был утрачен. Он поощрялся всеми надлежащими средствами: по королевскому указу стрельба из лука практиковалась в городах по праздникам, после церкви; в то время как коиты, петушиные бои и забавы с мячом были строго запрещены. Другие народы натягивали лук силой руки, но англичане - всей своей мощью: они вкладывали в лук все свое тело[16], как выразился один старый писатель; и когда они упражнялись в своем мастерстве в забавах, минимальным расстоянием, на котором устанавливалась метка, было одиннадцать сорока ярдов. Во времена Эдуарда III никто не мог лучше стрелять из лука, чем йомен: они были самыми сильными помощниками, которыми могли похвастаться наши рыцари.

У него был йомен, и слуг у него не было",
В то время, чтобы он мог так ездить;
И был он одет в плащ и капюшон зеленый.
Сноп павлиньих копыт яркий и острый
За поясом он держал бережливо.
Хорошо одет он был в свой костюм.
Не поникли перья на его стрелах,
А в руке он держал могучий лук.
Он не был хедом[17] с коричневым лицом.
В ремесле деревянном он знал толк.
На руке у него был нарядный браслет,
А на боку меч и бокелер;
А с другой стороны - великолепный кинжал,
Хорошо запряженный и острый, как острие копья;
Кристофер на груди его из серебра;
Рог он обнажил, бодрик был зеленый.
Форстер он был, как я догадываюсь"[18].

Читателю вряд ли нужно сообщать, что проигрыш французами битвы при Кресси начался с замешательства среди генуэзских арбалетчиков. Затем английские лучники отошли на шаг и, как говорит Фруассар, пустили свои стрелы так густо, что казалось, снег пробивает головы,

руки и груди. Французские кавалеры бросились убивать генуэзцев за их трусость, но острые стрелы англичан сразили их, а заодно и их лошадей. Победу решило рыцарство Черного принца: графы Фландрский и Аленсонский прорвались сквозь его лучников, но глубже проникнуть не смогли; и в личном противостоянии рыцарских родов двух наций англичане оказались победителями[19].

В битве при Пуатье английские лучники повергли в смятение французскую кавалерию, истребляя не запряженных лошадей. Правда, как замечает Фруассар, лучники принесли своей компании в тот день большую пользу; когда Черный принц спустился с холма, на котором он расположился, лучники смешались с его рыцарством, в истинно рыцарской манере, и стреляли так близко друг к другу, что никто не мог приблизиться к опасности[20].

Черный принц.

Известно поведение Черного Принца по отношению к своему пленнику, королю Иоанну, после битвы: он ждал его за столом, говоря, что ему не пристало сидеть за столом с таким великим человеком, как король; он проехал через Лондон в Савойю, Французский монарх сидел на белом и великолепно снаряженном боевом коне, а принц ехал рядом с ним на маленькой черной лошадке, - вся эта прекрасная манера поведения проистекала из скромности, самоуничижения истинного рыцарства и из того доброго внимания, которое рыцарь всегда проявлял к своему брату по оружию.[21]

В войнах Эдуарда было много обстоятельств, заслуживающих внимания как иллюстрация национального и личного характера, но которые были полностью пропущены или лишь слегка рассмотрены историками Англии; некоторые из них, стремясь к хронологической точности, а другие - к тому, чтобы сделать рассматриваемый вопрос лишь иллюстрацией нескольких политических принципов, очень изобретательно постарались лишить свой предмет всего его великолепия, интереса и разнообразия.

История королевского рыцарства.

Через три года после битвы при Кресси, в результате которой город Кале достался англичанам, французский лорд Гефfrey Шарни попытался вернуть его себе, подкупив губернатора, лангобарда Амери де Пюи. Эдуард, узнав о заключении договора, послал за своим офицером из Кале в Вестминстер. Увидев его, король развел его в стороны и сказал: "Ты хорошо знаешь, что я отдал тебе на хранение то, что я люблю больше всего на свете, кроме жены и детей, а именно город и замок Кале; а ты продал его французам; поэтому ты заслуживаешь смерти".

Тогда лангобард встал на колени и сказал: "Благородный король, я прошу тебя о пощаде: это правда, что ты говоришь; но, господин, сделка вполне может быть расторгнута, ибо до сих пор я не получил ни гроша".

Король, горячо любивший губернатора, ответил: "Амери, я хочу, чтобы ты продолжал выполнять свою сделку, и в день, который ты назначишь для сдачи города, позволь мне узнать об этом раньше; и на этом условии я прощаю тебе твоё преступление".

В соответствии с этим Амери вернулся в Кале и продолжил переговоры с лордом Гефfrey Чарни. В конце концов они договорились, что сдача Кале произойдет в ночь на новый год; и губернатор, верный своей верности, сообщил Эдуарду о ходе заговора. Король немедленно выехал из Лондона в Дувр с тремя сотнями вооруженных людей и шестью сотнями лучников и, переправившись через море, к вечеру достиг Кале и тайно разместил своих людей в покоях и башнях замка. Он не пожелал сам возглавить эту авантюру и, выбрав из своей

доблестной дружины сэра Уолтера Мэнни в качестве западного шевалье, сказал ему, что он и его сын, принц, будут сражаться под его знаменем.

Когда подошло время сдачи Кале, лорд Геффрей, узнав от Амери, что все готово, выступил из Арраса и послал перед собой двенадцать рыцарей и сотню вооруженных людей, чтобы овладеть замком. Амери пропустил их через мост, получив при этом мешок с двадцатью тысячами крон - ценой своего предательства. Он повел солдат к донжону замка, и тут же король Эдуард и сотня воинов с мечами и топорами яростно высыпали из него, выкрикивая боевой клич: "Манни, Манни, на помощь!". Французы были в панике от такого дикого натиска и бесцеремонно отдали себя в плен. Эдуард подошел к Булонским воротам, где нашел лорда Геффрея, который с тревогой ожидал, когда их откроют; а его спутники коротали томительные минуты, полагая, что Амери, подобно хитрому и подозрительному ломбардцу, занят подсчетом своих корон.

Крик "Мэнни на помощь!" нарушил их веселье, и, схватившись за мечи, они увидели группу вооруженных людей, выходящих из ворот. Через мгновение перед ними предстали король, Черный принц, Стаффорды, Саффолки, Салисбуры, Бошамы, Беркли, вся гордость и цветок английского рыцарства. Французы не отказались от боя, и он рыцарски продолжался до зимнего утра. В итоге победили англичане. Из одиночных поединков, в которых кавалеры продемонстрировали свою доблесть, самый ожесточенный произошел между королем и лордом Юстасом из Райбамаунта, сильным и выносливым рыцарем. Дважды Эдуард падал на колени, но в конце концов Юстас был побежден, и он отдал свой меч королю, сказав, не зная о его королевском достоинстве: "Сэр рыцарь, я отдаю вам вашего пленника".

Король обошелся с пленниками как с братьями по оружию, устроил им знатное развлечение и сел с ними за стол, а принц, лорды и рыцари Англии выступили в роли сопровождающих. После ужина, когда столы были убраны, король немного поговорил со своими рыцарями, а затем пообщался с французами. Он мягко упрекнул лорда Геффрея Шарнийского за предприятие, столь недостойное благородства и рыцарства; а затем, подойдя к сэру Юстасу Рыбамонскому, сказал ему со всей рыцарской радостью: "Сэр Юстас, вы тот рыцарь в мире, которого я видел наиболее доблестно нападающим на своих врагов и защищающим себя; И я никогда не находил рыцаря, который бы дал мне так много поблажек, как вы в этот день, и поэтому я даю вам приз выше всех рыцарей моего двора." После этого король снял со своей головы жемчужную чашу, прекрасную, красивую и богатую, и вручил ее рыцарю со словами: "Сэр Юстас, я даю вам эту чашу за то, что вы лучше всех в этот день справились с оружием, и я хочу, чтобы вы носили ее в течение этого года из любви ко мне. Я знаю, что вы свежи и любвеобильны, и часто бываете среди дам и девиц. Где бы ты ни был, говори, что я дал тебе его, и я освобождаю тебя из тюрьмы и отказываюсь от выкупа. Завтра, если вам будет угодно, вы уедете"[\[22\]](#).

Здесь рыцарство предстало во всей своей щедрости, элегантности и утонченности. Как прекрасно контрастирует поведение Эдуарда по отношению к сэру Юстасу де Рыбамону с его отношением к Юстасу де Сен-Пьеру и пяти его товарищам по несчастью, за три года до этого, во время сдачи Кале англичанам. Эдуард не сочувствовал их великодушной самоотдаче ради спасения жизни своих сограждан; никакие соображения о рыцарском милосердии не смягчили его разум; и только мольбы его королевы, которая была в состоянии подвигнуть самую суровую душу на исполнение ее желаний, вернули ему лучшую натуру. Однако прежде чем рыцарство Эдуарда будет осуждено в целом и окончательно, вспомним, что тяжелые потери его собственных людей сильно опечалили его разум против жителей Кале, и что в начале осады, когда капитан города выгнал из его ворот всех бедных и

немощих, Эдуард не только предоставил им свободный проход через свою армию, но и дал им мясо, питье и деньги[23].

Англия считалась местом почета.

Двор английского короля считался судебным местом чести; этому мнению есть очень любопытное доказательство. В 1350 году разразилась жестокая война между вавилонским Солдатом и Константином, королем Армении; первый вторгся во владения армянского князя с огромной и многочисленной армией, а последний пытался объединенными силами своих подданных, киприотов и родосцев отразить насилие языческих захватчиков или хотя бы задержать их продвижение, которое тогда стало угрожать всему христианству. Среди многих великих людей, которые вместе с христианскими принцами участвовали в этой священной войне, были кипрский рыцарь по имени Иоанн де Висконти, родственник короля Кипра, и рыцарь из Франции по имени Томас де ла Марш, внебрачный брат Иоанна де Валуа, французского короля. Оба эти рыцаря занимали высокие посты в христианской армии. По некоторым сведениям или из ревности Иоанн де Висконти обвинил бастарда Франции в измене; он согласился, в обмен на определенную сумму золота, которая должна быть выплачена ему заранее, и часть большей суммы, которая должна быть выплачена после, предать христианскую армию туркам. Томас де ла Марш, со всей уверенностью добродетели, смело отверг обвинение; оно было повторено, и снова брошено в лицо обвинителю; сменялись оскорбительные эпитеты, был брошен вызов на смертный бой, который был принят. Друзья двух рыцарей, опасаясь недовольства короля Кипра и короля Франции и боясь, что последствия поединка могут отразиться на них самих, заставили Джона де Висконти и Томаса де ла Марше согласиться вынести решение, которое должно быть определено советом конфедератов. Было решено, что они должны доставить письма с полным и ясным изложением их дела от указанных христианских принцев королю Англии Эдуарду и представить себя на суд поединка перед ним, как перед самым достойным и почетным принцем во всем христианстве; они поклялись оставаться совершенными друзьями до этого времени.

Вскоре после этого они отплыли в Англию, куда прибыли в начале сентября, и сразу же представили королю Эдуарду, от имени королей Армении и Кипра и остальных принцев и капитанов христиан, свои письма, в которых содержалось изложение всего спора и заключение, что дело должно быть решено в бою перед ним как их судьей. В присутствии короля и его двора сэр Джон де Висконти обвинил сэра Томаса де ла Марше в измене, требуя доказать это на его теле, и тут же бросил перчатку. Сэр Томас смело поднял ее и принял вызов в доказательство своей невиновности. Король Эдуард, прочитав письма и серьезно обдумав все это дело, назначил день для решения их ссоры в тесном поле в списках в своем Вестминстерском дворце.

В назначенный день они встретились, во всеоружии, верхом на лошадях, король, принц Уэльский и весь двор Англии были зрителями. Вскоре, при звуках трубы, между двумя незнакомыми рыцарями завязался самый галантный бой. Оба копыта разбились в щепки о щиты друг друга, но ни один из них не был сброшен с седла. Мгновенно и, как бы по взаимному согласию, они сошли на землю и, выхватив свои хорошие мечи, возобновили бой в пешем строю, пока, сражаясь с равной доблестью и благоразумием, оба их оружия не стали бесполезными, и они были вынуждены к тесному сцеплению, и в конце концов в результате борьбы оба оказались запертыми вместе, все еще борясь за победу. Ее одержал сэр Томас де ла Марш, используя средства, которые, хотя и были законны в поединке, не

были бы разрешены в придворном поединке и турнире. Он вооружил суставы своих перчаток острыми стальными шипами, называемыми гадлингерами, и с такой силой и частотой наносил ими удары по маленьким дальним перекладинам козырька своего противника, что Висконти был вынужден взывать к милосердию. После этого король отбросил своего стражника, маршал крикнул "Хо!", и бой прекратился. Эдуард присудил победу французу, объявив, что побежденный находится в его власти, согласно законам военного искусства[24].

Рыцарские герои времен Эдуарда.

Двор Эдуарда и его сына был таким же рыцарским, как и двор Артура, и гораздо более интересным для созерцания, поскольку было приятно обнаружить, что красоты рыцарского характера не были воображаемыми. Если Круглый стол мог похвастаться своим сэром Тристрамом и своим сэром Лонселотом Озерным, то орден Подвязки обладал своим сэром Уолтером Мэнни и своим сэром Джоном Чандосом, чья жизнь была столь блестящей и славной, что золотой век рыцарства не кажется, как золотой век наций, мечтой поэта.

Жесты и доблести сэра Уолтера Мэнни.

Рыцарская клятва сэра Уолтера.

В свите Филиппы, дочери графа Хайно, когда в 1327 году она приехала в Англию, чтобы сочетаться браком с Эдуардом III, был джентльмен баронского ранга по имени Уолтер из Мэнни[25]; и не считалось, что он потерял какие-либо качества своего происхождения, служа за ее столом в качестве резчика.[26] Он получил образование кавалера, и его военные достижения вскоре были замечены Эдуардом.[27] Он был посвящен в рыцари, и церемония была великолепной, платья были выбраны из королевского гардероба.[Когда в Лондоне заговорили о возможности войны с Францией, и все умы преисполнились надеждами на почести, сэр Уолтер поклялся перед дамами и лордами двора, что он будет первым рыцарем, который войдет на территорию врага[29], завоюет город или замок и совершит несколько подвигов. Затем он отправился во Фландрию и, когда между французами и англичанами был объявлен союз, собрал около сорока копий и, проскакав через Брабант днем и ночью, вскоре добрался до Хайно. Мортэйн, как он слышал, находился в королевстве Франция; проехав с максимальной скоростью через лес Блатон, он прибыл в желанный город еще до восхода солнца и по счастливой случайности обнаружил калитку в воротах открытой. Оставив несколько человек из своей компании охранять вход, он вышел на главную улицу с вымпелом наперевес и добрался до замка. Тут его заметил дозорный, который затрубил в рог и закричал "Измена, измена!". Для такого маленького отряда, как у сэра Уолтера, было бы крайним безрассудством пытаться штурмовать замок. Поэтому они довольствовались тем, что подожгли несколько домов, а затем покинули город; таким образом, благородный и нежный рыцарь сэр Уолтер Мэнни исполнил клятву, данную им дамам и лордам Англии[30].

Он сражался за любовь своей дамы.

После этого (в 1342 году), пользуясь высоким расположением Эдуарда, он был послан в Бретань с гордым отрядом рыцарей и лучников, чтобы помочь графине Маунтфорт, которую в то время осаждали французы в ее замке. Недолго думая, он бросился на врага, да так

эффектно, что уничтожил все его огромные штурмовые орудия. Французские рыцари, не ожидая столь смелых мер, залегли на некотором расстоянии от своих машин; но вскоре они выдвинулись вперед в грозном количестве. Англичане и бретонцы отступили, однако, легко и честно, хотя французы преследовали их с яростью. Сэр Уолтер поступил бы не по-рыцарски, если бы покинул поле боя, не оправдав себя; и он воскликнул: "Пусть я никогда не буду любим своей дамой, если не сражусь с одним из этих последователей!"^[31] Затем он положил свое копье на место, как и многие его товарищи. Они бросились на первых встречных. Потом стали видны вывернутые ноги, рыцари были схвачены и спасены, и много редких подвигов совершили обе стороны. После этого англичане медленно удалились в замок, а французы - в свои палатки^[32].

Спасение двух братьев-рыцарей.

Сэр Уолтер во всех своих действиях по оказанию помощи графине Бретани показал себя одним из лучших рыцарей эпохи; но ни один его доблестный поступок не был столь интересен, как спасение двух братьев-рыцарей, которых бесцеремонный кавалер по имени сэр Лойес из Испании приговорил к смерти. [Сэр Уолтер сказал своим спутникам: "Для нас будет великой честью, если мы сумеем избавить от опасности двух рыцарей; и даже если мы потерпим неудачу, когда пустимся в авантюру, король Эдуард, наш господин, поблагодарит нас, как и все остальные благородные люди. По крайней мере, будет сказано, что мы сделали все, что могли. Человек должен рисковать своим телом, чтобы спасти жизни двух столь доблестных рыцарей".

Столь щедрое предприятие было предпринято с готовностью: большая часть войска напала на вражеский лагерь, а сам сэр Уолтер с отборным отрядом отправился в квартал, где, по обычаю войны, содержались пленные. Найдя там двух рыцарей, он тут же усадил их на хороших коней, которых взял с собой для их использования, и, взяв их за руки, заставил скакать галопом в безопасное место.^[34] - Цель его экспедиции во Францию, а именно помощь графине Монфорт, была достигнута^[35], сэр Уолтер вновь пересек моря и отправился в Лондон.

Пример его радостного авантюризма.

В 1344 году он был отправлен в Гасконь вместе с графом Дерби и Ланкастером, графом Пембруком и другими знатными пэрами Англии в качестве одного из маршалов войска. Мэнни вдохновлял и направлял каждое предприятие. Судя по донесениям его шпионов о Бержерাকে, он считал, что это место очень опасно. Однажды за ужином с графом Дерби он воскликнул, держа в руке кубок с богатым гасконским вином: "Если бы мы были хорошими оружейниками, мы бы пили сегодня вечером с французскими лордами в Бержерাকে". Это смелое и мужественное высказывание вызвало бурные аплодисменты его братьев-рыцарей: столы и скамьи были опрокинуты, когда они поспешили покинуть зал и надеть сбрую, и через несколько мгновений они оседлали своих благородных коней. Граф Дерби прямо-таки ликовал при виде этого галантного сборища, и, воскликнув: "Поскачем на врагов во имя Бога и Святого Георгия", - вывесил знамена, и английские кавалеры призвали своих коней к скорости. Вскоре они достигли крепости Бержерак. Приятное желание сэра Уолтера не осуществилось, потому что ночь сомкнулась над сражающимися, и они не стали вместе пить гасконские вина. Весь следующий день прошел в маневрах и поединках *на выбывание*, а вечером французские воины ушли из Бержерака. Простой народ направил свои представления графу Дерби, который, сказав: "Кто желает милости, тот должен ее получить", заставил их поклясться в вере и почтении королю Англии^[36].

Его галантность перед Оберошем.

Ни одно обстоятельство в этой войне не имело такого значения, как освобождение замка Оберош, осажденного в то время французами. У графа Дерби было всего триста копий и шестьсот лучников, остальные силы были рассредоточены по всей стране. Французов можно было насчитать около десяти или двенадцати тысяч; но англичане, не смущенные численностью, считали большим позором покинуть своих друзей в Обероше. Граф Дерби и его рыцари находились тогда в лесу, в двух с небольшим лигах от Обероша; в ожидании графа Пемброка они оставили своих лошадей пастись.

Пока они бродили по полям в таком беспокойном состоянии, сэр Уолтер Мэнни сказал своим спутникам: "Давайте вскочим на коней и пойдем под прикрытием этого леса, пока не прибудем на ту сторону, которая соединяется с войском французов; а потом всадим шпоры в коней и закричим. Наш враг будет ужинать, и, не ожидая нас, вы увидите, что они так ошеломлены, что не смогут сохранять строй". Столь авантюрный план был с готовностью принят: каждый сел на коня, и отряд понесся по лесу, пока не приблизился к французам, которые собирались ужинать, а некоторые, более того, уже сидели за столами. Сцена праздника прервалась, когда англичане продемонстрировали свои знамена и вымпелы, вонзили шпоры в лошадей и с криком "Дерби, дерби!" бросились на них, опрокидывая шатры и павильоны. Когда французы оправились от изумления, они сели на своих коней и выехали в поле в боевом порядке; но там они обнаружили английских лучников, готовых принять их, и эти смельчаки стреляли так яростно, что погубили множество людей и лошадей. С другой стороны замка наблюдалось благородное проявление французского рыцарства, и англичане, одолев тех, кто находился возле палаток, смело ворвались в них. Было совершено много благородных подвигов, рыцари были взяты и спасены, и английское дело восторжествовало, ибо рыцари замка вооружились и теперь вышли вперед и бросились в самую гущу. Затем англичане вошли в Оберош, и граф Дерби устроил ужин для пленных графов и виконтов, а также для многих рыцарей и оруженосцев, восхваляя при этом Бога за то, что тысяча его людей одолела многие тысячи их врагов, спасла город Оберош и своих товарищей, находившихся внутри, которые, по всей вероятности, были бы взяты в течение двух дней.

На следующее утро, на рассвете, граф Пемброк прибыл в замок со своим отрядом из трехсот копьеносцев и четырех тысяч лучников; и его личное рыцарское достоинство было удручено тем, что столь прекрасный рыцарский подвиг был совершен без него; и он сказал графу Дерби: "Конечно, кузен, вы проявили большую нелюбовь, сражаясь с нашими врагами без меня. Вы послали за мной, и могли быть уверены, что я не откажусь прийти".

"Прекрасный кузен, - сказал граф Дерби, - мы очень хотели, чтобы вы были с нами: мы простояли весь день, пока не наступил полдень, а когда увидели, что вы не пришли, не решились больше оставаться; ведь если бы наши враги знали о нашем приходе, они имели бы большое преимущество над нами, но теперь мы имеем преимущество над ними". Граф Пемброк был вполне удовлетворен этим справедливым ответом и до конца войны галантно сражался вместе со своим благородным братом[37].

Его сыновняя набожность.

Нам нет нужды описывать ратные подвиги сэра Уолтера перед Ла-Реолем, осажденным графом Дерби; но когда город сдался, произошло небольшое обстоятельство, прекрасно иллюстрирующее характер нашего рыцаря. Его отец был убит неподалеку от этого места, когда совершал паломничество к святыне святого Иакова в Испании, и похоронен в маленькой часовне на поле, которое тогда находилось без города Ла-Реоль, но было заключено в стены, когда граф Дерби завоевал его. Сэр Уолтер спросил, нет ли человека,

который мог бы показать ему могилу его отца, предложив сто крон за знание и труд. Один человек, седой и согбенный от старости, подошел к рыцарю и заявил: "Сэр, думаю, я смогу привести вас к месту, где похоронен ваш отец". Тогда Мэнни, обрадованный обещанием, ответил: "Если твои слова верны, я выполню завет и даже больше".

Горожанин привел его к месту погребения, и они нашли маленькую мраморную гробницу, которую слуги умершего паломника почтительно возложили над ним. Старик, указав на нее, воскликнул: "Господин, под этой гробницей лежит твой отец". Тогда господин Мэнни прочитал надпись на гробнице, написанную на латыни^[38], и, убедившись, что его проводник сказал правду, дал ему награду. После этого он велел забрать кости своего отца и перевезти их в Валансьенн, что в графстве Эно. Там его похороны были совершены с подобающей святостью: шлем, меч, перчатки, шпоры и табард были повешены над его могилой, и до тех пор, пока семья Манни жила в этой стране, печальные и торжественные священники ежегодно отпевали его душу^[39].

История рыцарских нравов.

Сэр Уолтер так мужественно защищал замок Агильон, что герцог Нормандский был вынужден снять осаду. Только что состоялась битва при Кресси, и нашему рыцарю не терпелось навестить своего государя Эдуарда. Он вступил в разговор с кавалером из Нормандии, который был у него в плену, и потребовал от него денег, которые тот готов заплатить за выкуп. Рыцарь ответил, что с радостью отдаст три тысячи крон.

"Что ж, - сказал сэр Уолтер, - я, конечно, знаю, что вы родственник герцога Нормандии и так горячо любимы им, что, если бы я стал давить на вас, то, думаю, он с радостью заплатил бы десять тысяч крон; но я поступлю с вами иначе. Вы отправитесь к герцогу, вашему господину, по вашей вере и обещанию, и получите для меня и двадцати моих спутников безопасный провоз через Францию в Кале, учтиво оплатив все наши расходы; и если вы сможете добиться этого от герцога или короля, я охотно верну вам выкуп, ибо я очень хочу видеть короля моим господином. Если же вы не можете этого сделать, возвращайтесь через месяц и считайте себя моим пленником".

Рыцарь остался доволен и отправился в Париж к герцогу, своему господину; получив паспорт, он вернулся с ним к сэру Уолтеру, который освободил его от выкупа. Мэнни отправился в путь и благополучно доехал до Орлеана, где был схвачен офицерами короля Франции и доставлен в Париж.

Об этом обстоятельстве было доложено герцогу Нормандии, который отправился к королю-отцу и умолял его ради рыцарской чести освободить сэра Уолтера. Долгое время он был неумолим, ибо желал уничтожить того, кого называл своим главным врагом; но, наконец, добрый совет возобладал над ним, и Мэнни был освобожден из тюрьмы. Он обедал с французским монархом, который вел себя с рыцарским великодушием. Он оказал англичанину благородный прием и предоставил ему почетное место на помосте. Он также преподнес ему драгоценности на сумму в тысячу флоринов, которые сэр Уолтер принял только с условием, что будет иметь право вернуть их, если его господин, король Англии, не одобрит их сохранение; и французский король заявил, что он говорил как благородный рыцарь.

После этого сэр Уолтер возобновил свое путешествие и вскоре достиг Кале. Эдуард приветствовал его, но, узнав о подарках, сказал: "Сэр Уолтер, вы до сих пор верно служили нам и, мы уверены, будете служить и впредь. Верните подарки королю Филиппу; у вас нет

причин хранить их у себя: слава Богу! У нас достаточно и для себя, и для вас; и мы намерены сделать вам много добра за ту услугу, которую вы нам оказали".

Сэр Уолтер немедленно отдал эти драгоценности своему кузену по имени сэр Мансак и сказал: "Скажи во Францию, к королю, и представь меня ему, и скажи, что я тысячу раз благодарю его за его подарок; но поскольку королю, моему господину, не угодно, чтобы я оставил их себе, я снова отсылаю их к нему".

Итак, сэр Мансак поскакал в Париж и получил королевскую аудиенцию. Король не принял драгоценности, но навязал их рыцарю, который, будучи менее совестливым, чем его кузен, поблагодарил Его Светлость и не был расположен сказать "нет".[40]

Мягкий нрав Мэнни.

Сэр Уолтер оставался со своим государем во время памятной осады Кале; и когда жители предложили капитулировать, именно его совет склонил Эдуарда предложить городу пощаду при условии сдачи шести главных бюргеров, вместо того чтобы требовать общей покорности. Хотя Юстас де Сен-Пьер и его благородные спутники были спасены слезами и мольбами Филиппы, именно этот кроткий рыцарь, сэр Уолтер Манни, первым попытался отвести яростный гнев короля. "Благородный сэр, - сказал он, - сдержите свою храбрость. У вас репутация благородного человека, поэтому не делайте ничего, что могло бы запятнать вашу славу. Каждый скажет, что это большая жестокость - предавать смерти таких честных людей, которые из своих благородных чувств, чтобы спасти своих товарищей, отдали себя в вашу власть"[41].

Его значение при дворе Эдуарда.

Сэр Уолтер ничего не потерял от внимания Эдуарда из-за этого противоречия его юмору. Но он продолжал пользоваться таким расположением, что ему было разрешено жениться на даме, связанной с королевской семьей[42]: он получил Подвязку и был призван в парламент среди баронов Англии с двадцать первого по сорок четвертый год царствования Эдуарда.[43] Он был среди английских лордов, подписавших Бретины в 1360 году; и я сожалею, что он был одним из членов совета Эдуарда, который советовал послать помощь Черному принцу, когда тот собирался помочь Петру Жестокому. Приятнее созерцать нашего кавалера на поле боя, чем в зале заседаний. Он был в высшей степени мудрым и изобретательным солдатом, умелым и храбрым в бою.

Его поразительная проницательность.

Когда в 1369 году возобновилась война между Англией и Францией, герцог Ланкастер (впоследствии граф Дерби) предотвратил приход герцога Бургундского к английским берегам, высадив небольшую армию в Кале и опустошив страну близ Булони. Герцог Бургундский командовал на Турнехемских высотах: англичане находились поблизости, и ежедневно ожидалось сражение. Англичане скорее боялись, чем желали его; ведь их горстке людей противостояло более четырех тысяч французских рыцарей. Герцог Бургундский не мог вступить в бой без разрешения короля; но политика Карла запрещала сражение, и тогда герцог попросил разрешения удалиться: король согласился. Однажды ночью были разожжены костры, и в лагере французов поднялся неожиданный переполох. Те из англичан, кто находился рядом с ним, были разбужены ото сна. Они разбудили лорда Роберта Намюрского, который немедленно вооружился и, сопровождаемый человеком со своим знаменем, направился к палатке герцога Ланкастерского, которого уже потревожили. Английские лорды один за другим расположились вокруг герцога, выстроив себя, по

привычке, в боевой порядок, без шума и света, и расположив лучников в таком виде, чтобы быть готовыми принять атаку французов. Однако нападения не последовало, и, выждав два часа, герцог посоветовался со своими лордами. По мудрому мнению Мэнни, французы бежали, и он посоветовал Ланкастеру преследовать их. Но герцог отказался от этой затеи, ибо, по его словам, он никогда не мог поверить, что столько доблестных оруженосцев и благородных рыцарей могут так позорно бежать. Однако как только наступило утро, выяснилось, что лагерь французов опустел, и герцог Ланкастерский раскаялся, что не последовал совету своего опытного друга.

Его либеральность.

Таков был сэр Уолтер Мэнни: галантный, выносливый, авантюрный и мудрый. Но все же чего-то не хватало для прекрасного совершенства его характера; ведь любезность с дамами, храбрость и мастерство на поле боя сами по себе не делали из него настоящего кавалера. Либеральность была изящным украшением рыцарского характера; и благотворительные анналы Лондонского города помещают эту корону на чело нашего благородного представителя английского рыцарства.

Во время чумы в Англии в 1348 году Лондон и его окрестности были главными местами страданий; и поскольку ни один церковный двор не мог вместить жертв, епископ Лондона купил участок земли под названием "*Ничья земля*"^[44] и освятил его для захоронений. В следующем году сэр Уолтер Мэнни существенно пополнил благотворительность епископа; он купил и освятил для той же цели тринадцать акров и один прут земли, примыкающей к Ничейной земле и лежащей в месте, называемом Спитл Крофт, поскольку оно принадлежало больнице святого Варфоломея. В тот же год, когда он был куплен, цель, казалось, была достигнута, поскольку (согласно некоторым хартиям Эдуарда III и надписи на кресте, оставшейся со времен Стоу) здесь было похоронено пятьдесят тысяч человек. Сэр Уолтер построил на кладбище часовню, а в 1371 году основал дом монахов-картузианцев под названием "Приветствие Божьей Матери" для развития благотворительности и утешения религии^[45].

Скончался в 1372 году.

Похоронен в Чартер-хаусе.

Последнее обстоятельство его истории будет рассказано в подходящей по смыслу строфе Фруассара. "В тот же сезон (1372) умер благородный рыцарь, сэр Уолтер Мэнни, в городе Лондоне, о чем все бароны Англии прямо-таки сожалели из-за правды и добрых советов, которые они всегда видели и слышали в нем. Он был похоронен с большой торжественностью в монастыре Чартер-Хаус, недалеко от Лондона; в день его отпевания присутствовали король и все его дети, а также все прелаты, бароны и рыцари Англии. Его владения, как в Англии, так и за морем, перешли к графу Пембруку, который женился на леди Анне, его дочери и наследнице"^[46].

Героизм сэра Джеймса Одли.

Среди цветков рыцарства Эдуарда следует упомянуть сэра Джеймса Одли; не то чтобы подробная история его подвигов была интересной, но в его жизни был один ряд обстоятельств, делающих честь его имени и рыцарскому характеру, и отличающихся от всего остального в нравах других эпох.

Непосредственно перед битвой при Пуатье сэр Джеймс сказал Черному принцу: "Сэр, я всегда искренне служил милорду, вашему отцу, и вам тоже, и буду служить, пока жив; и, чтобы доказать свое расположение, я однажды дал обет, что в первой же битве, в которой будет участвовать король, ваш отец или любой из его сыновей, я буду одним из первых, или умру в этой попытке. Поэтому я прошу вашу милость, в награду за все услуги, которые я когда-либо оказывал королю, вашему отцу или вам, дать мне разрешение уехать от вас, чтобы я мог исполнить свой обет".

Принц удовлетворил его желание и, взяв его за руку, воскликнул: "Сэр Джеймс, да даст вам Бог в этот день стать самым лучшим рыцарем из всех моих людей".

После этого Одли отбыл и отправился навстречу английским сражениям, сопровождаемый лишь четырьмя оруженосцами, которые поклялись никогда не покидать его.

Его опередил в своей галантной затее лорд Юстас Дамбертикур, чье рыцарство было вдохновлено леди Джулианой[47], но он продолжал идти впереди битвы, совершая чудеса оружия. Он не терял драгоценных минут на захват пленных, но, обезоружив одного противника, устремлялся вперед на другого. Он был тяжело ранен как в тело, так и в лицо; по окончании боя четверо его оруженосцев вынесли его из битвы и, положив под изгородь, перевязали раны.

Эдуард вскоре поинтересовался судьбой своего доблестного друга, и сэр Джеймс, выразив радость по поводу того, что его принц вспомнил о таком бедном рыцаре, каким он был, позвал восемь своих слуг и заставил их отнести его на санях в королевский шатер.

Принц взял его на руки и, обняв с истинно братской любовью, сказал: "Сэр Джеймс, я должен оказать вам большую честь, ибо ваша доблесть в этот день принесла славу всем нам".

"Сэр, - ответил рыцарь с истинно рыцарской скромностью, - вы говорите так, как вам угодно. Я бы хотел, чтобы это было так; но если я в этот день потрудился служить вам и исполнить свою клятву, то никакая доблесть не должна мне приписываться".

"Сэр Джеймс, - ответил принц, - я и все мои рыцари считаем вас лучшим оружейником этого дня; и чтобы вы могли лучше вести эти войны, я оставляю вас навечно своим рыцарем с пятьюстами марками ежегодного дохода".

Его щедрость.

Сэр Джеймс, выразив свою благодарность, был отведен обратно в палатку. Затем он призвал к себе четырех оруженосцев и передал им дар принца, заявив, что обязан им своей доблестью. Принц вскоре узнал об этом благородном поступке и, послав за ним, поинтересовался, почему тот отказался от своей доброты. Сэр Джеймс просил прощения за свое поведение, но утверждал, что не может поступить иначе, поскольку его оруженосцы в тот день несколько раз спасали ему жизнь и позволили выполнить свой обет. Благородство Эдуарда не допускало никакого чувства личной обиды, и, подражая щедрости своего друга, он сделал в его пользу новое пожалование, более ценное, чем прежде[48].

Мемуары сэра Джона Чандоса.

Его галантность по отношению к дамам.

Но из всех смелых и ярких персонажей двора Эдуарда III ни один не отличался большим величием и разнообразием подвигов, чем этот мудрый и доблестный рыцарь, сэр Джон Чандос. Он был потомком нормандского рода, примыкавшего к Вильгельму Завоевателю и прославившегося во все века своей истории.[49] Будучи еще оруженосцем, он сопровождал Эдуарда III в его первой войне во Франции; при осаде Камбрея он поразил провансальских рыцарей великолепными подвигами, совершенными им и оруженосцем из Вермандуа. В битве при Виронфоссе, состоявшейся сразу после этого, он находился рядом с личностью своего государя и за свою доблесть получил рыцарское звание от королевского меча.[Как и его друг, сэр Уолтер Мэнни, он был нежен и доблестен; именно Чандос вместе с другим кавалеристом спас дам замка Пойс от жестоких нападений сброда. 51] Он был в фургоне вместе с Черным принцем в битве при Кресси; а в битве при Пуатье он никогда не покидал его сторону.

Забавный пример рыцарской гордости.

В день, предшествовавший этому последнему великому событию, произошло забавное доказательство рыцарской гордости, касающееся гербовых знаков. Сэр Джон Чандос со стороны англичан и лорд Клермонт со стороны французов вели разведку сил друг друга; вернувшись к своим хозяевам, они встретились и были взаимно удивлены тем, что на каждом из них была одна и та же гербовая эмблема.

Лорд Клэрмонт воскликнул: "Чандос, как давно ты взял на себя обязанность носить мой герб?"

"Нет, вы носите мой", - ответил английский рыцарь, - "ибо он принадлежит мне так же, как и вам".

"Я отрицаю это, - заметил лорд Клэрмонт, - и если бы не перемирие, заключенное между нами в этот день, я бы немедленно доказал, что вы не имеете права носить мой прибор".

"Сэр, - ответил Чендос со спокойствием истины и храбрости, - завтра вы найдете меня готовым доказать, что он мой, как и ваш".

Клэрмонт страстно завершил конференцию, сказав: "Это обычные слова вас, англичан, ибо вы не можете изобрести ничего нового; но вы принимаете за свое все, что считаете красивым, принадлежащим другим"[52].

Важность его совета при Пуатье.

В битве при Пуатье совет Чандоса сыграл важную роль в судьбе дня: когда английские лучники повергли французов в смятение, он сказал Черному принцу: "Сэр, берите своего коня и выезжайте; этот день ваш. Давайте двинемся вперед, к битве с французским королем, ибо там кроется главное. Я полагаю, что, благодаря своей доблести, он не уйдет. Я верю, что, по милости Божьей и Святого Георгия, мы его возьмем; и, сэр, я слышал, как вы сказали, что в этот день я увижу вас хорошим рыцарем". Именно этот совет направил мужество Эдуарда, и победа осталась за Англией.

Его подвиги в Бретани,

В течение девяти лет после битвы при Пуатье о Чандосе не сохранилось ничего примечательного. В 1365 году он был героем и советником графа Маунтфорта в его войне с графом Блуа. Маунтфорт не принял ни одной меры, которая не была бы предложена им или не встретила бы его осуждения. Чандос был не только мудрым, но и доблестным рыцарем; в

битве при Орее его могучий топор пробил множество шлемов французов. Судьба этой битвы определила его другу Маунтфорту герцогство Британия; по мнению французских лордов, рыцарей и оруженосцев, победа была одержана благодаря мастерству и высокой доблести Чандоса[53].

и в Испании.

Он был сенешалем Аквитании и всех тех стран, которые были закреплены за англичанами по Бретиньскому договору. Вместе с сэром Томасом Фелтоном он был вызван в Ангулем, чтобы проконсультировать Черного принца относительно дел в Испании. Свергнутый король прибыл в Бурдо, и Эдуард, решив оказать ему помощь, попытался подкрепить свою решимость суждением друзей. Чандос и его советники упорно пытались изменить его решение. Когда, действительно, никакие соображения не могли поколебать цель Черного принца, наш рыцарь сопровождал его в Испанию, поскольку его обязанности перед своим сеньором требовали военной службы.

Его произвели в рыцари-баннереты.

Перед битвой при Наварете он принял звание и титул рыцаря-баннерета. Когда в тот памятный день взошло солнце, было очень красиво наблюдать за сражениями или дивизиями армии Черного принца и их блестящей сбруей, сверкающей в его лучах. Враждебные силы медленно приближались друг к другу. Эдуард с коротким отрядом рыцарей поднялся на небольшой холм и ясно увидел врага, шедшего прямо на них. За принцем последовало его войско; достигнув другой стороны холма, они выстроились плотным строем, и каждый заново застегнул доспехи и одел копье.

Сэр Джон Чандос шел впереди сражающихся с расчехленным знаменем в руке. Он вручил его принцу, сказав: "Сэр, вот мое знамя. Я требую, чтобы вы выставили его за границей, и дайте мне разрешение в этот день поднять его, ибо, сэр, благодарю Бога и вас, я обладаю землей и наследством, достаточными для его поддержания".

Принц и король Петр взяли в руки знамя, на котором был изображен острый кол *gules*, на поле *argent*, и, отрезав конец, чтобы сделать его квадратным, расстелили его за границей; и принц передал его Чандосу, сказав: "Сэр Джон, вот ваше знамя, и Бог посылает вам радость, и честь, и силу, чтобы сохранить его!"

Чандос поклонился и, поблагодарив принца, вернулся к своим и сказал: "Сэры, вот мое знамя и ваше, храните его как свое собственное".

Они взяли его и были очень рады этому, заявив, что, по благоволению Бога и святого Георгия, будут хранить и защищать его в меру своих сил.

Затем знамя было передано в руки достойного английского оруженосца по имени Уильям Аллестри, который нес его в тот день и проявил себя благородно.

В этой битве Чандос консультировал герцога Ланкастера так же мудро, как в битве при Пуатье он консультировал Эдуарда. Он также творил чудеса в оружии, ибо был великим и могучим рыцарем и хорошо сложен всеми своими конечностями; но он так далеко зашел в своих приключениях, что оказался закрыт среди своих врагов и в конце концов был прижат к земле. Испанец гигантского роста навалился на него с ужасающей силой; но сэр Джон достал из груди нож, который, как он помнил, был при нем, и нанес своему противнику такой яростный удар в спину и по бокам, что ранил его до смерти, когда тот лежал на нем. Сэр Джон перевернул его, быстро поднялся на ноги, и к нему присоединились его воины,

которые в то время с большим трудом прорвались сквозь толпу, когда увидели его поверженным[54].

Уходит из "Черного принца";

но возвращается.

Чандосу не удалось отговорить принца Уэльского от войны в Испании, как не удалось отговорить его и от более рокового проекта обложить непосильными налогами его французские владения. Убедившись в том, что принц полон решимости, и не желая терпеть упреки и порицания по этому поводу, сэр Джон распрощался с принцем, оправдываясь тем, что отправился в Нормандию, чтобы посетить земли Сен-Савьера ле Виконта, лордом которых он был, так как не был там уже несколько лет. Когда началась война, столь гибельная для власти Англии во Франции, Черный принц написал Чандосу, чтобы тот без промедления присоединился к нему. Сэр Джон немедленно отправился в Ангулем, и его сеньор с радостью принял его. По просьбе баронов и рыцарей этой страны он был назначен сенешалем Пуату.

Примечательна щедрость его поведения по отношению к лорду Пемброку.

Его ратные подвиги превзошли его былую славу, но больше всего поражало его рыцарское великодушие, и обстоятельства, сопровождавшие появление этой черты его характера, очень интересны. Он пожелал, чтобы граф Пемброк, находившийся в гарнизоне Мортаягена, сопровождал его в походе на французскую территорию. Граф был вполне доволен тем, что отправился в путь верхом; но некоторые рыцари из его совета нарушили его намерение и сказали: "Сэр, вы еще молоды, и ваше благородство впереди; и если вы возьмете себя в компанию сэра Джона Чандоса, он будет иметь репутацию и голос, поскольку вас будут рассматривать только как его компаньона; Поэтому, сэр, для вас, поскольку вы великий лорд, лучше, чтобы вы совершали свои предприятия сами, а сэр Джон Чандос пусть совершает свои, ибо по сравнению с вашим состоянием он всего лишь рыцарь-холостяк".

Граф Пемброк, соответственно, откланялся, и сэр Джон Чандос без его помощи отправился в Анжу в сопровождении трехсот копий рыцарей и оруженосцев и двухсот лучников. Он осуществил все свои замыслы; наконец, услышав, что сэр Луи Сансерский, маршал Франции, с большим числом военных людей находится в Сене в Турени, он пожелал с ним справиться; но поскольку его собственные силы были недостаточны для столь великого подвига, он послал весть о своем намерении графу Пемброку, прося его отправиться со своими солдатами в Шательро.

Глашатай Чандос принял послание, но граф по совету своих рыцарей снова отказался. Глашатай отправился к сэру Джону в Шательтеро, и предприятие было сорвано из-за самонадеянности и гордости графа Пемброка: Чандос дал разрешение большей части своей компании уехать, а сам отправился в Пуатье. Некоторые из его людей присоединились к графу Пемброку, который во главе трехсот рыцарей и оруженосцев произвел большие разрушения в Анжу и вернулся с огромной добычей в Пуату.

Французы, решив, что сбить его с толку легче, чем сэра Джона Чандоса, собрали семьсот солдат из всех гарнизонов страны, и командование принял сэр Луи Сансерский. Граф Пемброк ничего не слышал о враге, и, не обладая бдительностью сэра Джона Чандоса, не позаботился о том, чтобы навести справки. Однажды англичане отдыхали в деревне под названием Пюиленон, на территории Пуату, как вдруг в город вошли французы с копьями наперевес, возглашая: "Богоматерь Сансерская, за маршала Франции". Англичане как раз

одевали своих лошадей и готовили ужин, когда на них неожиданно напали. Несколько человек было убито, все награбленное было возвращено, многие попали в плен, а граф Пемброк и некоторые его рыцари и лучники спаслись в прецептории тамплиеров. Французы атаковали его, и он был столь же галантно защищен, пока ночь не положила конец штурму.

Англичане были так стеснены в средствах, что понимали, что должны быстро сдаться, если Чандос не придет им на помощь. Сквайр, который, как оказалось, знал страну, предложил сходить к сэру Джону, и тот, соответственно, покинул крепость, когда французы удалились на покой. Но вскоре он потерял дорогу и восстановил ее только к утру.

На рассвете французы возобновили штурм, а на стенах установили павезы, чтобы защитить свои головы от ударов англичан. Граф Пембрук и его маленький отряд сражались так храбро с утра до полудня, что французы были вынуждены остановиться и прибегнуть к некавалерийскому способу издеваться над своими доблестными врагами, послав в соседние деревни за пиками и мотыгами, чтобы те могли подрывать и разрушить стену.

Тогда граф Пембрук подозвал к себе оруженосца и сказал: "Друг, возьми моего коня, выпусти его у заднего столба и поезжай прямо в Пуатье, покажи сэру Джону Чандосу, в каком положении мы находимся, и порекомендуй меня ему вот этим знаком, - добавил граф, снимая с пальца кольцо, - передай его ему, ибо сэр Джон хорошо знает его".

Сквайр взял кольцо и, немедленно сев на своего коня, скрылся через ворота, думая, что добьется большой чести, если доберется до сэра Джона Чандоса.

Первый оруженосец, потеряв столько времени в суматохе ночи, прибыл в Пуатье только в девять утра. Он застал сэра Джона за мессой и, ввиду важности своего послания, нарушил его молитву.

Чувства Чандоса были сильно оскорблены гордостью и самонадеянностью графа Пемброка, и он не спешил его успокаивать. Он выслушал мессу. После этого столы были накрыты для полуденной трапезы.

Слуги, среди которых разнеслась весть об оруженосце, спросили сэра Джона, пойдет ли он ужинать. Он ответил: "Да, если все будет готово".

Он пошел в зал, и рыцари и оруженосцы принесли ему воды. Пока он умывался, в зал вошел второй оруженосец графа Пемброка, бледный, изможденный и измазанный в дороге, опустился перед ним на колени, достал из кошелька кольцо и сказал: "Любезный сэр, граф Пемброк рекомендует вам этот знак и от всего сердца желает, чтобы вы помогли ему избавиться от нынешней опасности в Пуиленоне".

Чендос принял кольцо, но вместо того, чтобы призвать друзей к оружию, холодно заметил, что будет трудно помочь графу, если дело обстоит так, как его представил оруженосец. "Пойдемте ужинать, - сказал он, и рыцари сели за стол.

Первое блюдо было съедено в молчании, ибо Чендос был задумчив, а умы его друзей не были праздными.

В середине второго блюда, когда щедрое французское вино пробудило его лучшую натуру, он вышел из задумчивости и с улыбкой гордости и великодушия воскликнул: "Сэры, граф Пемброк - человек благородный и великого рода: он сын моего природного господина

короля Англии, ибо женился на его дочери, и во всем он товарищ графа Кембриджа. Он требует, чтобы я пришел к нему, и я должен согласиться на его желание".

Затем он оттолкнул от себя стол и, поднявшись во весь рост своей прекрасной воинственной фигуры, воскликнул: "Галантные рыцари, я поеду в Пюренъон".

Это благородное и великодушное решение нашло отклик в сердцах каждого из присутствующих. Зазвучали трубы, рыцари поспешно облачились в доспехи и оседлали первых попавшихся лошадей, и через несколько мгновений двор сверкал более чем двумя сотнями копий. Они быстро поскакали в сторону Пуиренона; но весть об их приближении достигла бдительных французов достаточно быстро, чтобы они отказались от осады и отступили с пленными и добычей.

Граф Пемброк вскоре убедился, что ужас перед именем Чандоса напугал врага, и предложил своим спутникам ехать в сторону Пуатье и встретить своих освободителей. Они покинули деревню в прекрасном настроении: одни пешком, другие на лошадях, и многие галантные кони в этот день несли двойную ношу. Не успели они проехать и лиги, как встретили сэра Джона Чандоса и его роту, которые, к своему огорчению, узнали об отступлении французов. Они проскакали в компании три лиги, ведя веселую беседу о ратных делах. Затем они разъехались, Чандос вернулся в Пуатье, а граф Пемброк - в Мортайгн.[\[55\]](#)

Последние любопытные обстоятельства его жизни.

Славная карьера нашего рыцаря подходила к концу. В результате предательства одного монаха аббатство Сен-Сальвин, расположенное в семи лигах от Пуатье, перешло во владение французов, которые весь тот год, 1371-й, притесняли английские земли. Чандос был глубоко удручен потерей аббатства, которое входило в сферу его сенешальства. Вернуть его с помощью рыцарского мастерства или вызвать врагов на честный и мужественный бой казалось одинаково невозможным, и его высокий дух был уязвлен этими оскорблениями его военных способностей. В последний день декабря он предпринял неудачную попытку вернуть аббатство; вернувшись в Шовиньи, он отпустил две трети своего войска, рыцарей Пуату и Англии. Сэр Томас Перси с тридцатью копьями получил разрешение отправиться на поиски приключений. Его собственный разум был слишком неспокоен, чтобы он мог предаваться простым рыцарским упражнениям, и, пожелав им доброго пути, он вернулся в дом, полный меланхолических мыслей. Он не ложился отдыхать, хотя ночь была уже далеко; он оставался на кухне, греясь у огня, а его слуги старались своими шутками и рассказами прогнать его беспокойство.

Перед рассветом в дом вошел человек с поспешностью и тревогой носителя важных новостей.

"Французы едут за границу", - сказал он сэру Джону.

"Откуда вам это известно?"

"Я уехал с ними из Сент-Сальвина", - был ответ.

"В какую сторону они поехали?" - спросил Чендос.

"Точного пути я не знаю, - ответил его осведомитель, - но я видел их на большой дороге в Пуатье".

"Каких французов?" - спросил сэр Джон.

"Сэр Луи из Сен-Жюльена и бретонец Карно".

"Что ж, - сказал Чендос, - мне все равно: Я не собираюсь ехать сегодня ночью: может случиться, что они встретятся, хотя меня там не будет".

На этом разговор закончился, но Чендос не мог выбросить эту тему из головы. Он размышлял над услышанным, и надежда постепенно пробивалась сквозь мрак разочарования.

Тогда он сказал своим рыцарям, что поедет в Пуатье, и они с радостью запрягли коней.

Чандос с сорока копьями выехал из Шовиньи еще до рассвета и, встав на пути французов, вскоре нагнал их у моста Лусак. Они шли пешком, готовясь напасть на сэра Томаса Перси и его небольшой отряд, расположившийся на другой стороне моста.

Не успели французы и бретонцы разработать план нападения, как услышали топот боевых коней Чандоса и, обернувшись, увидели его грозное знамя. Он приблизился к мосту на расстояние трех фурлонгов и вступил с ними в переговоры. Он упрекнул их в грабежах и насилии в стране, где он был сенешалем.

"Вот уже более полутора лет, - продолжал он, - как я задался целью найти и встретить вас, и теперь, благодарение Богу, я вижу вас и говорю с вами. Скоро выяснится, кто из вас проворнее - вы или я. Вы часто выказывали желание встретиться со мной; теперь вы можете увидеть меня перед собой. Я - Джон Чандос: относитесь ко мне хорошо, - прогрохотал он им в уши, его лицо темнело по мере того, как он говорил.

В этот момент английский оруженосец был повержен на землю копьем бретонца. Великодушная натура Чандоса была взбуждена этим неблагоприятным поступком, и он обратился к своей компании со словами: "Сэры, как это вы допустили, чтобы этот оруженосец был убит? Нога, нога!"

Он разошелся, как и все его отряды, и они двинулись на французов. Перед ним несли его знамя с эскулапом над его оружием, и некоторые из его воинов окружали его. Чандос замешкался, так как земля была скользкой от утреннего инея, и в своем нетерпении к битве он запутался ногами в складках своего сюртука. Он упал, едва добравшись до своего врага; когда он поднимался, копье французского оруженосца вошло в его плоть под левым глазом, между носом и лбом. Чандос не мог видеть, чтобы отразить удар; за несколько лет до этого он потерял зрение этого глаза во время охоты на зайца в окрестностях Бурдо; к несчастью, его шлем был без защитного визора.

Он упал на землю, перевернулся два или три раза от боли в ране, но больше не заговорил.

Французы попытались схватить его, но его дядя, сэр Эдвард Клиффорд, оседлал тело и защищал его так доблестно, что вскоре никто не осмелился к нему приблизиться.

Скорбь по поводу его смерти.

Бароны и рыцари Пуату были покорены, и когда смятение стихло, они собрались вокруг своего распростертого друга и сенешаля. Они плакали, били себя по рукам, рвали на себе волосы и всячески выражали свое горе. Они называли его цветком рыцарства и оплакивали тот час, когда было выковано копье, приведшее его к смертельной опасности.

Он хорошо слышал и понимал их, но не мог ответить. Тогда его слуги сняли с него оружие и, положив на павезу, или большой щит, бережно отнесли в соседнюю крепость Мортимер.

Он умер на следующий день; и более учтивого кавалера, более достойно украшенного благородными добродетелями и высокими качествами, никогда не украшало английское рыцарство. В общем, он был таким же галантным рыцарем, как и все, кто когда-либо опускал копье в покой.

Принц Уэльский, граф Кембриджский, граф Пемброк, да и все английские бароны и рыцари, находившиеся тогда в Гиени, оплакивали его судьбу, как потерю всех английских владений во Франции; и многие благородные и доблестные рыцари Франции оплакивали смерть великодушного врага и желали, чтобы он попал в плен, ибо, по их словам, он был столь мудр и изобретателен, что мог бы заключить мир между двумя народами[56].

Чандос никогда не был женат. Все поместья, которые он завоевал своей доблестью, достались его трем сестрам.

ГЛАВА. II.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ,

ОТ ПРАВЛЕНИЯ РИЧАРДА II. ДО ПРАВЛЕНИЯ ГЕНРИХА VIII.

Жалобы на нерыцарское состояние двора Ричарда... Влияние рыцарства на национальный характер ... Шотландское рыцарство ... Рыцарская доброта Роберта Брюса ... Взаимное рыцарство между шотландским и английским дворами ... Мнения французских рыцарей о шотландском рыцарстве ... Любезности между английскими и шотландскими рыцарями ... Рыцарская битва при Оттерборне ... Хотспур и Дуглас ... Кавалерийская история ... Правление Генриха IV. ... Рыцарский поединок между ним и герцогом Орлеанским ... Нерыцарское поведение Генриха при Шрусбери ... Генрих V. ... Рыцари Бани ... Любовь Генриха к рыцарским книгам ... Его рыцарское поведение ... Начало упадка рыцарства ... Гражданские войны, нанесшие ущерб рыцарству ... Плач Кэкстона... Он преувеличивает зло... Многие доблестные английские рыцари ... Характер Генриха VIII в связи с рыцарством ... Турниры в его правление ... Поле золотого сукна ... Введение итальянской литературы благоприветствовало романтике ... Популярность рыцарской литературы ... Английские рыцари продолжали ломать копья ради любви дам ... Состояние шотландского рыцарства в этот период ... Яков IV. ... Рыцарские обстоятельства на Флодденском поле.

В правление Ричарда II величие английского рыцарства было омрачено. Этот монарх не имел ни духа, ни амбиций, чтобы вернуть владения, отторгнутые от короны во время болезни его отца, Черного принца, и слабоумия его деда, Эдуарда III; хотя война с Францией номинально продолжалась, он давал мало поводов своим рыцарям ломать копья с французами. Не то чтобы в Англии царил идеальный мир, но войны во Франции и Португалии не принесли блестящих результатов, поскольку английские рыцари больше не руководствовались ни мужеством Чандоса, ни галантностью принца Эдуарда.

Жалобы на нерыцарское состояние двора Ричарда.

Англия подверглась угрозе вторжения Карла VI Французского; но проект загдох, и ничто так не оскорбляло народ, как бездуховность двора, не отомстившего за нанесенное оскорбление. Сразу же началось сравнение между нынешним и предыдущим царствованием. Где те великие предприятия, спрашивали, которые отличали дни короля Эдуарда III? Где те доблестные люди, которые сражались с принцем, его сыном? В те дни Англию боялись и считали цветком христианского рыцарства; но теперь о ней никто не говорит, теперь нет войн, кроме тех, что ведутся на кошельки бедняков, и к ним склонен каждый[57].

Влияние рыцарства на национальный характер.

Дорогостоящие войны Англии с Францией привели к огромным последствиям для английской конституции. На просьбу о возмещении обид всегда приходило требование поставок, и общественная свобода выигрывала от дорогостоящих амбиций короны. Войны не были порождены рыцарством, и мы не можем, следовательно, приписывать этому светлоте источнику какие-либо общие политические преимущества, ставшие их результатом: но рыцарство придавало тон манере ведения войн; оно было вовлечено во все гуманитарные аспекты состязаний; оно, по крайней мере, наполовину отличилось (ибо мы должны помнить, что лук был столь же грозен, как и копье), утвердив славу страны; придав ей тот гордый характер воинской доблести, который пережил ее краткое и слабое пребывание в территориальных последствиях победы.

Ричард II не подражал воинской славе своего отца. Его пренебрежение к воинам прежнего царствования не было одной из самых незначительных причин того недовольства, которое в конечном итоге погубило его. Одна из общественных претензий, высказанных трону палатой общин, заключалась в том, что рыцарство страны было сведено на нет и опозорено, и, как следствие, усилился рост порока[58].

Ричард был сладострастным принцем; при его дворе витал рыцарский блеск; его тильты и турниры были необычайно пышными; но боевой и, следовательно, главный источник рыцарства отсутствовал. Воинственный государь мог бы найти среди своего народа богатый материал для честолюбивых предприятий. Растущее богатство нации, вызванное развитием торговли, проявлялось в роскоши; а честолюбивое простонародье подражало рыцарским любезностям великих. О состоянии нравов говорит тот факт, что на великолепных гобеленах горожан изображались военные достижения Эдуарда III[59].

Шотландское рыцарство.

В XIV веке имена Дугласов и Перси были настолько известны, что правление Ричарда II - подходящее место для описания северного рыцарства. Битва при Баннокберне доказала, что в галантности и великодушии, необходимых для рыцарства, шотландцы были столь же благородны, как и кавалеристы юга; кроме того, в народе существовала прекрасная необузданность воображения, подходящая для романтического рыцарского гения.[60] Но те герои Шотландии, чьи жизни нам известны, были скорее патриотами, чем кавалеристами; обстоятельства времени, в котором они жили, воспламеняли их страстями, отличными от тех, которые могло внушить рыцарство.

Рыцарская доброта Роберта Брюса.

Иногда, однако, суровые добродетели патриотизма смягчались рыцарской вежливостью. Возможно, самым приятным примером этого было поведение Роберта Брюса, в 1317 году, когда он помогал своему брату Эдуарду Брюсу подчинить Ирландию; и я не стану вредить этой истории, рассказывая ее иначе, чем в простой и красивой форме поэта:

"Король услышал женский плач,
Он спросил, что это за плач?
Это layndar[62], господин, сказала одна,
Что ее дитя-илла[63] прямо сейчас таин,
И должна оставить нас здесь,
Поэтому она злословит. 64]
Король сказал: "Конечно, жаль.
Что она в этом месте осталась,
Ибо, думаю, нет человека.
Который бы не жалел[65] о женщине, чем он".
Тогда все его хозяева арестовали его,
И в палатке скоро остановились;
И поспешно ввели ее банду,
И других женщин, чтоб были рядом.
Пока она рожала, он велел,
И в путь отправился по своим дорогам.
And how she forth should carry be,
И как ее нести, он приказал.
Это была великая любезность,
Которая подействовала на короля и столь могущественного человека,
Герт и его люди жили так,
Но для бедной лаванды"[68].
The Bruce, book xi. l. 270.

При дворе шотландских королей рыцарство всегда считалось отличием, достойным самых высоких побуждений. Цели его были те же, что и в других странах, - защита церкви, покровительство беспомощным и великодушие к женщине. Сохранилась форма рыцарской клятвы, которая представляет нам любопытную картину древних нравов:

1. Я буду укреплять и защищать христианскую религию в меру своих сил.
2. Я буду верен и предан моему государю королю, всем рыцарским орденам и благородному гербовому сословию.
3. Я буду укреплять и защищать справедливость в моих силах; и это без благосклонности или вражды.
4. Я никогда не буду бежать ни от моего государя короля, ни от его лейтенантов во время ссоры или битвы.
5. Я буду защищать свою родину от всех пришельцев и чужаков.
6. Я буду защищать справедливые действия и ссоры всех почетных дам, всех верных и бесправных вдов, сирот и девиц доброй славы.
7. Я буду стараться, где бы я ни услышал, что есть убийцы, предатели или искусные грабители, которые притесняют королевских сеньоров и бедных людей, приводить их к закону в моей власти.

8. Я буду поддерживать и поддерживать благородное рыцарское состояние, с конем, доспехами и другими рыцарскими украшениями, и буду помогать и поддерживать тех, кто принадлежит к тому же ордену, по моей власти, если они будут нуждаться.

9. Я буду стремиться к знанию и пониманию всех статей и пунктов, содержащихся в рыцарской книге. Все эти обещания соблюдать, хранить и исполнять я обязуюсь сам: да поможет мне Бог моей собственной рукой и самим Богом"[69].

Взаимное рыцарство между шотландским и английским дворами.

Рыцарские почести иногда служили связующим звеном между шотландскими и английскими государями. Когда принцу Генриху (впоследствии королю Генриху II) исполнилось шестнадцать лет, его отец Джеффри отправил его через Англию с многочисленной и великолепной свитой в Шотландию, чтобы он получил рыцарский титул от дяди по материнской линии, короля Давида. Церемония была проведена с большой помпой, в окружении огромного количества английской, шотландской и нормандской знати; принц провел около восьми месяцев при шотландском дворе, совершенствуясь в военных упражнениях[70].

Через несколько лет после этого рыцарские почести были возложены Генрихом II Английским на Малькольма II. Но присвоение рыцарского звания не рассматривалось как вопрос простой вежливости. Когда короли встретились в Карлайле в 1158 году, предыдущая уступка Малькольмом северных провинций Генриху вызвала такой жар и вражду, что шотландский монарх уехал, не получив желаемых почестей. Однако в следующем году Генрих с помощью прекрасного обращения убедил Малькольма сопровождать его во Францию для возвращения Толузы, на которую он претендовал как на часть наследства Элеоноры, своей королевы; и честь, которую Генрих в прошлом году отказался оказать ему в Карлайле, он теперь оказал ему в Туре во Франции, во время его возвращения из Толузской экспедиции[71].

В 1249 году, когда король Александр III отправился из Шотландии в Йорк, чтобы сочетаться браком с принцессой Маргаритой, дочерью Генриха III Английского, рыцарские церемонии предшествовали бракосочетанию. Александр получил рыцарские знаки от короля Англии в день Рождества, а руку своей невесты - на сайте на следующее утро.[72] При шотландском дворе время от времени проводились турниры, и чужеземцев принимали вежливо.[73] Рыцари из Шотландии часто упоминаются в старых хрониках как победители рыцарских праздников во Франции и Англии. В войнах шотландцев с Эдуардом III нельзя выделить никаких обстоятельств, имеющих специфически рыцарский характер; и в промежутках между перемириями рыцарство не могло, как в войнах между Англией и Францией, придать дружеский облик случайным связям. В 1341 году, в мирное время, Эдуард провел некоторое время в Шотландии. Турниры и поединки были занятием чужеземцев и местных жителей; но ни одна из сторон не соблюдала мягких правил турниров, и два шотландских и один английский рыцарь были убиты[74].

Мнения французских рыцарей о шотландском рыцарстве.

Ничто так не способствовало распространению рыцарства на севере, как частые контакты между шотландцами и французами. Последние, однако, не всегда признавали рыцарский характер своих союзников. В 1385 году к шотландскому королю присоединился отряд французских рыцарей, и вскоре они были огорчены тем, что когда-либо покидали свою страну. Они жаловались своему предводителю сэру Джону Вьеннскому на свое несчастье. У

них не было гобеленовых залов и добротных замков, как во Франции, а вместо мягких кроватей их диваны были жесткими, как земля.

Сэр Джон был истинным сыном рыцарства, и он сказал им: "Сэры, нам следует немного пострадать и говорить честно, раз уж мы подвергаемся опасности войны. Давайте с радостью примем все, что найдем. Мы не можем всегда быть в Париже, Дижоне, Боне или Шалоне. Кто живет в мире, думая о чести, тот должен страдать от бедности так же, как и от богатства".

Читатель английской истории помнит, что Ричард II вторгся в Шотландию; что в то же самое время шотландцы опустошили Камберленд и Вестморленд; и что каждая армия хвасталась тем, что разрушения, которые она совершила, были столь же ужасны, как и опустошение, произведенное другой. Любопытнее всего отметить ту черту нравов, которую историки полностью упустили: когда французские рыцари вернулись домой, они жаловались, что никогда еще не проходили через столь мучительное предприятие. Не то чтобы они считали это опасным, но потому, что вернулись без лошадей и сбруи, бедные и немощные. Они желали, чтобы французский король, объединившись с английским, вошел в Шотландию и навсегда уничтожил это королевство. Шотландцы были злым народом, предателями и совершенно глупыми в военных подвигах[75].

Английские рыцари всегда больше радовались, когда труба звала их во Францию, чем в Шотландию. Богатые вина, прекрасная страна, превосходное рыцарство французов были предпочтительнее бедности и безрадостности севера. Когда английские рыцари отправлялись в Шотландию, они были вынуждены брать с собой провизию, а также обувь и сбрую для лошадей, поскольку в стране не было ни железа, ни кожи[76].

Любезности между английскими и шотландскими рыцарями.

Войны между Англией и Шотландией, хотя и были жестокими и кровопролитными, допускали проявление либеральных рыцарских чувств. "Англичане, с одной стороны, и шотландцы, с другой, - говорит Фруассар, - хорошие военные люди; ведь когда они встречаются, происходит жестокая схватка без пощады. Между ними нет передышки, пока выдерживают копья, мечи, топоры или кинжалы. Когда одна из сторон одерживает победу, они прославляют себя в ратных делах и так радуются, что захваченных выкупают еще до того, как они уйдут с поля боя; так что вскоре каждый из них так доволен другим, что, уходя, вежливо говорит: "Бог вас благодарит""[77].

Рыцарская битва при Оттерборне, 21 июля 1388 года.

Эти замечания Фруассара, столь интересные, потому что столь характерны для нравов, предваряют самую рыцарскую битву, которая когда-либо происходила между Шотландией и Англией. В других сражениях исход решал либо лук, либо общее воинское мастерство, не свойственное рыцарству; но битва при Оттерборне была рыцарским поединком и была столь же истинно рыцарской, как и встреча кавалеров на турнире. В правление Ричарда II Английского, через несколько лет после уже упомянутых обстоятельств его времени, шотландцы под командованием Джеймса графа Дугласа, воспользовавшись неурядицами между королем и его парламентом, нахлынули на юг. Насытившись грабежом и разрушениями, они остановились в Ньюкасле, рядом с английскими войсками, которые граф Нортумберленд и другие пограничные вожди поспешно собрали.

Хотспур и Дугласы.

Два сына графа были молодыми и пылкими рыцарями и всегда первыми вступали в перестрелку. Было совершено множество достойных подвигов. Бой шел врукопашную. Самой благородной была схватка между графом Дугласом и сэром Генри Перси по прозвищу Хотспур[78]. Шотландец вырвал у своего противника вымпел и, торжествуя победу, воскликнул, что отнесет его в Шотландию и установит на своем замке Далкейт, чтобы его было видно издалека.

Перси с негодованием ответил, что Дуглас не должен пересекать границу без того, чтобы не быть встреченным таким образом, который не даст ему повода для хвастовства.

С таким же настроением граф Дуглас пригласил его в ту ночь к себе в гости, чтобы разыскать свой вымпел.

Затем шотландцы удалились и стали внимательно наблюдать, чтобы насмешки их предводителя не побудили англичан к нападению. Дух Перси пылал желанием уничтожить свой упрек, но ему посоветовали успокоиться.

Тогда шотландцы отступили, казалось, решив со всей поспешностью вернуться в свою страну. Но Оттерборн задержал их шаги. Замок устоял перед штурмом, и его захват был бы настолько малоценен для них, что большинство шотландских рыцарей пожелали отказаться от этого предприятия.

Однако Дуглас приказал продолжать штурм, руководствуясь исключительно рыцарскими чувствами. Он утверждал, что сама трудность предприятия была причиной его осуществления; он хотел не удаляться слишком далеко от сэра Генри Перси, чтобы этот галантный рыцарь не смог выполнить свой долг и искупить свое обещание снова получить вымпел своего оружия.

Хотспур вовсе не был тем нетерпеливым духом, каким его описывает поэзия. Ему очень хотелось последовать за Дугласом и выкупить свой почетный знак; но мудрые рыцари страны и те, кто хорошо разбирался в оружии, выступили против его мнения и сказали ему: "Сэр, на войне часто случается много потерь. Если граф Дуглас выиграл ваш вымпел, то он купил его дорого, ибо пришел к воротам за ним и был хорошо побит: в другой день вы выиграете у него столько же и даже больше. Сэр, мы говорим так, потому что хорошо знаем, что вся мощь Шотландии в полях; и если мы выступим и не будем достаточно сильны, чтобы сражаться с ними (а возможно, они затеяли эту стычку с нами, чтобы выманить нас из города), они могут вскоре окружить нас и сделать с нами все, что захотят. Лучше потерять один пеннон, чем две или три сотни рыцарей и оруженосцев, и ввергнуть всю страну в авантюру".

Такие слова удержали Хотспура и его брата от задуманного, ибо, как мудрые и мнительные рыцари, они ничего не стали делать вопреки совету.

Вскоре после этого выяснилось, что все шотландское войско насчитывает не более трех тысяч человек. Сердце Хотспура забило от радости при виде перспективы славы, которую открывала перед ним эта новость; и, как истинный сын рыцарства, он обратился к своим друзьям: "Сэры, давайте сядем на коней, ибо по вере, которой я обязан Богу и моему господину, моему отцу, я поеду за своим вымпелом и этой же ночью отгоню шотландцев!"

Сразу же рыцари и оруженосцы надели шлемы и кирасы и вскочили на свои боевые копыта. Они поскакали к Оттерборну с большим ускорением и к ночи добрались до шотландского лагеря. Их численность значительно превышала численность их противников, но дело было не в физической силе, поскольку англичане были измождены путешествием, а шотландцы - свежи и хорошо отдохнувшие.

Вражеские знамена развевались на ночном ветру, а яркая луна, которая больше любила смотреть на любовные, чем на рыцарские войны, освещала шотландский лагерь. Последовала битва, столь же доблестная, как и любая другая, записанная на страницах истории, ибо не было ни одного рыцаря или оруженосца, который бы не отказался от своих обязанностей и сражался врукопашную. Англичане бросились на своих врагов с таким духом, что их натиск был бы непреодолим, если бы Дуглас, обладавший большим сердцем и высокой предприимчивостью, не взял свой топор в обе руки и не поддержал отступающих. В конце концов его встретили сразу три копы и с силой повалили на землю. Один из его спутников, доблестный рыцарь и капеллан, сражавшийся в тот раз как доблестный воин с хорошим топором в руках, схватился с графом, когда тот лежал, и не давал ему опомниться[79].

Когда стало известно, что Дуглас пал, некоторые из его рыцарей, затаив дыхание, прибежали к месту происшествия и спросили, как он бежал. "Зло, кузены, - сказал граф, - но, слава Богу, очень немногие из моих предков умерли в своей постели. Но я требую, чтобы вы отомстили за мою смерть, ибо я чувствую, как сердце мое падает в обморок. Поднимите мое знамя, но никому не сообщайте о моем деле, ибо мои враги обрадуются, а друзья огорчатся, узнав, что я ранен до смерти".

Через мгновение над шотландскими рыцарями вновь развевался гордый рыцарский знак, и каждый галантный оруженосец веселил сердце своего товарища боевым кличем Дугласов. Перси были взяты в плен, Хотспур[80] - графом Монтгомери, а сэр Ральф - сэром Джоном Максвеллом. В конце концов шотландское рыцарство одержало верх, и они остались хозяевами поля[81].

Ничто не может быть более галантным, чем поведение шотландцев. Они хотели взять живым Томаса Фелтона, английского оруженосца, чья доблесть вызывала у них восхищение; но, как истинный герой, он подчинился, чтобы быть убитым, а не побежденным.

Шотландцы, когда англичане уступили, были вежливы и назначили им выкуп; и каждый сказал своему пленнику: "Сэр, идите, разоружитесь и успокойтесь"; и они жили вместе, как будто были братьями.

Рыцарская история.

Среди обстоятельств, связанных с битвой, нет более интересного, чем это: - Когда судьба ночи была решена, сэр Мэтью Редман, англичанин и губернатор Бервика, пришпорил коня, уходя с поля, но его горячо преследовал шотландский рыцарь, сэр Джеймс Линдсей, и он не смог убежать, так как его запыхавшийся зарядный ящик упал под ним. Линдсей сошел с коня, и два рыцаря сразились достойно и по-рыцарски: шотландец - топором (любимым оружием нации), а английский рыцарь - мечом. Топор одержал верх, и Редман сдался, спасаясь или не спасаясь. Он пожелал отправиться в Ньюкасл, и его господин (а именно так, как мы уже не раз убеждались, назывался рыцарь, державший в плену другого) разрешил ему уехать, взяв с него рыцарское слово, что в течение трех недель он встретится с ним в Эдинбурге. После этого рыцари расстались, но когда Линдсей возвращался к шотландцам, гордясь своим успехом, его окружил епископ Даремский с многочисленным отрядом. За несколько часов до этого они целенаправленно шли на помощь Перси, но грохот боя заставил их в ужасе отступить. Однако они проявили достаточно храбрости, чтобы взять в плен одного измученного битвой рыцаря. Его привели в Ньюкасл, где он встретил сэра Мэтью Редмана; эти два галантных кавалера весело пообедали вместе и, выпив не один кубок богатого вина за честь и здоровье своих любовниц, договорились с епископом об условиях освобождения друг друга[82].

Правление Генриха IV. Рыцарский поединок между ним и герцогом Орлеанским.

Правление Генриха IV в Англии не было лишено рыцарского интереса. Будучи герцогом Ланкастерским, он выбрал Людовика, герцога Орлеанского, в качестве своего брата по рыцарству. Каждый из них пообещал друг другу, что будет жить в самой теплой привязанности настоящей дружбы. Каждый поклялся быть другом и доброжелателем для друзей и доброжелателей другого и врагом для его врагов, что соответствовало чести и репутации обоих; и что в любое время и в любом месте они будут помогать друг другу словами и делами в защите своей личности, чести и имущества. Эти рыцарские обязательства между двумя герцогами стали известны всему миру в документе под названием "Союзное письмо", датированном 17 июня 1396 года.

Дружба продолжалась до конца правления Ричарда II; но низложение этого монарха было настолько одиозным обстоятельством в глазах двора Франции, на дочери которого женился Ричард, что, хотя открытого разрыва существующего перемирия между двумя странами не произошло, многие высокодуховные французские дворяне начали частную войну против английского короля.

Герцог Орлеанский, его заклятый брат по оружию, предложил Генриху IV встретиться с ним в любом выбранном им месте во Франции, каждого из них сопровождали сто рыцарей и оруженосцев, с именем и оружием без порицания, и сражаться вместе, пока одна из сторон не сдастся.

Генрих отклонил вызов, ссылаясь в качестве причины на публичное перемирие между двумя странами, участником которого был герцог Орлеанский, и на особый договор о союзе между ними. Однако теперь он аннулировал этот договор, отбросив отныне всякую любовь и привязанность к герцогу. Он заявил, что было бы недостойно его высокого звания принимать вызов от кого-либо, кто ниже его по достоинству; ни один из его королевских предков никогда не использовал свое оружие с сотней или более человек в таком деле: Но когда ему вздумается посетить свои владения на французской стороне моря в сопровождении такого количества людей, какое он сочтет нужным, герцог Орлеанский может собрать столько людей, сколько сочтет нужным, чтобы приобрести чести в исполнении всех своих смелых желаний; и он не должен уезжать, не получив удовлетворения в поединке между собой; этот способ прекращения их спора предпочтительнее любого другого, который мог бы привести к пролитию большего количества христианской крови.

Герцог Орлеанский ответил, что публичное перемирие было нарушено самим Генрихом, когда он начал войну с Ричардом, союзником Франции. Что касается статей дружбы между ними, то союзники короля Франции были исключены из их положений, и поэтому каждая из сторон была предоставлена самой себе в выборе поведения по отношению к любому из своих союзников. В связи с замечанием Генриха о том, что ни один рыцарь, какого бы ранга он ни был, не должен просить о выдаче оружия, пока не вернет все союзные договоры, которые могут существовать между ним и вызываемым лицом, Людовик сатирически поинтересовался, дал ли Генрих своему господину, королю Ричарду, клятву верности, которую он дал ему, прежде чем действовать так, как он действовал против его персоны. Герцог намекнул, что смерть Ричарда была подстроена Генрихом, а затем поинтересовался, как король мог допустить, чтобы эта благородная дама, королева Англии, вернулась во Францию такой опустошенной после смерти мужа, лишившись своего удела и приданого. Человек, стремившийся к чести, всегда был защитником и охранителем прав вдов и девиц добродетельной жизни, какими, как известно, была племянница герцога Орлеанского; и

поскольку он был столь близок к ней, ведя себя по отношению к Богу и к ней как родственник, он ответил, что во избежание кровопролития охотно встретится с ним в одиночном бою.

В ответ на это письмо Генрих заметил, что, когда государственные дела призвали его из Франции в Англию, Людовик обещал ему помощь, и поэтому герцог не может по справедливости комментировать последнюю революцию: но что касается лично Ричарда, то он, Генрих, ныне король, горячо и торжественно отрицал, что его смерть произошла по его приказу или с его согласия. Он заявил, что это ложь, и сказал, что она будет ложью всякий раз, когда Людовик будет ее произносить; и это он готов доказать, по милости Божьей, в личном бою. Он отверг обвинения в жестокости по отношению к Изабелле, утверждая, что, напротив, всегда проявлял к ней доброту и дружбу, и желая, чтобы Людовик никогда не поступал с какой-либо дамой или девицей более сурово, недоброжелательно или жестоко, чем с ней.

Но предполагаемый поединок так и не состоялся; нельзя также предположить, что ни одна из сторон не была искренней в своем вызове, поскольку послы Генриха при дворе Франции часто жаловались на поведение Людовика, но Людовик никогда не повторял свой вызов, и никакого удовлетворения не последовало; король и совет полностью отказались от этого вопроса и холодно заявили, что всегда будут твердо придерживаться обязательств, которые они заключили с Англией[83].

Нерыцарское поведение Генриха в Шрусбери.

В другом событии, самом важном за все время его правления, поведение Генриха было явно нерыцарским. Когда в битве при Шрусбери (21 июля 1403 года) знамена развевались, а воздух оглашался боевыми кличем "Святой Георгий!" и "Эсперанс Перси!", лучники с обеих сторон натягивали свои тугие тетивы с такой убийственной энергией, что несколько шеренг рыцарей и оруженосцев с трудом удерживали свои позиции.

В этот опасный момент, когда самые стойкие сердца дрогнули, галантный Хотспур и Арчибальд граф Дуглас[84] с небольшим отрядом братьев по оружию вышли из строя и, бросив перед собой воинственные щиты, бросились под железным ливнем в самый центр, лучше всего защищенной части королевской армии. Их боевые топоры и хорошие мечи произвели страшный хаос среди королевской охраны, штандарт Англии был растоптан ногами, а граф Стаффорд и "дорогой и верный трудолюбивый друг" короля сэр Роберт Блант, вооруженные в королевском обличье, были убиты.[Хотспур напрасно искал короля; когда Его Светлость заметил, как Перси проносятся по полю, он последовал благоразумному совету графа Данбара и, сменив свои доспехи на доспехи простого рыцаря, удалился в другую часть равнины.

Принц Уэльский проявил больше храбрости, чем его отец, и был ранен, удерживая свою позицию.

Хотспур собрал свой маленький отряд в плотный строй и попытался отойти к своей линии рыцарей. Но пока он сражался со всем мужеством своего высокого рыцарского достоинства, случайная стрела свалила его на землю. Его смерть была почти мгновенной, и это событие было воспринято в обеих армиях с различными чувствами радости и скорби. Он был вдохновляющей душой своего войска, и его падение стало сигналом к его рассеянию.

Вряд ли можно отказать Генриху IV в мужестве, но в нем не было ни капли рыцарской отваги. Эдуард отважился бы на самую жестокую опасность, он никогда бы не отбросил знаки

отличия своего ранга и, облачив некоторых благородных друзей в королевские одеяния, не оставил бы их погибать вместо себя. Поведение Генриха, возможно, и было королевским, но уж точно не рыцарским[86].

Генрих V.

Рыцари Бани.

Слава рыцарства, казалось, возродилась в правление Гарри Монмута. Его коронация сопровождалась большим созданием класса рыцарей, чей особый характер я еще не описал. В ранние века английской истории, похоже, существовало два типа кавалеров: рыцари меча и рыцари бани. Первые появлялись как в военное, так и в мирное время, вторые - только на коронациях, королевских браках и других торжественных мероприятиях. Надругательство над мечом было простой церемонией создания рыцарей одного класса; но большинство рыцарских форм использовалось при посвящении рыцарей другого класса; и поскольку баня была очень примечательной частью церемонии, а увещевание к исполнению рыцарских обязанностей доносилось до рыцаря, когда он находился в ней, созданные таким образом рыцари считались рыцарями бани.

Рыцари меча, или рыцари-холостяки, создавались шерифами графств на основании писем короля, повелевавших его офицерам посвящать в рыцари тех, кто в силу своих земельных владений был достоин этой чести; но когда нужно было расширить другой класс, король выбирал определенное число молодых дворян и джентри, и сам помогал в церемонии.

Рыцари Бани всегда имели преимущество перед рыцарями-холостяками; и как превосходство рыцарей Подвязки проявлялось в том, что при посвящении в рыцари происходило создание рыцарей Бани, так и при любом другом случае, когда рыцари Бани производились в рыцари, происходило, в честь этого обстоятельства, создание рыцарей Меча.

Точное время, когда впервые было проведено различие между рыцарями Бани и рыцарями Меча, ускользнуло от исследования антикваров, и оно не заслуживает более длительного поиска. Его можно отнести к правлению Генриха IV[87], а возможно, оно было и более раннего происхождения; и на коронации его сына эта черта наших древних нравов проявилась в полной мере.

Король, в сопровождении знатного и многочисленного войска духовных и светских лордов, покинул свой дворец в Кингстоне-на-Темзе и мягким шагом направился в Лондон. Его встречала и приветствовала несметная толпа графов, баронов, рыцарей, оруженосцев и других знатных и уважаемых людей; а когда он подъехал к городу, его приветствовала торжественная процессия духовенства и великолепный поезд купцов и торговцев. Короля со всеми почестями проводили в Тауэр, где около пятидесяти галантных молодых джентльменов благородного происхождения ожидали, чтобы получить от короля рыцарское звание по случаю торжественной церемонии его коронации. Государь пировал в Тауэре; а эти молодые кандидаты в рыцари, в подтверждение того, что в будущем они не будут вынуждены выполнять подобную службу по обычаю эсквайров, подавали блюда на этом королевском празднике в соответствии с обычаями рыцарства в Англии; и сразу после развлечения они удалились в апартаменты, где герцоги, графы, бароны и благородные рыцари, в качестве их советников или директоров, наставляли их в поведении, когда они должны будут стать рыцарями почтенного ордена Бани.

Молодые кандидаты, согласно обычаю, отправлялись в приготовленные для них бани, совершая бдения и другие обряды и упражнения рыцарской практики. Большая часть ночи проходила в бдениях и молитвах, остальное время они спали на богатых золотых ложах. Они поднялись с первыми лучами утренней зари и, отдав свои постели слугам короля в качестве обычной платы, отправились слушать мессу. По окончании богослужения они облачались в богатые шелковые мантии, к левому плечу которых крепился двойной кордон или шнурок из белого шелка, из которого свисали белые кисточки. Это дополнение к мантии считалось не украшением, а знаком нежного стыда, который рыцарь обязан был носить до тех пор, пока не достигнет какого-нибудь высокого достижения. Однако гордый рыцарский вызов мог быть устранен его возлюбленной, ибо прекрасная и благородная девица могла снять это клеймо с его плеча по своей воле, ибо в славные рыцарские времена не было границ женской власти[88].

Молодые воины сели на благородные боевые кони и поскакали к воротам королевского дворца, где, сойдя с коней, каждый из них был поддержан двумя рыцарями и со всеми подобающими знаками почета и уважения проведен в присутствие короля, который, восседая в королевском великолепии, на троне, окруженном великими государственными чиновниками, возвел их по отдельности в рыцарское достоинство. Затем в их честь был дан большой праздник, и им разрешили сесть в богатых шелковых мантиях в присутствии короля; но им не позволили отведать ничего из развлечений, ибо это было характерно для простых нравов наших предков, что новоиспеченные рыцари, как и новоиспеченные жены, должны быть строго скромны и воздержанны[89].

После королевского пира молодые кавалеры, сняв с себя мантии, облачились в богатые одежды, украшенные знаками зависимости от короля. На следующий день, когда король поехал в Вестминстер в величественном и торжественном порядке, все эти молодые рыцари, которых он только что удостоил рыцарского ордена, предшествовали ему, проехав с благородным видом через центр города; и столь великолепен был их вид, что зрители (замечает старый хронист) казались опьяневшими от радости[90].

Любовь Генриха к рыцарским книгам.

Приятным и убедительным доказательством рыцарского духа Гарри Монмута является то, что он приказал Лидгейту перевести на английский язык "Разрушение Трои", дабы вернуть общественному сознанию древний военный тон. Он желал, чтобы память о доблестных мертвецах жила, чтобы вновь вспомнили о достоинствах и доблести старого рыцарства и истинного рыцарства.[91] Соответственно, молодежь Англии воспламенилась, и мысль о чести воцарилась в груди каждого мужчины.

Теперь они продают пастбище, чтобы купить коня";
Следуя зеркалу всех христианских королей,
С крылатыми пятками, как английские Меркурии.
Ибо теперь в воздухе сидит Ожидание,
И прячет меч, от пяток до острия,
С коронами императорскими, коронами и коронами,
обещанными Гарри и его последователям"[92].

Его рыцарская осанка.

Безусловно, поход в Кале (после взятия Арфлера) по героической храбрости не превзошел ни один вымышленный подвиг в романе. Ослабленное состояние его армии не позволяло немедленно реализовать его честолюбивые устремления к французской короне; но прямое возвращение в Англию не соответствовало его высокому и мужественному духу; и, относясь к земле Франции как к своей собственной, он решил поход к Кале. Он не испытывал ни желания, ни страха встретиться со своими врагами; он продолжал свой поход твердым и серьезным шагом, открыто объявляя французским глашатаям о цели своего пути. Политические цели были отложены, но он тайне желал поднять рыцарский характер своего народа; у него еще оставались силы и численность, чтобы вступить в поединок с врагами. Как и при Пуатье, так и при Азенкуре, йомены разделили с рыцарями Англии славу завоевания: но битва при Азенкуре сама по себе была более героической, поскольку англичане сами нападали, а не ждали нападения, как в предыдущем сражении.

Пренебрежение Генриха к пожеланиям прислать больше людей из Англии, его благородный крик "Знамена, вперед!" когда несколько тысяч его воинов оказались против всего гордого рыцарства Франции, - он отличился короной, доспехами и великолепной туникой, посвятил в рыцари нескольких храбрых валлийских воинов, своих личных защитников, даже когда они лежали без сил, - эти обстоятельства, подтвержденные самыми верными летописцами, скорее относятся к романтике, чем к истории рыцарства.

После битвы он был так же учтив[93] со своими благородными пленниками, как и Черный Принц в аналогичном случае; и было что-то очень красивое в том, что он не позволил выставить свой побитый шлем с королевской короной на всеобщее обозрение во время обычного представления при въезде в Лондон[94].

Начало упадка рыцарства.

Генрих V. был последним из наших рыцарских королей. Хотя он возродил славу Эдуарда III и Черного принца, однако сразу после его правления слава английского рыцарства начала угасать.

Во время последующих войн с Францией среди нашей знати было немало рыцарских особ - Уорвики, Тальботы, Саффолки, Салисбуры - все они были достойны стать паладинами Карла Великого, рыцарями Круглого стола Артура. Но они не соответствовали характеру эпохи; они скорее противостояли, чем отражали его. Рыцарство перестало быть национальной чертой в наших войнах, когда не было государя, чтобы раздуть пламя.

Гражданские войны.

Плач Кэкстона.

Генрих VI был преданным, а Эдуард IV - сластолюбцем. Гражданские войны в Англии подействовали на благородный рыцарский орден так же фатально, как гражданские войны во Франции на эту страну. В этих противостояниях, куда более ожесточенных, чем национальные войны, проявлялась безжалостность духа, которая высмеивала нежные рыцарские устои. Соответственно, во времена Эдуарда IV его спрашивали: "Сколько рыцарей сейчас есть?" "Сколько сейчас в Англии рыцарей, которые владеют рыцарским искусством, то есть знают своего коня и его коня, готовы к тому, чтобы иметь все, что полагается рыцарю; коня, который соответствует и сломан по его виду, его доспехи и упряжь соответствуют и подходят." [95] "Я бы хотел, - продолжает отец английского книгопечатания, -

чтобы нашему государю было угодно, чтобы дважды или трижды в год он объявлял поединки мира, чтобы каждый рыцарь имел коня и упряжь, а также навыки и ремесло рыцаря; а также турниры, один против одного или двое против двух, и лучший должен иметь приз, бриллиант или драгоценный камень. Рыцарские упражнения не используются и не почитаются так, как это было в древние времена, когда благородные поступки рыцарей Англии, использующих рыцарское искусство, были известны во всем мире. О рыцари Англии, где же обычаи и обыкновения благородного рыцарства? Что вы теперь делаете, кроме как ходите в бани и играете в кости? Увы! Что вы делаете, кроме как спите и отдыхаете, и все это отвращает вас от рыцарства? Оставьте это, оставьте это, и читайте благородные книги о святом Граале, о Лаунселоте, о Тристреме, о Галаоде, о Персевале, о Персефоресте, о Гавейне и многих других. Там вы увидите мужественность, учтивость и благородство"[96].

К этому свидетельству упадка рыцарства следует добавить тот важный факт, что в 1439 году люди обратились в парламент с просьбой дать им свободу отменять денежным штрафом обязательство получить рыцарское звание. Это изменение нравов не произошло, как принято считать, из-за использования пороха; ведь во время гражданских войн в Англии артиллерия редко и частично использовалась в полевых условиях, и, за исключением великой битвы при Тьюксбери в 1471 году, это оружие не оказало никакого влияния на общий исход сражений. Кавалерия и пехота были расположены по старой системе: копье было оружием людей благородного происхождения, а лук и билль использовались людьми низшего сословия. Коминс, писавший в конце XV века, утверждает, что лучники составляли главную силу в битве[97].

Он преувеличивает зло.

Гражданские войны хоть и нанесли ущерб, но не уничтожили полностью рыцарский дух. В народе его еще оставалось достаточно, чтобы сохранить прежнюю форму и облик, если бы Англия снова была под властью Черного принца или Гарри Монмута. Но такого государя у нас не было, а все более широкое использование пороха эффективно препятствовало возвращению рыцарских обычаев в сражениях. Чувства нации отражаются в ее литературе; и мы видим, что вкус английского народа был полностью в пользу романов и историй рыцарства, о чем свидетельствуют различные публикации Кэкстона. Высказывания Кэкстона против вырождения эпохи, которые уже цитировались, не следует понимать буквально во всех смыслах. Писатели-романтики, как и моралисты, и раньше восхваляли прошлое за счет настоящего времени. Еще в XIII веке Томас Эркельдунский, прозванный Рифмоплетом, сокрушался о развращенности своих современников и уподоблял вырождение своего века переменам, которые приближающаяся зима должна произвести на вид полей и рощ.

"This semly somers day,
In winter it is nought sen:
This greves (groves), waxen al gray,
That in her time were grene;
So dos this world I say,
Y wis and nought at wene;
The gode bene al oway,
Что наши старейшины
To abide."[98]

Ум Кэкстона был полон высоких рыцарских интересов, и вполне естественно, что он сетовал на то, что тот же энтузиазм не согревает сердца других. Но он, должно быть, считал рыцарские чувства дремлющими и не угасшими, иначе он никогда бы не обратился к

публике в той манере, в какой он это сделал в конце своего предисловия к изданию романов, посвященных Артуру и рыцарям Круглого стола. Он напечатал эту работу, по его словам, "с целью, чтобы благородные люди могли увидеть и узнать благородные рыцарские поступки, нежные и добродетельные деяния, которые совершали некоторые рыцари в те дни, благодаря которым они достигли чести, и как были наказаны те, кто был порочен, и часто подвергались позору и обличению, смиренно умоляя всех благородных лордов и леди, а также все прочие сословия, какого бы рода и степени они ни были, которые увидят и прочтут в этой упомянутой книге и труде, чтобы они взяли добрые и честные деяния себе на память и следовали тому же. В ней они найдут много радостных и приятных историй, а также много благородных и знаменитых деяний человеколюбия, мягкости и рыцарства. Ибо здесь можно увидеть благородное рыцарство, вежливость, человеколюбие, дружелюбие, твердость, любовь, дружбу, трусость, убийство, ненависть, добродетель и грех. Поступай по доброму и оставляй злое, и это принесет тебе добрую славу и известность".

Многие доблестные английские рыцари.

На его вопрос, сколько в Англии рыцарей, владеющих рыцарским искусством, можно было бы ответить многими искусными кавалерами. Король, в то самое время, когда Кэкстон писал, выдавал своим подданным лицензии на поездки в чужие страны и совершение ратных подвигов; и иностранные принцы, бароны и рыцари приезжали в Англию под королевской защитой, чтобы украсить наши тильты и турниры[99] Каждая свадьба и другие интересные обстоятельства в жизни дворянства отмечались рыцарскими представлениями в честь оружия и дам.

Характер Генриха VIII в отношении рыцарства.

По мере того как рыцарство приближалось к своему упадку, его формы выглядели еще более пышными, чем прежде. Генрих VII, наименее воинственный из наших государей, создавал рыцарей с удивительным блеском церемоний; а поединки и турниры во времена его сына и преемника украсили бы лучшие века рыцарства. Но Генрих VIII не обладал ни одной из добродетелей истинного рыцаря, и его поведение с женами было отнюдь не рыцарским.[100] Он демонстрировал свою огромную силу и активность на турнире, поскольку это развлечение было одним из английских обычаев, но он с такой же готовностью занялся бы любым другим упражнением, более строго гимнастическим. Однако в поединках он руководствовался истинно рыцарскими чувствами, поскольку в таких случаях надевал на голову дамский рукав, усыпанный бриллиантами. Он был так же известен своими турнирами, как Эдуард III своими сражениями. Во многие из первых лет своего правления он постоянно ломал копья или сражался на барьерах двуручным мечом, и приз обычно присуждался его званию, если не его мастерству. Но иногда его мастерство не вызывало сомнений; ведь, подобно рыцарям древности, он иногда сражался переодетым[101] и все же побеждал; с таким же успехом он встречался с людьми из других стран, которые по разным причинам, связанным с делами или удовольствием, приезжали в Англию.

Поединки и турниры времен Генриха VIII чрезвычайно интересны, поскольку отражают состояние нравов, отличное от прежних времен. Турниры перестали быть простыми представлениями рыцарства, к ним присоединились великолепные зрелища.

Турниры в его правление.

В июне 1512 года в Гринвиче состоялся торжественный турнир, на котором король и сэр Чарльз Брэндон обязались принять всех желающих. Первыми к этому великолепному зрелищу подошли дамы, одетые в белый и красный шелк и восседавшие на лошадях, цвета

упряжи которых соответствовали цветам платьев дам. За ними следовал фонтан, диковинно сделанный из русого атласа, с восемью ртами, изливающими воду. Внутри этого произведения великолепия и изобретательности сидел рыцарь, вооруженный до зубов. Следующей в процессии была дама, покрытая черным шелком, усыпанным мелким серебром, верхом на лошади, вооруженной подобным образом. За ней следовал рыцарь в конной упряжке. Когда фонтан прибыл на площадку для наклона, дамы объехали списки, фонтан и рыцарь в упряжке. Затем ввели двух прекрасных коней, наряженных для поединков. Два рыцаря покинули фонтан и литавры и сели на них, а удивленные зрители увидели короля и сэра Чарльза Брэндона.

Затем герольды объявили вызов всем желающим, и пока трубы звучали воодушевляющими рыцарскими нотами, в один конец списков вошел сэр Томас Кневет в замке угольно-черного цвета, а над замком было написано: "Замок с долами". Граф Эссекс, лорд Говард и другие рыцари, великолепно одетые, затем пробились в списки, и вместе с сэром Томасом столкнулись король и сэр Чарльз Брэндон. Подробности турнира не сохранились; летописец ограничился замечанием, что король сломал большинство копий, а приз достался ему^[102].

Генрих выразил свою радость по поводу рождения сына, принца Артура, торжественным турниром. Двор переехал из Ричмонда в Вестминстер. Король сам решил участвовать в турнире и выбрал себе в помощники четырех рыцарей. Себя он назвал "Кюре Луаль", лорда Уильяма графа Девоншира - "Бон Волуар", сэра Томаса Кневета - "Бон Эспуар", а сэр Эдвард Невилл выбрал для своего турнирного имени "Доблестное Желание". Этих четырех благородных духов называли "Les quatre chevaliers de la forrest Salvigne". Их имена были написаны на красивом столе, который был подвешен к дереву, искусно сработанному, а рыцари обязались бежать под наклоном против всех желающих. Соответственно, к назначенному времени во дворце была подготовлена площадка для игр, а королеву и ее дам провели на галерею, богато увешанную внутри золотыми тканями, а снаружи - тканями из арраса. Рыцарские состязания предварял спектакль. По описанию, он представлял собой лес со скалами, холмами и долинами, с деревьями, травами и цветами, сделанный из зеленого бархата, дамаска и шелка. Шесть человек, одетых как лесники, стояли в разных частях; посреди леса находился замок, сделанный, по-видимому, из золота, а перед воротами сидел великолепно одетый джентльмен, плетущий гирлянду из роз для приза. Зрители воображали, что во двор влетели лев и антилопа, которых вели люди в облике дикарей. Когда представление остановилось перед королевой, лесничие затрубили в рога, и из разных частей леса вышли четыре рыцаря, вооруженные до зубов и сидящие на боевых конях. Каждый рыцарь нес свое копье, плюмаж из перьев возвышался над его гербом, а его имя было вышито на золотых пополах, покрывавших его коня. В тот момент, когда эти рыцари выехали из леса, а двор огласился шумом барабанов и труб, во двор вошли граф Эссекс, лорд Томас Говард и многие другие вельможи, и тогда начались поединки. Но кто в тот день заслужил большего, историк не упоминает. На следующий день после полудня королева удалилась в свою галерею; и вместо того, чтобы король и его помощники были представлены в парадном виде, они вошли во двор под великолепными павильонами из золотых и бархатных тканей. По другую сторону списков вошел сэр Чарльз Брэндон в образе отшельника или религиозного деятеля, его лошадь также была наряжена в самую простую форму. Ни барабан, ни другие звуки менестрелей не возвестили о его приближении; но он медленно и молча подошел к королеве и вручил ей письмо, из которого следовало, что, если она пожелает, он будет играть в турнир в ее присутствии, но если это ее не устроит, то он уйдет, как пришел. Королева улыбнулась и поклонилась в знак согласия, а сэр Чарльз, отойдя в конец списка, отбросил маскировку своих великолепных доспехов. Затем к королеве подошел молодой Генри Гилфорд, одетый в костюм, похожий на замок или

башенку, и попросил у нее разрешения принять участие в поединке. Следом появились маркиз Дорсет и сэр Томас Буллен, словно два паломника из Сент-Джеймса, в табардах из черного бархата, с пальмовыми шляпами на шлемах, с длинными шестами Якобса в руках, их конские попоны из черного бархата, упряжь людей и коней была украшена раковинами гребешков из чистого золота и полосами черного бархата, каждая полоса также была украшена золотыми раковинами гребешков. Следом прибыли лорд Генрих Бекингемский, сэр Джайлс Кейпл и многие другие рыцари. Затем начались спортивные состязания, и, как и в предыдущий день, король выиграл приз. Вечером послы и дворяне ужинали вместе с королевской семьей, а после банкета король с королевой, лордами и дамами вошли в белый зал дворца. Последовали песни, танцы и выступления менестрелей, и в разгар веселья король незаметно удалился. Вскоре после этого в конце зала зазвучали трубы, и в зал въехал спектакль на колесах. С него сошел богато одетый джентльмен и, подойдя к королеве с мольбой, сказал ей, что в саду удовольствий есть золотая беседка, в которой сидят лорды и леди, желающие показать королеве и двору свое времяпрепровождение, если им будет позволено это сделать. Королева ответила, что ей очень хотелось бы увидеть их и их развлечения. Поэтому с передней стороны балагана было натянуто полотно из арраса, и взору предстали богатые изображения природы. Шесть дам, одетых с большей храбростью, чем может описать скучный летописец, были видны в беседке, поддерживаемые королем и пятью галантными рыцарями. Вся сцена казалась сплошным сиянием золота. После того как стихли аплодисменты, вызванные этим великолепием, лорды и леди спустились со сцены, менестрели заиграли свою веселую музыку, и весь двор присоединился к танцу. И народ тоже развлекался, ведь в нем сохранилась часть простоты древних времен, а королевская власть, как считалось, не теряла своего достоинства, будучи представленной на всеобщее обозрение. Конкурс был отнесен в конец дворца, где должен был оставаться до окончания танцев и снова принять лордов и леди; но внезапно грубый и веселый народ подбежал к нему, разорвал и испортил его; и лорд-стюард и его офицеры, видя, что они не могут прогнать их без конфликта и беспорядков, позволили уничтожить конкурс[103].

Поле золотого сукна.

Поле золотого сукна так часто описывалось в доступных произведениях, что я не буду оправдывать себя, пытаюсь вновь изобразить его яркую и сверкающую сцену. Но некоторые обстоятельства этого события не были достаточно замечены; а они настолько выразительны для рыцарских чувств того времени, что история рыцарства была бы несовершенна без их описания.

Весь церемониал встречи Генриха VIII и Франциска I был регламентирован кардиналом Вулси,

"Одно несомненно, что обещанного не бывает
В таком деле".

И принципом, которым руководствовался этот преподобный кардинал Йоркский, была политическая тонкость, а не рыцарская либеральность. Англичане остановились в Гиснесе, французы - в Ардре. Утром в день первой королевской беседы оба короля и их многочисленные приближенные покинули свои павильоны по сигналу пушки, выстрелившей в Гиснесе, и вернулись из Ардреса. Они медленно прокладывали путь к промежуточной равнине в тишине опасений, ибо недобрые подозрения кардинала распространились среди всех присутствующих. Один раз каждая сторона остановилась, ожидая нападения, а когда шум, вызвавший тревогу, утих, процессия возобновила свой путь, уверенная, что страхи

другой стороны были сильнее их собственных. Короли встретились и, желая продемонстрировать свои дружеские чувства, обнялись верхом. Затем они сошли с коней и, возобновив свои ласки, удалились в павильон из золотой ткани; они не расставались до тех пор, пока ужин и привычная беседа не умерили этикет, навязанный их манерам кардиналом.

На следующее утро обе королевы обменялись визитами и провели несколько часов в танцах и других развлечениях. Эти обмены любезностями согрели умы двух государей рыцарской щедростью. Однажды утром Франциск поехал в Гиснес, почти не присутствуя. Он прошел через английскую стражу, которая в изумлении отступила назад, и не останавливался, пока не достиг покоев, где спал его брат-монарх. Франциск вскоре разбудил его, и Генрих, сразу же поняв его мотивы, заявил в рыцарском духе и на рыцарском языке, что он отдает себя в плен и клянется в своей вере. Затем он надел на шею Франциска ошейник большой ценности, а Франциск подарил ему браслет еще большей ценности, причем каждый король умолял другого носить этот подарок ради него. После этого оба монарха стали братьями по оружию и вместе с двенадцатью спутниками обязались побеждать всех желающих в поединках, турнирах и барьерах.

Рыцарские упражнения продолжались пять дней, в присутствии двух королей и знати Англии и Франции. Французские и английские рыцари были единственной частью рыцарства Европы, ответившей на вызов: ведь рыцарство не могло тогда, как в прежние времена, сглаживать личные горячки и вражду, и поэтому ни один подданный обширной империи Карла V не появился на поле золотого сукна. Единственным оружием были копья, но они орудовали с такой силой и так часто ломались, что зрителям было страшно смотреть на осколки. Каждый день претенденты меняли свои упряжи и приспособления, и каждый день два царя бежали вместе так доблестно, что зрители испытывали великую радость"[104].

"Каждый последующий день

Становился господином предыдущего дня, пока следующий

Превращал прежние чудеса в свои. * * *

* * * * * The two kings,

равные по блеску, были то лучшими, то худшими,

Как присутствие их представляло; он в глазах,

А он в похвале: и, присутствуя оба,

Говорят, они видели только одного; и ни один пронизательный человек

Не побрезгует языком порицать. Когда эти солнца

(так они их называли), их глашатаи бросили вызов

Благородных духов к оружию, они исполнили

За гранью мыслимого; та прежняя сказочная история,

теперь считалась вполне правдоподобной, получила признание,

Что Бевису поверили"[105].

Введение в итальянскую литературу благоприятствовало романтике.

Среди дворянства Генриха VIII была значительная доля рыцарства. В некоторых отношениях, однако, оно больше походило на романтику трубадуров, чем на подлинный рыцарский характер: ведь рассказ о том, что лорд Суррей ездил от двора ко двору, провозглашая несравненную красоту своей возлюбленной и вызывая всех противников на поединок *на вылет*, совершенно лишен правды[106]; и только кажется, что его светлость питал к прекрасной Джеральдине сентиментальную привязанность без четких взглядов. Это была мечта поэта, а итальянская муза, которой в то время поклонялись в Англии, благосклонно относилась к таким причудливым фантазиям.

Популярность рыцарской литературы.

Большая часть литературы того времени была рыцарской. Каждый благородный дух любил "Рыцарские сказки" Чосера. Французские и испанские истории о воинах и дамах были переведены на английский язык, как и прекрасная "Хроника Фруассара", написанная лордом Бернерсом по приказу короля; энергичный, богатый и живописный стиль нашего языка в те дни был прекрасно приспособлен для истории самой блестящей эпохи рыцарства. То, что рыцарский дух не угас и в правление Генриха VIII, видно из этой работы лорда Бернерса, ведь в ней использовалась обычная дикция того времени, и она в полной мере выражала галантность и грацию былых времен, как и само оригинальное произведение.

Рыцарское воспитание дворянства.

Воспитание английского дворянства тогда было почти таким же рыцарским, как и в любой другой период нашей истории. Мальчиков отправляли в школу, чтобы научиться читать в четыре года. В шесть лет их обучали языкам и первым принципам манер: с десяти до двенадцати к их достижениям добавлялись танцы и музыка, а вежливость особенно поощрялась. В четырнадцать лет их приобщали к полемому спорту, который готовил их к более грубым упражнениям с оружием. В шестнадцать лет их учили сражаться в поединках, на барьерах, управлять боевым конем, штурмовать замки, выдерживать тяжесть доспехов и состязаться в ратных подвигах с товарищами. На этом их образование заканчивалось.^[107] Отправляясь на битву, они вели себя достойно своего образования.

Английские рыцари продолжали ломать копья ради любви дам.

Во всех военных походах англичан на континент солдаты обеих армий постоянно бросали друг другу вызов сломать копье ради своих дам. Сэр Джон Уоллоп во время своего похода с английской армией в Ландреси в 1543 году зашел в город Теруэнн и, вспомнив, что комендант был его старым знакомым, обратился к нему в истинно рыцарском духе: если среди его подчиненных есть джентльмены, готовые сломать копье ради своих дам, то из английской армии следует выслать им навстречу шесть джентльменов. Вызов был принят, поединки состоялись, и после этого прекрасного старого рыцарского способа продемонстрировать свою дружбу сэр Джон Уоллоп продолжил свой путь в Ландреси^[108].

Состояние шотландского рыцарства в этот период.

Яков IV.

Начало шестнадцатого века представляет собой очень интересную эру британского рыцарства, поскольку в нем мы видим Якова IV Шотландского, героя рыцарских и романтических романов. Он был столь же искусен и изящен в турнирах и поединках, как и любой кавалерист, ставший темой истории или поэзии. По случаю его свадьбы с Маргаритой Английской его рыцарские представления были великолепны до неприличия. Он часто олицетворял короля Артура или принимал титул и облик вымышленного существа, называемого Рыцарем-дикарем. Его тилт-ярды отражали славу последнего короля бриттов и рыцарей Круглого стола или представляли дикую и романтическую страну с горами, одетыми в дикарские одежды, охраняющими барьеры. Как и рыцарь ушедшего времени, он был не только воином, но и паломником, и мы будем надеяться, что его героические предшественники, как и он сам, не часто отвлекались от своих благочестивых странствий, чтобы побродить в чащах замков с прекрасными дамами.

Романтическая галантность его нрава была так хорошо известна, что более крутые политики использовали ее в целях своих амбиций. Французский король Людовик XII был покинут большинством своих союзников и стремился возобновить древний союз Франции с Шотландией: между Англией и Шотландией в то время был мир, и две страны, казалось, были объединены дружбой благодаря браку Якова с Маргаритой, сестрой английского короля. Но Людовик знал характер человека, чья помощь ему требовалась, и сыграл на этом с восхитительной ловкостью. В 1504 году он отправил послом к шотландскому двору Бернарда Стюарта, лорда Обиньи, одного из самых выдающихся кавалеров Франции. Этот посланник замечательно поддерживал цели своего хозяина: он быстро завоевал расположение Якова, а его рассуждения о войнах и турнирах расположили короля к рыцарской любви к французам.

Через несколько лет после этого Людовик, продолжая играть на рыцарских чувствах, заставил свою жену, Анну Британскую, выбрать Якова своим рыцарем и чемпионом, чтобы тот защищал ее от всех врагов. Идея склонить шотландского короля на сторону Франции возникла у Эндрю Формана, епископа Морейского, шотландского посла в Париже, который ради собственного возвышения пожертвовал бы королем и страной.^[109] Агентом этой затеи был Ла Мотт, французский посол в Эдинбурге, который, как и его боевой предшественник, лорд Обиньи, умело льстил Якову, чтобы погубить его. Он представил ему письма от французской королевы, в которых она, приняв манеру высокородной девицы, попавшей в беду, называла его своим рыцарем и, уверяя, что претерпела немало порицаний, защищая его честь, умоляла его ради своей госпожи продвинуться со своей армией всего на три шага на английскую территорию. Эти письма сопровождались подарком в 14 000 крон и кольцом с ее собственного пальца.^[110] Рыцарство и тщеславие Якова были разбужены этими призывами, и он стал добровольным орудием французского честолюбия.

Обстоятельства, последовавшие за его союзом с Францией, не входят в мою компетенцию. Битва на Флодденском поле стала их венцом и завершением; и хотя в самой битве не было ничего рыцарского, все же некоторые предшествующие ей события входят в мою тему. В самом деле, в те времена, о которых я пишу, рыцарство уже не было национальным отличием, а потому не могло быть отмечено в общественных делах; его свет падал лишь на некоторых индивидуумов.

Рыцарские обстоятельства при Флоддене.

Пятого сентября граф Суррей^[111], командовавший английскими войсками, отправил из Алнвика в шотландский лагерь герольда с предложением сразиться в определенный день (в пятницу, 9 сентября 1513 года), и Джеймс, как галантный рыцарь, принял вызов. Затем он убрал свой лагерь из Форда^[112] и занял сильную позицию на гребне холма Флодден, "одного из последних и самых низких выступов, оторванных от хребта Чевиот". Шестого числа англичане достигли Вуллер-хау, расположенного в трех милях от шотландского лагеря, и, заметив восхитительную позицию противника, граф Суррей разработал план, который, как он надеялся, заставит его отказаться от своего преимущества. Зная о непоколебимой храбрости и высоком чувстве чести короля, он написал письмо, подписанное им самим и всеми великими людьми в его армии, в котором упрекал его в том, что он изменил свою позицию после того, как принял предложение сражения, и призывал его, как храброго и благородного принца, спуститься в просторную долину Миллфилд, лежащую между двумя армиями, и там решить спор на справедливых и равных условиях.^[113] Этот план провалился, поскольку Джеймс не был в тот момент настолько нелепо романтичным, чтобы отказаться от преимущества, которое он получил благодаря своему мастерству; он лишь ответил, что ему следует ожидать англичан в день, назначенный для битвы. Суррей был бы безумцем, если бы

напал на него в его нынешнем положении; поэтому утром 8 сентября он собрал свою армию в походный порядок, переправился через Тилль у Вуллера, продвинулся к Бервику и остановился в Барморском лесу. Шотландские дворяне предполагали, что англичане намерены разграбить плодородные земли Мерса; поэтому они уговаривали Якова выступить в поход на защиту своих владений, но король отказался, сославшись на то, что его честь обязывает его оставаться на прежнем месте до утра, которое было назначено для сражения. В это утро Суррей направился к Твиду; но, внезапно изменив линию своего марша, он вновь обошел Тилль у моста Твиссел. Не успела армия полностью пройти, как Роберт Бортвик, командующий артиллерией Якова, попросил у своего государя разрешения разрушить мост и таким образом разбить силы противника; но король дал суровый отказ, заявив, что желает иметь всех своих врагов перед собой и сражаться с ними честно. ^{114]} Из-за этой роковой глупости Яков потерял все преимущества своей позиции; ведь англичане расположились позади него, и Флодден был открыт и доступен для них. Если личная храбрость, не зависящая от мужества, была характерной чертой рыцаря, то Яков заслужил все рыцарские почести; ибо, отказавшись от совета наблюдать за битвой издалека, он смело смешался с ней в самой гуще. Поле боя было выиграно английскими лучниками, но Джеймс не дожидаясь того, чтобы раскаты в своем рыцарском энтузиазме, стоившем его стране столько крови, - он был убит на расстоянии удара копья от лорда Суррея. Романтическое рыцарство Якова нанесло глубокий вред Шотландии. В его правление она достигла значительного национального процветания, но поражение при Флоддене выбило ее из колеи. Страна "осталась жертвой иностранного влияния и интриг, которые продолжались до тех пор, пока она не перестала быть отдельным королевством: ее финансы были истощены, ее лидеры развращены, ее достоинство унижено, ее торговля и ее сельское хозяйство заброшены"^[115].

ГЛАВА. III.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ РЫЦАРСТВА В АНГЛИИ.

Рыцарские чувства нации, поддерживаемые Спенсером... и сэром Филипом Сидни... Аллюзии на жизнь Сидни... особенно его любезное внимание... Рыцарская вежливость эпохи Елизаветы ... Граф Оксфорд ... Наклоны в Гринвичском парке ... Сэр Генри Ли ... Рыцарство, отраженное в популярных развлечениях ... Изменение нравов ... Правление Якова Первого ... Турниры прекратились после смерти принца Генриха ... Жизнь лорда Герберта Чербери ... Рыцарская слава его семьи ... Его характер... Его неполноценность по сравнению с рыцарями былых времен ... Упадок рыцарского воспитания ... Важные изменения в рыцарстве, внесенные парламентом Карла Первого ... Применение рыцарских почестей к людям гражданского сословия ... Рыцари, созданные в полевых условиях ... Ковровые рыцари ... Рыцари бани ... Полный отчет о древних церемониях создания рыцарей Бани.

Рыцарские чувства нации, поддерживаемые Спенсером,

Царствование Эдуарда VI и Марии не представляет собой ничего интересного для нашей цели; но елизаветинская эпоха чревата интересом. Наше постоянное общение с Италией

способствовало возрождению любви к романтике и аллегории, которую религиозные разногласия в течение нескольких лет постепенно заглушить. Хотя классическая литература возродилась в Италии, муза рыцарства была наиболее почитаема, и ум с удовольствием бродил среди заколдованного сада Армиды. Наши путешествующие предки привезли с собой любовь к романтической поэзии и аллегории, и гений Спенсера, под влиянием преобладающего вкуса своего времени, выбрал Ариосто в качестве образца и нарисовал дикие приключения героев и дам. Рыцарство было предполагаемым совершенством нравственной природы человека, и поэтому английский поэт описывал главные частные добродетели, образцом которых служило поведение рыцарей: его желание, как он выразил свои мысли сэру Уолтеру Рэли, состояло в том, чтобы создать образ джентльмена или благородного человека в доблестной и нежной дисциплине. Его главным героем, тем, в ком образ храброго рыцаря совершенствовался в двенадцати нравственных добродетелях, был король Артур; поэт свободно использовал обстоятельства и настроения в романах, связанных с этим британским героем, а также в других популярных рыцарских сказаниях.

и сэра Филипа Сидни.

Если поэзия питала любовь к доблестному рыцарству, то ученость в равной степени была ее другом; и когда Спенсер обращался к Сиднею как к благородному и добродетельному джентльмену, наиболее достойному всех титулов учености и рыцарства, он выражал чувство своего века, согласно которому достижения ума лучше всего проявляются в воинском обличье. На рождения Сидни, как говорит Бен Джонсон, встретились все музы. Читая "Аркадию", невозможно отделить автора от произведения или подумать, что он не излил все те фантазии, которые его сердце отметило для себя. Он изобразил рыцарей и девиц, доблестных и нежных, поместив все их чаяния о счастье в сельскую жизнь и презрев пышность дворов ради глубоких гармоний природы. Но ум Сидни был не только рыцарским, но и романтическим; он так любил возвращаться к сказочным временам своей страны, что намеревался превратить все истории Аркадии в восхитительные легенды об Артуре и его рыцарях.^[116] На современный вкус Аркадия сэра Филипа Сидни не представляет собой никакого очарования: однако, по удивительному противоречию, автор, который был олицетворением своей книги, считается образцом совершенства.

"Плюмаж войны! ранними лаврами увенчан,
Миртом влюбленного и лавром поэта"^[117].

Однако популярность "Аркадии" в елизаветинскую эпоху^[118] и высокая репутация автора свидетельствуют о симпатии мира тех времен к рыцарской романтике.

Аллюзии на его жизнь.

Немногочисленные обстоятельства краткой жизни Сиднея слишком хорошо известны, чтобы я был оправдан в их подробном описании: Но я могу напомнить читателям, что он родился в Пенсхерсте, в Кенте, в 1544 году; что он был искушен в литературе и рыцарском искусстве благодаря учебе и путешествиям; что он был придворным Елизаветы, но мог противостоять ее самым дорогим прихотям, если они были враждебны интересам его страны; что его противодействие ее предполагаемому союзу с Анжу было энергичным и хорошо обоснованным; Что его любовь к сестре и жене смягчала стремление к рыцарской доблести, которое привело его вместе с дядей графом Лестером на равнины Фландрии в 1586 году, а когда он получил смертельную рану перед городом Зутфен, он подал чашку воды бедному солдату, чья участь, по его мнению, была более тяжелой, чем его собственная. Его храбрость, галантность и изящество были его самыми известными качествами, за которые Англия, да и вся Европа, оплакивали его смерть. Его похороны в соборе Святого Павла были

общенациональными, это первый случай в нашей истории почестей такого рода; и в течение многих месяцев после этого ни один человек при дворе или в городе не появлялся на публике иначе, как в черном одеянии: настолько высоко ценились рыцарские добродетели во времена Елизаветы.

В частности, его любезное внимание.

Одна черта его характера, мало замеченная современными писателями, была весьма примечательна в те времена и будет оценена сейчас лучше, чем тогда. Все, кто пользовался гостеприимством Пенсхерста, были равны в отношении хозяина: не было никаких одиозных различий по рангу или состоянию; "блюда не становились грубее по мере удаления от головы стола", и никакая огромная солонка не отделяла знатных гостей от не знатных^[119].

Рыцарская вежливость эпохи Елизаветы.

Граф Оксфорд.

Вежливая грация Сидни не была редкостью в его время; и не было ни одного придворного, который, попав в обстоятельства, схожие с теми, что были у сэра Уолтера Рэли, не бросил бы в трясину свой красивый плюшевый плащ, чтобы он послужил королеве в качестве подставки для ног. Турниры, как и маски, были развлечением эпохи. Приз всегда доставался Елизавете, которая никогда не думала, что возраст может лишить ее привилегий красоты. Эдуард Вэр, граф Оксфордский, был более искусен в этих рыцарских упражнениях, чем все остальные придворные, даже чем Сидни, который, как великодушный рыцарь, красноречиво восхвалял его.

"В этот день у меня был мой конь, моя рука, мое копье,
Направлял так хорошо, что получил приз,
И по приговору английских глаз,
И по мнению некоторых, присланных из этой милой Франции:
Всадники - мое мастерство в наездничестве,
Горожане - мою силу; более тусклый судья применяет
Похвалы к ловкости, что от хорошего применения растет:
Некоторые удачливые умники приписывают это лишь случайности,
Другие - потому что с обеих сторон я беру
Кровь свою от тех, кто в этом преуспел,
Подумайте, что природа сделала из меня человека с оружием.
Как далеко они стреляют! Истинная причина в этом,
Стелла смотрела на меня, и с ее небесного лица
Послала лучи, которые так украсили мой род".
Астрофель и Стелла, ст. 41.

Дружба Сидни с ним в течение некоторого времени была единственным обстоятельством, которое мы знаем в его честь, и оно подразумевает наличие добродетельных качеств у графа. Значительная часть кокошников принадлежала большинству придворных Елизаветы, а благородный лорд, о котором идет речь, по словам Стоу, отличился тем, что ввел в этой стране вышитые и надушенные перчатки.

Тильты в Гринвичском парке.

Группа джентльменов-пенсионеров королевы - прекрасная иллюстрация рыцарского принципа "достоинство повиновения", ведь быть зачисленным в их ряды было высшим

стремлением дворянства. Их тильты в Гринвич-парке сделали бы честь самым светлым дням рыцарства. Но еще более избранными были рыцари-тилтеры, братство, основанное на галантном решении сэра Генри Ли выступить на королевском тилт-ярде в годовщину рождения королевы в честь Ее Величества. Некоторые из этих рыцарей были настоящими кавалерами. Перчатка королевы случайно выпала из ее руки во время турнира, и графу Камберленду посчастливилось ее вернуть. Вообразив себя рыцарской дамой, она пожелала, чтобы граф оставил ее себе; и он с галантным духом, считая это благосклонностью дамы, украсил ее бриллиантами и всегда надевал ее по торжественным случаям в высоких коронованных шляпах, которые заменили шлемы. Ибо столь учтив был двор Елизаветы, что

"Никто не казался там храбрым или доблестным, если только он не наденет тот самый значок прекрасной госпожи"[120].

Сэр Генри Ли.

С 1571 по 1590 год сэр Генри Ли был защитником королевы; затем, изнемогая от старости и немощи, он передал свой пост графу Камберленду. Эта церемония замечательно передает романтические чувства того времени и тщеславие Елизаветы. Она была отчасти маской, а отчасти рыцарским спектаклем. 17 ноября 1590 года сэр Генри Ли и граф, исполнив свои воинские обязанности, предстали перед королевой у подножия лестницы под галереей-окном в тилт-ярде Вестминстера, где сидела Ее Величество в окружении французского посла, ее дам и высшей знати. Мягкая музыка приветствовала слух королевы, а один из королевских певцов напевал такие строки:

"Мои золотые локоны время превратило в серебро,
(О время, слишком быстрое, и быстрота никогда не прекращается!)
Моя юность против возраста, и возраст юности назло;
Но напрасно, молодость убывает с каждым днем:
Красота, сила и юность - увядшие цветы,
Долг, вера и любовь - корни, вечнозеленые.

"Мой шлем теперь станет ульем для пчел;
И песни влюбленных превратятся в священные псалмы:
Мужчина с оружием должен теперь сидеть на коленях,
И питаться молитвами, что для старости милостыня.
И так от двора к дому я ухожу:
Мой святой уверен в моем незапятнанном сердце.

"И когда я с грустью сяду в домашней келье,
Я научу своих лебедей этой песне:
"Благословенны будут сердца, что думают о моем государе хорошо:
Прокляты будут души, что думают сделать ей зло".
Богиня! Поручи этому пожилому человеку его право,
Быть твоим бисером теперь, когда был твоим рыцарем".

Из земли поднялась картина храма весталок-девственниц. Присутствующие девы взяли с алтаря несколько богатых даров, и вместе с королеве была преподнесена вотивная табличка с надписью "Элизе". Сэр Генри Ли предложил свои доспехи перед коронованным столбом у ворот храма, а затем представил королеве графа Камберленда, смиренно умоляя ее принять его в качестве своего рыцаря для продолжения ежегодных упражнений. Приняв это предложение, престарелый рыцарь вооружил графа и усадил его на своего коня. На себя он

накинул мантию из черного бархата, а голову вместо шлема покрыл чепцом по деревенской моде^[121].

Рыцарство отразилось в народных забавах.

Народные увеселения Англии соответствовали придворным. "Я помню, как в Майл-энд-Грин, когда я лежал в Клементс-Инн, я был сэром Дагонетом в представлении Артура", - говорит мастер Шэллоу; и таким образом, пока при дворе и знати проводились турниры, другие слои общества развлекались сценическими представлениями о древнем рыцарстве. По уверениям одного из авторов того времени, развлечения простолюдинов на Рождество и свадьбы заключались в том, что они слушали менестрелей, которые пели или рассказывали истории о былых временах, такие как сказка о сэре Топасе, рассказы о Бевисе из Саутгемптона, Гае из Уорика, Адаме Белле и Клайме из the Clough, а также другие старинные романсы или исторические рифмы. А в другом месте тот же автор рассказывает о компаниях, которые желали услышать о старых приключениях и доблестях благородных рыцарей в прошлые времена.^[122] Домашние развлечения эпохи перечислены Бертоном следующим образом: "Обычные развлечения, которые мы проводим зимой, - это карты, столы и кости, доска-лопата, шахматы, философская игра, маленькие сундучки, балиарды, музыка, маски, пение, танцы, улевые игры, ловушки, цели, вопросы; *веселые истории о странствующих рыцарях, королях, королевах, любовниках, лордах, леди, великанах, карликах, ворах, феях, гоблинах, монахах, ведьмах и прочем*"^[123].

Изменение нравов.

В одном отношении, однако, нравы претерпели большие и явные изменения. В одной из предыдущих глав упоминалось, что итальянцы изобрели длинный и острый меч; и, судя по многим разрозненным упоминаниям об обычаях в трудах по истории континента, он постепенно вытеснил использование более широкого рыцарского оружия. В царствование Елизаветы иностранная или итальянская рапира была очень любимым оружием. "Бой на мечах и кулаках начинает выходить из употребления", - сетует персонаж одной старой комедии. "Я сожалею об этом. Я никогда больше не увижу хорошей мужской силы. Если она однажды исчезнет, появится этот тычковый бой рапирой и кинжалом, тогда высокий человек, а хороший меченосец будет оплеван, как кот или кролик"^[124] Аллюзии на это состояние нравов более заметны и многочисленны в "Каждом человеке в его юморе" Бена Джонсона, но с этой комедией мои читатели, конечно, знакомы.

Правление Якова I.

Турниры прекратились после смерти принца Генриха.

В течение нескольких первых лет правления Якова I турниры делили с масками благосклонность двора. Как только принцу Генриху исполнилось шестнадцать лет, он проявил себя в более героической манере, чем это было принято у принцев его времени, с помощью наклонов, барьеров и других упражнений на лошадях, боевой дисциплины мягкого мира.^[125] После его смерти рыцарские виды спорта совсем вышли из моды.

"Щиты и мечи

В паутине и ржавчине; ни один шлем не дает

Ни искры блеска, что обычно давали

Свет миру и жизнь народу"^[126].

Так сетовал Бен Джонсон; а другой поэт так описывает в лице Британии чувства нации:

"Увы! Кто теперь украсит мои турниры,
Или чествовать меня рыцарскими подвигами?
Что станет со всеми моими весельями,
Моими церемониями, геральдическими знаками,
и другими обрядами?"[127]

Военные упражнения полностью вышли из употребления, и маска с ее чарами музыки, поэзии, живописи и танцев стала единственным развлечением двора и знати.

Жизнь лорда Чербери.

И вот в эти последние дни рыцарства в Англии на сцене появился весьма необычный персонаж. Это был Эдвард Герберт, впоследствии лорд Герберт из Чербери, который родился в Итоне, в Шропшире, в 1581 году. Его семья принадлежала к дворянскому сословию и в течение многих лет исполняла различные королевские должности, связанные с военным доверием. Его дед был ярым роялистом во времена Эдуарда VI и королевы Марии; он приобрел состояние, а также славу: похоже, что его доля в грабежах во время войн на севере и конфискованных имениях мятежников стала основой семейного богатства.

Рыцарская слава его рода.

Доблесть Гербертов соперничала с доблестью романтических рыцарских героев. Эдуард с гордостью вспоминал своего прапрадеда, сэра Ричарда Герберта из Коулбрука, как несравненного героя, который дважды прошел через большую армию северян в одиночку, с топором в руке, и вернулся без смертельного ранения. Мужество, которое раньше проявлялось на поле боя, с течением времени стало использоваться для нанесения частных обид, и патриот опустился до уровня дуэлиста. Под конец жизни Эдуард с удовольствием вспоминал, что один из его братьев унес с собой в могилу шрамы от двадцати четырех ран, многие из которых были получены в частных потасовках. Другой брат был кавалером королевских покоев и знаменитым мастером пирушек; он тоже не раз доказывал свою храбрость на дуэлях.

Младенчество Эдуарда было настолько болезненным, что его друзья не считали нужным обучать его азбуке до семи лет. Однако он хотел бы, чтобы мы верили, что он был мудрым, хотя и не получил раннего образования; ведь в младенчестве он понимал, что говорят другие, но не решался заговорить, чтобы не произнести что-нибудь несовершенное или дерзкое. Когда он начал говорить, одним из первых его вопросов был вопрос о том, как он появился на свет. Он рассказал кормилице, сторожу и другим, что действительно оказался здесь, но по какой причине, с какого начала или каким способом, он не может себе представить. Кормилица смотрела на него, а другие люди удивлялись этой ранней мудрости; и когда он размышлял об этом в последующей жизни, то был счастлив от мысли, что, как он оказался в этой жизни, не зная ничего о муках и страданиях своей матери, хотя, несомненно, они причиняли ему не меньше страданий, чем ей, так он надеялся, что его душа перейдет в лучшую жизнь, чем эта, не чувствуя тех мук, которые испытывает его тело в смерти[128].

Он с легкостью познакомился с учеными языками и другими отраслями юношеской литературы; и когда в возрасте двенадцати лет его отправили в Оксфорд, он рассказывает, что в свой первый приезд он спорил по логике и делал упражнения на греческом, которые требовались в его колледже чаще, чем на латыни. Он женился в возрасте пятнадцати лет, после чего стал энергичнее, чем когда-либо, заниматься, особенно континентальными

языками: но главным его стремлением было фехтование и езда на лошади, ибо именно в таких упражнениях обучалось рыцарство его времени, - и он стремился к славе в любом деле. Из того же чувства тщеславия, которое побудило его опубликовать свои деистические догмы, он самодовольно говорит о себе, что ни один человек не понимал, как пользоваться своим оружием, лучше, чем он сам, и не пользовался им более ловко во всех случаях[129].

В 1600 году он вместе с женой и матерью переехал из замка Монтгомери (резиденции своих предков) в Лондон и, движимый скорее любопытством, чем честолюбием, отправился ко двору; и поскольку в те времена было принято, чтобы все мужчины преклоняли колени перед королевой, он тоже стоял на коленях в Присутственной палате, когда она проходила мимо в часовню на Уайтхолле. Как только она увидела его, то остановилась и, произнеся свою обычную клятву, спросила: "Кто это?". Узнав его имя и обстоятельства, королева внимательно посмотрела на него и, вновь подчеркнув свои чувства клятвой, сказала, что жаль, что он так рано женился, после чего дважды подала ему руку для поцелуя, оба раза погладив его по щеке. Яков I произвел его в рыцари Бани; он с присущим ему тщеславием заявляет, что его особа была поразительно высоко оценена лордами и леди, присутствовавшими на церемонии. Самая красивая дама двора пообещала свою честь за его честь, а затем с его руки сняли шелковые и золотые нити. Эти нити, как я уже упоминал, носили все рыцари до тех пор, пока не совершали какой-нибудь высокий подвиг, или пока какая-нибудь почетная дама не снимала их и не прикрепляла к своему рукаву, говоря, что она ответит своему другу, что он окажется хорошим рыцарем. Как и все остальные рыцари Бани, он поклялся вершить правосудие на пределе своих сил, особенно по отношению к дамам и кавалерам, оскорбленным в своей чести, если они потребуют помощи.

Вскоре после этого обстоятельства ему надоели и литературные, и домашние занятия, и он решил отправиться в путешествие по чужим странам. Его мастерство фехтования должно было найти применение, ибо, по его словам, во Франции в его время едва ли был человек, считавшийся достойным уважения, который не убил другого на дуэли.[130] Он отправился в Париж и был гостеприимно принят в соседнем замке Мерлон Генрихом де Монморанси, вторым сыном великого коннетабля Анны де Монморанси.

Вскоре представился случай проявить свое фантастическое рыцарство. Один французский кавалерист выхватил ленту из чепца молодой дамы и прикрепил ее к своей шляпе. Он отказался вернуть ее, и обиженная девица попросила английского рыцаря вернуть ей ленту. Он вежливо подошел к французу со шляпой в руке и попросил вернуть ленту. Получив грубый отказ, он ответил, что заставит его вернуть ленту силой. Француз убежал; но, обнаружив, что его преследуют, он обернулся к молодой леди и уже собирался вернуть ей узел, когда сэр Эдвард схватил его за руку и сказал ей: "Это я его дал". "Простите, - сказала она, - это он мне его дал". Сэр Эдвард заметил: "Я не стану противоречить вам; но если он осмелится сказать, что я не заставлял его дать это, я буду с ним драться". Ответа не последовало, и французский джентльмен проводил даму обратно в замок. Сэр Эдуард очень хотел дуэли, но она не состоялась, и он был вынужден удовлетворить свою совесть размышлениями о том, что действовал в соответствии с клятвой, которую дал при посвящении в рыцари Бани[131].

В трех других случаях он проявлял свое рыцарство в интересах дам; но рассказы об этих делах бедны и неинтересны после его самого восхитительного поведения в саду Монморанси.

В течение многих лет сэр Эдуард жил при дворе или в лагере, во Франции или в Англии, редко навещая свою жену в Монтгомеришире и чаще участвуя в частных потасовках (но его вызовы никогда не перерастали в дуэли), чем занимаясь философскими размышлениями.

В 1614 году, когда он находился на службе у принца Оранского, из враждебной (испанской) армии к нему явился трубач с вызовом - мол, если любой кавалерист сразится в одиночном бою ради своей госпожи, его встретит испанский рыцарь. Принц разрешил сэру Эдуарду принять вызов. Тогда к испанскому войску был послан трубач с ответом, что если претендент - рыцарь без порицания, то сэр Эдуард Герберт ответит ему таким оружием, о котором они договорятся. Но не успел этот глашатай передать свой приказ, как в лагерь принца Оранского прибыл другой испанский трубач, объявивший, что вызов был брошен без согласия маркиза Спинолы (командующего), который его не допустит. Принцу и сэру Эдуарду это показалось странным, и, подумав, что испанцы могут возражать против того, чтобы поединок состоялся в лагере вызываемого, как это было предложено изначально, сэр Эдуард решил отправиться к противнику и предоставить ему выбор места. Он так и поступил, но Спинола не позволил провести дуэль. Англичанина ждало знатное развлечение: маркиз соизволил преподнести гостю лучшее мясо, которое его резник предложил сам. Он не выразил гнева по поводу того, что вызов был брошен; он вежливо спросил своего гостя, от какой болезни умер сэр Фрэнсис Вэр. Сэр Эдуард ответил, что от того, что ему нечего было делать. Спинола ответил, намекая на праздность кампании: "И этого достаточно, чтобы убить генерала"; и таким образом косвенно оправдал нетерпеливые выпады своих молодых солдат.

Сэр Генри Воттон, посол английского короля, при посредничестве которого был заключен мир между принцем Оранским и испанцами, наш рыцарь отправился в путешествие по Германии и Италии. Он сделал комплимент монахине за ее пение, в то время как все остальные присутствующие англичане восхищенно молчали: но он всегда был готов как говорить, так и сражаться за честь рыцарского ордена Бани. "Умирайте, когда хотите, - сказал он молодой леди, - вам не нужно менять ни голоса, ни лица, чтобы стать ангелом!" Эти слова, как он уверяет, оказались роковыми, и вскоре после этого она умерла.

Он отправился во Флоренцию, и гвоздь, который с одного конца был железным, а с другого - золотым, понравился ему больше, чем все великолепие живописи и скульптуры, которыми в то время благоухали этрурские Афины. Некоторое время он прожил в Риме, но поспешно покинул город, когда Папа собирался благословить его. Такой отказ от благословения старика объясняется тщеславием его характера. Хотя он был совершенно равнодушен к христианству, при въезде в Рим он демонстративно заявил хозяину английского колледжа, что приехал в этот город не для изучения споров, а для осмотра его древностей; и если без скандала с религией, в которой он родился и получил образование, он может воспользоваться этой свободой, то с удовольствием проведет там некоторое время. Деликатное подчинение римским обычаям не вызвало бы у него всеобщего одобрения; поэтому он поспешно покинул консисторию, когда собирались дать благословение, зная, что столь дерзкий акт презрения к религии этого места будет разнесен повсюду.

Дальнейшая история его приключений на континенте не заслуживает упоминания. Он вернулся в Англию, а в 1616 году был отправлен во Францию в качестве английского посла. Перед отъездом он договорился о дуэли, хотя день, назначенный для этого, был воскресным; но когда он прибыл в Париж в субботу вечером, то отказался принять приглашение испанского посла на беседу на следующее утро, потому что воскресенье было днем, который, как он утверждал, он полностью отдавал преданности. Дух дуэли был гораздо сильнее в его сознании, чем любовь к соблюдению религиозных приличий; но это ничего ему не стоило; более того, отказ от визита испанского посла в воскресенье только повысил его значимость. Он оставался некоторое время во Франции, поддерживая честь своей

страны во всех случаях; особенно в отношении могущественного вопроса о том, кто должен иметь приоритет - его кучер или испанский посол.

Сэр Эдуард получил от своего двора поручение выступить посредником между Людовиком XIII и его протестантскими подданными; но вместо того, чтобы вести дело с хладнокровием и политической проницательностью, он поссорился с Луинесом, министром французского короля. Жалобы на его поведение были отправлены в Англию, и он был отозван. Вскоре после этого обиженный государственный деятель умер, и Герберта снова отправили во Францию.

Следующим знаменательным событием в его жизни стала публикация книги "*De Veritate*", целью которой было показать вседостаточность естественной религии. Но он, отрицавший необходимость откровения человеческому роду о вопросах, касающихся его вечного спасения, вообразил, что Небеса прямо открыли ему свою волю на то, чтобы его книга была опубликована. Такова непоследовательность неверных!

"Безбожный регент, трепещущий перед звездой!"

Его забавная автобиография заканчивается рассказом о шуме с небес, когда он молился о знамении Божественной воли, следует ли ему печатать свою книгу или нет.

О других обстоятельствах его жизни известно немного. В 1625 году он был возведен в ирландское пэрство, а затем стал английским бароном, получив титул лорда Герберта из Чербери в Шропшире. Он опубликовал еще одну латинскую работу в поддержку неверных, а затем подарил миру свою "Историю царствования Генриха VIII" - книгу, которую писатели, никогда не читавшие ни строчки, всегда характеризовали как шедевр исторической биографии; и если грубая пристрастность к своему герою, глубокое незнание человеческой природы, несовершенное знакомство с предметом и педантичный стиль составляют совершенство мемуаров, то лорд Герберт - автор первого класса.

Хотя он был возведен в пэрство Стюартами, во времена Карла I мы видим его на стороне парламента. Замок Монтгомери был разрушен королевскими войсками, и парламент выплатил ему денежную компенсацию. Он переехал в Лондон, умер в 1648 году и был похоронен в церкви Святого Джайлса.

Его характер.

Его неполноценность по сравнению с рыцарями былых времен.

Таким был лорд Герберт из Чербери. Его жизнь можно скорее противопоставить героям ранних рыцарских времен, чем соотнести с ними. Он обладал их мужеством, это правда, но в нем не было их достоинства и благородства, их мужественной грации; и в его поведении была фантастическая мелочность, которую их возвышенные натуры презирали бы. Он не был христианским рыцарем: суеверие Чандосов и Манни, каким бы грубым оно ни было, не столь оскорбительно для нравственного чувства, как хитрость и тонкость интеллекта лорда Чербери, который переработал христианство в деизм. Мы можем восхищаться героями времен Эдуарда III, возлагавшими острия своих мечей на Евангелия и клявшимися защищать истину до последнего слова; но как нелеп фанатизм и презренно тщеславие того, кто рассчитывал, что Небеса объявят свою волю, чтобы он явил миру тщетные химеры своего воображения!

Упадок рыцарского воспитания.

История английского рыцарства подходит к концу. Мы можем отметить состояние системы рыцарского воспитания в дворянских замках. Каждому великому лорду, как и его предкам, по-прежнему помогали несколько представителей низшего дворянства и джентри, и такая служба не считалась позорной. Мальчиков, как и раньше, называли пажами, хотя, возможно, возраст для этого звания несколько превысил древний предел.

Но это было не единственное изменение в этом сословии рыцарства Англии. В прежние времена пажи служили прислугой великих особ в увеселениях замка и баронского зала, а иногда вместе с оруженосцами выполняли более опасные обязанности на поле боя. Со временем, когда общество стало более устоявшимся, мирные искусства сгладили суровую свирепость рыцарства, и паж стал почетным слугой лорда или его дамы, участвуя в гордых церемониях благородства, и никогда не участвовал в войне. Он продолжал быть человеком нежного происхождения, а его платье было великолепным; обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали тому необычному состоянию нравов, которое позволяло женщине, без ущерба для своего доброго имени, следовать за тем, кем она восхищалась, под видом нежного пажа, и постепенно завоевывать его расположение глубокой преданностью своей любви. Поэзия могла бы украсить такие случаи страсти, ведь тема полна интереса и пафоса; но поэты в лучшие времена английского стиха так часто копировали окружающий мир, что мы не можем не верить, что и в этом случае они черпали из природы. Эта форма нравов была романтической, но, конечно, не рыцарской: ведь в чистые рыцарские времена ухаживали за рыцарями, а не за дамами, - но все изменилось или деградировало.

Об общем состоянии пажа в последние дни рыцарства можно судить по одной из драм Бена Джонсона, где Ловел, полный джентльмен, солдат и ученый, желает взять в пажи сына лорда Фрампула, который переоделся в хозяина гостиницы "Легкое сердце" в Барнете:

"Любовь. Прекрасный ребенок!

Вы не расстанетесь с ним, мой хозяин?

"Хозяин. Кто тебе сказал.

Я не хочу.

"Любовь. Я только спросил вас.

"Хозяин. И я отвечаю,

Кому? За что?

"Любовь. Ко мне, чтобы быть моей пажом.

"Хозяин. Я не знаю, какое зло еще совершило дитя,

Чтоб заслужить такую судьбу.

"Лов. Почему?

"Хозяин. * * * * *

Поверьте, я бы предпочел

Взял бы честную петлю, вымыл руки и повесил его.

сам, избавившись от него, чем...

"Лов. Что?

"Хозяин". Чем проклясть его на этот отчаянный путь жизни.

"Лов. Назови тебя тем отчаянным, что по линии

институтов, от наших предков,

До нас дошла, и принята

В наследство, как благороднейший способ

Воспитания нашей молодежи, в письмах, оружии,

В честном поведении, беседах, гражданских упражнениях,

И все, что полагается джентльмену?

Где он может научиться прыгать, ездить верхом, фехтовать,
Двигать телом изящней, говорить
чище говорить на своем языке, или настроить свой ум
Или манерам, более соответствующим гармонии природы,
чем в этих дворянских питомниках?
"Хозяин. Да, это было тогда, когда ясли сами по себе были благородными.
И только добродетель делала его, а не рынок,
Чтоб титулы не выплескивались в барабан,
и не под общий крик, доброта давала величие,
А величие - поклонение: каждый дом становился
Академией чести, и те части
Мы видим ушедшими, в практике нынешней,
Совсем от учреждения"[132].

В этом порицании следует кое-что утаить, ибо оратор был человеком разочарованным и, следовательно, раздражительным. Но каким бы ни было воспитание пажа, сам его характер был утрачен в политических конвульсиях времен Карла I. Так много старых институтов Англии было тогда разрушено, что не приходится удивляться, что не спасся тот, который давно пережил свою цель и повод. При восстановлении монархии был возрожден древний придворный церемониал, и поэтому паж стал королевским офицером: но он почти не упоминается в последующей частной истории страны, а его обязанности при дворе были исключительно личными, хотя и джентилитарными, и совсем не касались военных дел.

Военные черты рыцарства были грубо искажены в войнах между домами Йорков и Ланкастеров, и ко временам Якова I от них не осталось и следа. Изящные рыцарские состязания поддерживал смелый и энергичный Генрих VIII, и романтика не могла не понравиться королеве-девственнице. Вместе с принцем Генрихом умер и турнир. Перед миром встали более серьезные вопросы, чем те, которые могло решить рыцарство; и в поведении друзей Карла I, ошибочно прозванных кавалерами, не было ничего, к чему можно было бы применить рыцарский характер.

Важные изменения в рыцарстве, произведенные парламентом Карла I.

Правление Карла I, однако, в одном отношении является памятной эпохой в истории английского рыцарства. По древней конституции, как мы видели в предыдущей главе, король имел право принуждать своих вассалов к посвящению в рыцари. Однако во все эпохи, будь то расцвет или упадок рыцарства, многие люди, считаясь с обязанностями и расходами, связанными с этой честью, были склонны компенсировать ее штрафом; и этот обычай часто разжигал жадность монархов. Елизавета была последней из наших государынь, обогативших свою казну за счет таких смягчений. Карл I попытался увеличить свои доходы подобным образом; но дух эпохи был враждебен его притязаниям; и, конечно, поскольку военная система изменилась, было абсурдно и несправедливо, чтобы бремя пережило пользу древней системы. Народ восторжествовал, и Карл уступил прерогативу, которая была известна только как средство государственного угнетения. Статутом, принятым на шестнадцатом году его правления (сар. 20.), было отменено право принуждать мужчин к получению рыцарского звания.

Применение рыцарских почестей к людям гражданского сословия.

Таким образом, было покончено с одной из ветвей английского рыцарства, а именно с рыцарством, связанным с собственностью, с рыцарством как внешним символом феодализма. Но рыцарство все еще продолжало оставаться почетным отличием. В этой,

самой интересной части темы, произошли большие перемены: но невозможно точно определить время их наступления. Мы знаем только, что даже во времена ланкастерских принцев рыцари не могли по своей воле пополнять рыцарский орден новыми членами, и та связь почетного равенства, которая связывала всех людей благородного происхождения в единое государство, была разорвана. Вся власть над созданием рыцарей была узурпирована короной. Первый шаг, который, очевидно, привел к этой узурпации, был сделан еще в самый чистый век рыцарства, в царствование нашего Эдуарда III: ведь в то время гражданские заслуги вознаграждались рыцарскими отличиями. Судьи судебных инстанций удостоивались рыцарского звания[133].

В последующие царствования ланкастерских принцев, похоже, считалось устоявшимся обычаем, что люди, высоко стоящие перед обществом, должны быть удостоены какого-либо титула выше состояния простого джентльмена. К рыцарству, как к великому источнику чести, снова прибегли, и появился титул эсквайра. Затем он стал применяться к шерифам графств, сержантам-законникам и другим людям, занимающим высокое положение; а затем вежливость добавила его к именам старших сыновей пэров, рыцарей и многих других. Эта честь, как и остальные рыцарские почести, была личной, а не наследственной, и в строгом смысле могла быть получена только в силу создания или как достоинство, сопутствующее должности. Способ создания был скопирован с инвеституры рыцаря. Тот, кто должен был быть принят в оруженосцы страны, преклонял колени перед своим государем, который, надев ему на шею серебряный ошейник из раковин гребешка, смешанных с эссенцией, возглашал: "Встаньте, сэр эсквайр, и да сделает вас Бог хорошим человеком"[134].

Рыцари, созданные в поле.

Это право оказывать рыцарские почести лицам гражданского сословия принадлежало только государям, и оно служило предлогом для того, чтобы они взяли на себя право решать, в каких случаях их следует оказывать людям, чьей профессией была война. Обычай создавать рыцарей на поле боя по приказу командующего генерала преобладал в Англии вплоть до правления королевы Елизаветы. Роберт, второй сын сэра Генри Сидни и брат знаменитого сэра Филиппа, был посвящен в рыцари Лестером за рыцарскую выправку в битве при Зутфене. Эссекс, командуя в Испании и Ирландии, раздавал рыцарские почести с такой щедростью, что королева, всегда ревниво относившаяся к своей власти, сделала его поведение в этом вопросе предметом одной из статей обвинения против него.

Ковровые рыцари.

Рыцарство, когда оно присваивалось на поле боя, всегда считалось очень почетным отличием. Когда людей, не отличавшихся доблестью[135], возводили в рыцарское звание, их называли ковравыми рыцарями, как нас учат старые церемонии; а в обществе это выражение всегда использовалось презрительно, как мы узнаем от наших драматургов, которые являются такими же хорошими свидетелями обычаев своего времени, как романтики - обычаев более ранних дней. "Он рыцарь, с незаточенной рапирой и на ковре", - так характеризует сэр Тоби Белч своего друга сэра Эндрю Агуэчека. В отрывке непревзойденной красоты Флетчер описал характеры рыцарского и коврового рыцарей.

"О храбрые дамы

Из воинственной Генуи! У них были глаза, чтобы видеть

Внутреннего человека, и только по его достоинствам,

храбрости и завоеваний, слепой лучник знал.

Чтоб направить свои стрелы или зажечь свой угасший факел;

Они были уверены, что против него нет ничего другого! Ни один рыцарь ковра

Проводивший юность в рощах или приятных беседках,
Или растягивал на диване свои ленивые конечности,
не пел на своей лютне таких мягких и приятных нот.
каких не знали ни Овидий, ни Анакреон,
Не могли подействовать на них, не могли околдовать их чувства;
И хотя он пришел так благоухающий, как будто ограбил
Сабея или Аравия их богатства,
И хранил их в одном костюме"[136].

Рыцарский орден действительно сильно деградировал во времена Якова I, если мы можем допустить хоть какую-то правду в замечаниях Осборна. "В это время рыцарская честь, которую древность свято хранила, как самую дешевую и самую доступную драгоценность, которой можно одарить добродетель, была беспорядочно возложена на голову любого представителя йоменов (одурманенных гордыней и презрением к родословной своих предков), у которого был , кроме придворного друга или денег, чтобы купить расположение самого низкого, способного привести его во внешнюю комнату, когда король, источник чести, спускался и не прерывался на другие дела; В этом случае он обычно давал поручение камергеру или какому-нибудь другому лорду сделать это."

Рыцари бани.

Коверных, или обычных рыцарей, не следует путать с рыцарями Бани, хотя оба эти сословия были рыцарями мира. Рыцари Бани всегда имели преимущество перед рыцарями-холостяками, без какой-либо связи с датами создания. Рыцарями Бани становились люди, занимающие высокое положение или отличающиеся военными качествами. Они создавались нашими государями во время коронаций или по другим торжественным случаям, начиная со времен Генриха V, когда я в последний раз обращался к этой теме, и до такого позднего периода, как правление Карла II, который перед коронацией создал шестьдесят восемь рыцарей Бани. Когда королевы были государями, дворянину давалось поручение создать рыцарей; и поручение королевы Елизаветы графу Арунделу настолько богато по мысли и достойно по стилю, что я не могу отказать себе в удовольствии переписать его. После обычного приветствия "Всем людям" королева заявляет следующее: "В то время как мы, намереваясь приступить к торжественному празднованию нашей коронации в таком и подобном почетном роде, как это было принято при коронации наших прародителей и как полагается нашему сословию и достоинству, как для большего украшения праздника нашей упомянутой коронации, так и за благородство крови, хорошую службу и другие хорошие качества многих наших слуг и других подданных, решили призвать некоторых из них в рыцарский орден. Уведомляем вас, что за особое доверие, которое мы оказали нашему верному и горячо любимому кузену и советнику Генриху графу Арунделю, лорду-стюарду нашего дома, мы назначили, и этими подарками назначаем и уполномочиваем его за нас, и от нашего имени, и нашей властью, не только делать и осуществлять все вещи и дела, которые должны быть сделаны и осуществлены от нашего имени, для полного посвящения в рыцари Бани, которых мы специально вызвали для этой цели, но и для посвящения в рыцари таких и стольких других лиц в течение двух дней, следующих за датой настоящего документа, которые будут нами названы или которые он сам сочтет нужным, так чтобы в целом их число не превышало тридцати" ис.[137]

Полный отчет о древних церемониях их создания.

Церемонии создания рыцарей дают нам столь точное представление о нравах наших предков, что, хотя я уже касался этой темы, я, не извиняясь, опишу ее мельчайшие

особенности. Когда эсквайр являлся ко двору для получения рыцарского ордена, в мирное время, по обычаю Англии, его с поклоном принимали придворные, стюард или камергер, если они находились во дворце, или же маршалы и ашеры. Два эсквайра, мудрые, воспитанные в учтивости и сведущие в рыцарских делах, были назначены его учителями и гувернерами. Если он прибывал утром, то за обедом должен был подать королю воды или поставить на стол блюдо с первым блюдом; на этом он прощался со своими личными обязанностями эсквайра. Затем наместники проводили его в его покои, где он оставался один до вечера, когда к нему прислали цирюльника, который приготовил ему ванну. Воду в нее еще не налили, но эсквайр уже сидел, закутанный в белые одежды и мантии, а его борода была обрита, а голова округлена. Все это было сделано, губернаторы отправились к королю и сказали ему: "Могущественный принц, наш суверенный господин, время близится к вечеру, а наш господин уже готов в бане". Тогда король велел своему камергеру привести в покои того, кто должен был стать рыцарем, старейших и мудрейших рыцарей двора, чтобы они наставляли и советовали эсквайру, касаясь рыцарского ордена.

Камергер, предваряемый менестрелями, которые пели и танцевали, и в сопровождении отборных кавалеров, подошел к двери комнаты эсквайра. Услышав звуки менестрелей, губернаторы раздели своего господина и оставили его нагим в ванной. Музыка стихла, и в комнату вошли камергер и его рыцари. Отдав друг другу много поклонов и любезностей, тот, кому было позволено первенство, прошел к ванне и, опустившись на колени, прошептал на ухо эсквайру такие слова "Любезный брат, пусть этот орден принесет тебе великую честь и поклонение, и я молю Всемогущего Бога воздать тебе хвалу от всего рыцарства. Вот этот орден: Будьте крепки в вере Святой Церкви, помогайте вдовам и угнетенным девам, отдавайте каждому свое, и, прежде всего, любите и бойтесь Бога. Превыше всех прочих земных благ люби короля, твоего суверенного повелителя; его и его право защищай своей властью и воздавай ему поклонение".

Когда эсквайр получил такой совет, рыцарь-советник набрал в руку воды из ванны и осторожно плеснул ее на плечо своего юного друга. Остальные рыцари посоветовались и искупали его таким же образом, а затем, с первым рыцарем, покинули палату. Губернаторы вынесли эсквайра из ванны и положили его на кровать "сушиться". Когда процесс высыхания был закончен, его сняли с кровати и тепло одели; на него накинули плащ из черной шерсти с длинными рукавами, а на плащ пришили капюшон, как у отшельника. За плату цирюльник принимал ванну, а операция бритья оплачивалась отдельно, в соответствии с имуществом эсквайра; если возникал спор о сумме, то обращались к суду королевского величества.

Веселая компания рыцарей с танцующими оруженосцами и поющими менестрелями вошла в комнату и легким шагом и с задорной походкой повела своего друга в часовню. Там их подкрепили винами, пряностями и потниками, и рыцари-советники, поблагодарив эсквайра за великий труд и поклонение, удалились. Губернаторы, оружейники и офицеры остались в часовне вместе с эсквайром. Его обязанностью было провести ночь в молитвах к Всемогущему Богу, чтобы он мог достойно принять эту честь и исполнить все рыцарские обязанности. Перед ним всегда горел восковой огарок.

Когда наступало утро, в часовню входил священник, и начинались более торжественные религиозные обряды. Шривинг, утренняя месса и причастие были совершены, причем во время главных церемоний таинства эсквайр держал в руке факел, а в воск был воткнут пенни, который находился рядом со светильником; наконец, он предложил их священнику, факел - в честь Бога, а пенни - в честь того, кто должен сделать его рыцарем. Затем наместники вывели его из часовни и уложили в постель, избавив от отшельнического одеяния.

После того как ему дали немного времени, чтобы подкрепиться, губернаторы отправились к королю и сказали: "Победоносный принц, наш господин проснется, когда будет угодно Вашему Величеству". Король приказал рыцарям, эсквайрам и менестрелям войти в покои эсквайра и разбудить его. Они пошли и сказали ему: "Сэр, добрый день: пора вставать". Правители подняли его в постели: достойнейший и мудрейший рыцарь подал ему рубашку, следующий по рангу кавалер - бриджи, третий - дублет, четвертый - халат из красной тафты, подбитый белым сарценетом; и когда он был таким образом частично одет, двое других подняли его с постели. Двое надевали ему рукава, которые были из черного шелка или черного сукна с кожаными подошвами, двое застегивали рукава, еще один завязывал вокруг него пояс из простой белой кожи шириной в дюйм. Расчесывание головы и надевание убора выполнял каждый рыцарь. Другой кавалер также подал ему мантию из красного тартайна, перекрещенную на груди белым и скрепленную шнурком из белого шелка, от которой отходила пара белых перчаток. Каким образом на его голове оказалась белая шапочка с белыми перьями, я не знаю, потому что могильный церемониал об этом умалчивает.

Закончив одевание, эсквайр был посажен на коня и в сопровождении рыцарей введен в зал короля, перед ним ехал молодой джентльмен-эсквайр, тоже верхом и нес на острие меч в белых ножнах, с золочеными шпорами, висевшими на крестовине эфеса. Маршал Англии помог кандидату в рыцари сойти с коня и провел его в зал, где он сел во главе второго стола в окружении своих советников-рыцарей, меченосца и губернаторов. Войдя в зал, король потребовал меч и шпоры, и они были поданы ему камергером. Король передал правую шпору одному из знатнейших пэров, стоявших рядом, приказав тому положить ее на правую пятку эсквайра. Лорд опустил на одно колено и, взяв эсквайра за правую ногу, положил стопу на свое колено, и не только прикрепил шпору к пятке, но и сделал крест на колене эсквайра и поцеловал его. Другой лорд прикрепил левую шпору к левой ноге с аналогичными церемониями. Затем король, из кротости своего высокого могущества, опоясал меч вокруг эсквайра. Эсквайр поднял руки, и король, обхватив шею эсквайра, ударил его правой рукой по плечу, одновременно поцеловав его и сказав: "Будь хорошим рыцарем".

Затем новоиспеченный рыцарь был проведен своими советниками в часовню, на высоком алтаре которой он положил свой меч, преподнеся его Богу и Святой Церкви, благочестиво умоляя Небо, чтобы он всегда достойно исполнял свои обязанности в ордене. Затем он выпил глоток вина и покинул часовню, у дверей которой мастер-повар снял с него шпоры, получив их за свою плату, и в прекрасном стиле староанглийской прямоты напомнил ему, что "если он когда-нибудь поступит недостойно своего рыцарства, то его долг будет ножом, которым он заправляет мясо, отбить шпоры, и таким образом по рыцарским обычаям он лишится своего поклонения". Новоиспеченный рыцарь прошел в зал и сел за стол вместе со своими товарищами; но ему было не к лицу есть в их присутствии, и его унижение не позволяло ему обращать взор то туда, то сюда. Он покинул стол после того, как король встал, и отправился в свои покои с великим множеством рыцарей, оруженосцев и менестрелей, ликуя, распевая и танцуя.

Уединившись в своих покоях и закрыв дверь, рыцарь, утомленный к тому времени церемониями и постом, весело ел и пил. Затем он сбросил большую часть своего одеяния, которое было распределено между домочадцами, и облачился в голубую мантию с белым шелковым кружевом на плече, похожую на ту, что носили во времена Генриха V; ведь как бы ни выродился мир, он не мог ради стыда презреть все рыцарские формы. Церемония вступления в должность завершилась выражениями благодарности и любезности. Рыцарь подошел к королю и, преклонив перед ним колени, сказал: "Грозный и могущественный принц, я с благодарностью приветствую вас за поклонение, которое вы так любезно оказали

мне". Правители так обратились к рыцарю: "Достопочтенный господин, по повелению короля мы служили вам, и это повеление было выполнено в меру наших сил; и то, что мы сделали в нашей службе против вашего почтения, мы молим вас по вашей милости простить нас. Кроме того, по обычаю королевского двора, мы требуем от вас одеяний и платы, соответствующих званию королевских оруженосцев, которые являются собратями рыцарей других земель"[138].

ГЛАВА. IV.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА ВО ФРАНЦИИ.

Рыцарство в баронских замках ... Рыцарство пострадало от религиозных войн ... Благотворное влияние поэзии и романтики ... Рыцарское великолепие XIV века ... Бретань ... Дю Гесклен ... Романтический характер его ранних лет ... Его рыцарское поведение в Ренне ... Галантность при Коштеле ... Политические последствия его рыцарства... Он ведет армию в Испанию... И меняет судьбу этого королевства ... Битва при Наварете... Дю Гесклен в плену... Обращение с ним Черного принца... Выкуплен... Становится констеблем Франции ... Восстанавливает власть над французской монархией... Дружба по оружию между Дю Гесклином и Оливье де Клиссоном ... Смерть Дю Гесклена перед Рандоном ... Его характер ... Упадок рыцарства ... Доказательства этого ... Немного рыцарства во второй серии французских и английских войн ... Пажеские бои ... Дальнейший упадок рыцарства ... Злоупотребления при присвоении рыцарства ... Бургундия... Ее рыцарство ... Романтический характер бургундских турниров ... Последние отблески рыцарства во Франции ... Жизнь Баярда ... Франциск I. ... Угасание рыцарства.

Рыцарство в баронских замках.

Высокое положение Франции среди цивилизованных государств Европы в средние века определяет страну, на которую мы должны обратить внимание при прослеживании истории рыцарства. Каждый французский барон украшал свое дворянство рыцарской честью и был окружен отрядом кавалеров. Короли и даже королевы имели определенное число рыцарей, которые составляли их двор и принимали их жалованье; а возложение королевских почестей на других людей, кроме обладателей простого богатства или звания, имело мощный эффект в продвижении добродетелей, какими бы они ни были, в то время. Заслуги не считались наследственными, а личный характер рыцарства стал сдерживать исключительность аристократической гордыни[139].

Моральное влияние рыцарского кодекса, поддерживающего справедливость и распространяющего мягкость нравов, не очень заметно в ранние века Франции; ведь летописцы тех времен в основном отмечают общие политические обстоятельства: упадок

дома Карла Великого, установление феодальной аристократии и возвышение новой монархии под влиянием духа и амбиций Хью Капета.

Рыцарство пострадало от религиозных войн.

В одиннадцатом веке рыцарство стало отличительной чертой национального характера Франции, так как в это время начались крестовые походы, и Франция, прежде всех других стран Запада, находилась под влиянием их духа. Поскольку каждый рыцарь давал обет поддерживать церковь, он с готовностью становился солдатом в тех войнах, которые духовенство объявляло необходимыми для благополучия религии. Святая Земля представляла собой благородное поле для проявления его добродетели: любовь к приключениям можно было удовлетворить долгим и утомительным путешествием; и если берега Палестины пили его кровь, то вместо лавров победителя он получал мученический венец.

Благотворное влияние поэзии и романтики.

Меч кавалериста слишком часто доставался церкви, а во время преследования альбигойцев рыцарство Франции забыло все великодушие и милосердие своего ордена. Но хотя крестовые походы против свирепых турок и заблудших христиан отняли у рыцарства большую часть его изящества и красоты, восстановительная сила была найдена в любви к поэзии и романтике, которая на протяжении нескольких веков распространялась по всему миру. Человеческая природа в Европе, похоже, опустилась до самой низкой степени депрессии в то время, когда Римская империя переживала последние дни своего упадка. Мы превращаем наше восхищение классическими веками в суеверное идолопоклонство, когда утверждаем, что возрождение энергии человеческого интеллекта произошло в результате открытия нескольких греческих и латинских рукописей. Буря с севера в прежние времена была величайшим нравственным благословением, которое когда-либо знало человечество. Он сметал те институты, которые больше не поддерживались добродетелью и гением; а заселение готских королевств стало началом новой славы мира. Преемники римлян не были полностью заняты ожесточенной борьбой амбиций. На Европу был наложен отпечаток нового интеллекта, дикого, как природа до того, как ее приручили к искусственному обществу, но богатого, энергичного и прекрасного. По мере того как новые государства Запада обретали твердую и прочную форму, как постепенно проявлялась тенденция человеческой природы к совершенствованию, интеллектуальный талант все больше и больше ценился. Если в XII веке равнины Европы были покрыты вооруженными рыцарями, замки были заполнены поэтами, воспевавшими радости войны и любви; и хотя отважные походы Карла Великого и его паладинов против сарацин были темой многих песен менестрелей и способствовали религиозным войнам, те же романтические рифмоплеты описывали другие обязанности рыцарского характера и ставили рыцарскую мягкость и галантность на высшую ступень рыцарской добродетели. То, что из-за собственной порочности или в угоду страстям своих господ они часто были грубы в своих описаниях и развратны в своей морали, - обстоятельства достаточно правдивые; но все же общая тенденция поэзии и романтики рыцарских веков была направлена на улучшение нравов того времени. Справедливость к угнетенным, помощь женщинам в беде - такова была ноша многих древних песен; и когда они звучали под арфу менестреля в баронском зале, это отвлекало разум феодального дворянина от тех кровавых деяний, которые суеверные люди объявляли единственной обязанностью рыцаря.

Рыцарский блеск XIV века.

Рыцарские забавы помогали романтикам сглаживать суровый облик войны; ведь турниры становились все более и более национальным развлечением по мере того, как мир выбирался из мрака варварства. Крестовые походы завершились в тринадцатом веке, и в последующую эпоху тот прекрасный рыцарский дух, который был подавлен походами в Палестину, засиял с незамутненным блеском. Когда равнины Франции были одной огромной площадкой для французских и английских рыцарей, суровый фанатизм не выхватывал меча. В крестовых походах романтические стремления к женским улыбкам редко вдохновляли рыцарство героя, но в войнах Эдуарда III во Франции каждый кавалерист сражался за честь своей дамы-любовницы так же, как и за честолюбие своего короля. В те времена великий принцип рыцарства, товарищество рыцарей, в полной мере ощущался как побудительный мотив к действию. Поэтому кавалерист был вежлив с противником: он выжидал досуга и приветствовал другого, прежде чем положить копье в покой; он не требовал за пленника выкупа более тяжелого, чем могло дать его имущество; и ни в коем случае он не применял жестокости, выходящей за рамки необходимых на войне страданий. Проявление рыцарства было столь же блестящим, сколь благородным был его дух; и было очень красиво смотреть на знамена и штандарты, развевающиеся на ветру, на лошадей, запряженных в барды, на рыцарей и оруженосцев, богато вооруженных. Но поскольку в предыдущей главе я собрал наиболее яркие обстоятельства, касающиеся рыцарства тех времен, я перейду к следующей интересной странице рыцарской истории.

Бретань.

Она содержит жизнь героя, чья рыцарская храбрость оказала существенное влияние на судьбу французской монархии. К тому же он происходил из страны, полной романтических ассоциаций. Когда саксы завоевали Англию, многие из покоренных народов переправились через море во Францию и поселились в Британии: колония была столь многочисленна, что историки этой провинции полностью отделили ее от Англии. ^{140]} Древний язык этого острова, несомненно, был распространен в Арморике; и вся наша история и романтика были известны и почитаемы там так же хорошо и с такой же любовью, как в Уэльсе и Корнуолле, других местах обитания угнетенных бриттов. В последующие века и французские, и английские шевалье с уважением и почтением смотрели на Бретань, как на хранилище славы Артура и рыцарей Круглого стола, чья история была главным источником романтического вымысла.

Дю Гесклен.

И вот в XIV веке появляется кавалерист, достойный сломать копье с

"Сын Утера,
с рыцарями Британии и Арморики!".

Романтический характер его ранних лет.

Бертран дю Гесклен, бретонец, происходивший скорее из кроткой, чем из знатной семьи, был рыцарем, в котором чистым и ярким пламенем горела любовь к воинской славе. Он родился в замке Де ла Мотт де Броен, недалеко от Ренна, в Бретани, в 1320 году. Природа так мало украсила его внешность, что даже для пристрастного взгляда матери он казался скорее клоуном, чем джентльменом. Некоторый оттенок меланхолии в его натуре был принят за плохо сдерживаемую мрачность, а его склонность к молчаливости усугублялась пренебрежением и презрением. Он рос грубым, жестоким и угрюмым, а его родители не желали даже думать о том, чтобы воспитать его в рыцарском духе - заслуженном отличии старшего сына джентльмена. Но склонность ума Бертрана была непобедима, и он поощрял

ее, с энергией и упорством практикуя все мальчишеские упражнения, которые были верными зеркалами войны; он практиковал их и вопреки воле отца, который не переставал наказывать его, когда наблюдал любое проявление склонности его натуры. Он появился на турнире в Ренне в качестве неизвестного рыцаря и получил пальму первенства от кавалера, получившего регулярное образование. Теперь перед ним лежал путь к воинской славе. Вскоре после этого он поступил на службу к Карлу Блуа, который посвятил его в рыцари, и быстро отличился несколькими рыцарскими поступками.

Его рыцарское поведение в Ренне.

Город Ренн был блокирован герцогом Ланкастером с таким умением, что англичане ожидали капитуляции по своему усмотрению. В полной уверенности в успехе Ланкастер поклялся, что не покинет это место, пока не станет его хозяином. В этой неловкой ситуации один из горожан предложил пройти лагерь противника, обмануть герцога ложными сведениями и, наконец, сообщить Карлу Блуа об опасности, которая нависла над этим местом. С большим мастерством и твердостью он выполнил свое обещание. Он отправился в лагерь герцога и с поразительной *наивностью* изобразил бедственное положение осажденных, которые, по его словам, возлагали единственную надежду на безопасность на помощь французского войска, ожидаемого через два дня. Рассказу поверили, и пока герцог, спешно собрав лучших рыцарей, скакал навстречу, горожанину Ренна, с его простой и невоинственной внешностью, было позволено по своей воле пройти через лагерь. На некотором расстоянии от английской станции он встретил Бертрана дю Гесклена и рассказал о положении дел. В мгновение ока доблестный бретонский рыцарь принял решение и привел его в исполнение: он взмахнул вымпелом, и вокруг него собралось множество выносливых солдат. Они ворвались в английский лагерь и, продемонстрировав силу своего рыцарского духа, захватили большие запасы провизии и гордо прошествовали с ними в голодный город Ренн.

Вскоре после этого усталые и измученные англичане вернулись в свой лагерь. Удивленный разрушениями, которые были произведены в его отсутствие, герцог заинтересовался причиной; ему сказали, что имя рыцаря, который осуществил столь смелую меру, - Дю Гесклен. Ланкастер, как галантный кавалерист, мог восхищаться смелостью даже в противнике, и он послал в город герольда с просьбой показать ему человека, который так необычно отличился.

Соответственно, на следующее утро Дю Гесклен отправился в лагерь противника - его личная безопасность была обеспечена словом английского рыцарства. Его провели в палатку герцога, который принял его с безупречной вежливостью, на что рыцарь ответил заверениями, что он в его распоряжении во всем, что не противоречит службе его собственному вождю.

Затем герцог спросил имя своего господина, и Дю Гесклен ответил: Карл Блуаский, которому по праву принадлежало герцогство Бретань.

Английский рыцарь заметил: *"Мессир Бертран, до того, как вы назовете свое имя, он успеет сделать сто миллионов тесаков"*.

"Хорошо, - отвечал дю Гесклен, - если вы будете носить столько, сколько захотите, то те, кто останется, наденут другие мантии".

Эта реприза позабавила герцога, который, довольный воинственной откровенностью Дю Гесклена, пожелал взять его к себе на службу. Но он отклонил все его предложения и, сразившись в поединке с рыцарем, который мало думал о его доблести, вернулся в Ренн.

Приближалась зима - время года, более страшное для тех, кто находился снаружи, чем для тех, кто был в стенах. Дю Гесклен отразил все нападения, и Ланкастер отступил бы, если бы его честь не обязалась взять город. Находчивость Дю Гесклена помогла ему в этой сложной ситуации. Было решено, что Ланкастер должен войти в Ренн вооруженным, его штандарты должны быть установлены на стенах, и после этого, удовлетворив свою совесть, он должен снять осаду. Договор был добросовестно выполнен. Герцог вошел в Ренн, пробыл там несколько часов, а затем покинул его; едва он вышел из ворот, как горожане с презрением бросили его штандарты в ров. Это оскорбление глубоко ранило его; но, будучи честным человеком, соблюдающим свое слово, он не выдал своего негодования и не позволил своей армии отомстить за это оскорбление, нанесенное их вождю и их нации[141].

Галантность при Коштеле.

Вскоре после этого Дю Гесклен поступил на службу к Иоанну, королю Франции, со значительным отрядом бретонских рыцарей и оруженосцев, которых слава его рыцарства привлекла к его знаку. Он оставался королевским рыцарем до смерти короля в 1364 году, а затем стал солдатом его преемника Карла V. Перед коронацией этого монарха Дю Гесклен доказал, что достоин быть его кавалером, благодаря обстоятельству, которое также дало ему право на национальную признательность. Власть французов в Нормандии оспаривали некоторые лорды этого герцогства, которым помогали англичане и наваррцы. Наваррские войска столкнулись с французами у Коштеля, но вместо того, чтобы занять позицию на холме, они спустились на равнину, обманутые притворным отступлением Дю Гесклена. Тогда бретонец выстроил своих воинов; их неравенство с противником с лихвой компенсировалось мыслью, которую внушал им Дю Гесклен, что рыцарству Франции подобает украсить лаврами корону своего нового государя.

Лишь одно обстоятельство битвы заслуживает описания, и, по сути, это единственное вразумительное обстоятельство в этой феерии рыцарей. Тридцать гасконских джентльменов объединились в строгое братство, чтобы взять в плен Джона де Грайли, командира наваррцев. Поэтому, когда начался бой, они со щитами наперевес бросились в самую гущу толпы. Их отбили, но вскоре они возобновили атаку, и их доблесть в конце концов взяла верх: ведь наваррские рыцари не сформировались в отряд для защиты своего командира, и поэтому его личность была плохо защищена. Его пленение решило судьбу дня. Сражение при Коштеле примечательно не только тем, что оно украсило нового короля, но и тем, что оживило мужество французов, которые были подавлены постоянными поражениями в течение двух предыдущих царствований[142].

В том же году Дю Гесклен, с разрешения своего государя, помог своему бывшему другу, Шарлю де Блуа, утвердить его права на Бретань. Противником Карла был Иоанн де Маунтфор, и разрушительная война, казалось бы, была завершена Ландским миром. Но графиня Пенътьевр, супруга Карла, не желала поступиться своими правами, и ее слезы и упреки побудили его аннулировать договор. Война возобновилась; англичане перешли на сторону де Маунтфора, а французы - на сторону Карла. Битва при Орее решила исход дела. Карл Блуаский был убит; в свои последние минуты он сокрушался, что его амбиции стали роковыми для стольких храбрецов. Дю Гесклен попал в плен к оруженосцу сэра Джона Чандоса, командующего войсками де Маунтфора[143]: но он почти не почувствовал боли от заключения, так учтиво английский рыцарь выпроводил его.

Политические последствия его рыцарства.

Таково было состояние Дю Гесклена, когда Европа вновь стала ареной рыцарства; и ее судьбы находились под таким же влиянием его галантного духа, как за несколько лет до этого

они находились под влиянием тех рыцарей, которые нападали на французскую корону и защищали ее. Бретиньский мир положил конец противостоянию между Францией и Англией, и интересным пунктом политического рассмотрения стала Испания. Долгий курс угнетения и тирании отвратил от Петра, короля Кастилии, привязанность его народа и заклеил его имя эпитетом "жестокий". Его убийство дворян и братьев прошло бы незамеченным за пределами Испании; но он обагрил свои руки кровью своей жены, Бланш Бурбонской, которая была сестрой французской королевы. Это последнее преступление вызвало негодование Карла V, и рыцарская галантность его двора громко отозвалась на его чувства. Не хватало ни армии, ни предводителя, поскольку большая часть рыцарства Франции была убита в ходе последних войн. В тот момент Дю Гесклен рассматривался при дворе Франции как великий представитель рыцарства; его любовь к военным приключениям и стремление к высоким титулам подкрепили желание короля, чтобы он отомстил за смерть своей сестры. Эти рыцарские качества сформировали характер Дю Гесклена; ведь тот, кого природа наделила грубыми чертами, кто мало интересовался ложами любовников и дамскими туалетами, едва ли мог сочувствовать галантности французского двора. Если бы не героизм Дю Гесклена, предприятие погибло бы в зародыше. Франция была покрыта солдатами, распущенными наемниками последних войн. Карл V смотрел на них с подозрением; его власти не хватало, чтобы уничтожить их или даже наказать за нарушение мира своих подданных; и, каким бы искусным князем он ни был, он не сделал ни одной попытки мирно выдворить их из своих государств. Только настоящему военному гению они могли покориться, а Дю Гесклен, как никто другой из людей его эпохи, умел направлять их боевую энергию. Король выкупил его у Чандоса за сто тысяч франков^[144] и поручил ему командование предприятием. Дю Гесклен встретился с наемниками за столом карусели, и повод для празднества оказался благоприятным для изложения его замысла. Я не могу поверить, как некоторые писатели, что нерыцарское поведение Петра стимулировало героизм этих приключений. Среди них, конечно, было много солдат удачи, великодушных и благородных; такие люди сочувствовали бы добродетели; но большинство из них были простыми военными грубиянами, которые бросали вызов закону и были его позором. Обещание двухсот тысяч ливров от короля Франции стало приманкой для их предприимчивости, и мне нет нужды останавливаться на их надеждах на общий военный грабеж. Забавно наблюдать, как суеверие крепко держится за сердце человека; эти дерзкие мародеры заявили, что не смогут перейти Альпы, пока не получат от папы отпущение своих прежних грехов. Дю Гесклен пообещал им это сделать, и тогда радость солдат возобновилась, и они закричали, что верят в него больше, чем во всех епископов Франции или Авиньона.

Он ведет армию в Испанию,

и меняет судьбу этого королевства.

В этот город итальянских прелатов они направились после того, как были допущены в присутствие французского короля. Они поразили легата испуганного Папы, заявив, что им нужно отпущение грехов и двести тысяч ливров. Эти противоположные требования Его Святейшества благоразумно удовлетворил, и Дю Гесклен перешел Пиренеи, причем его солдаты теперь назывались Белыми Компаньонами, поскольку носили на плечах белый крест, свидетельствующий о том, что они взяли за оружие только для того, чтобы отменить иудаизм и низложить Петра, который был предполагаемым его сторонником.^[145] Дю Гесклена сопровождали в Испанию многие знатные испанцы, которых жестокости Петра некоторое время назад изгнали из их собственной страны. Среди них был Генрих Трастамаррский, сын Леоноры де Гусман, любовницы отца Петра. Надежды Кастилии теперь

были направлены на Генриха; ведь любой недостаток в законности его титула с лихвой восполнялся его талантами и добродетелями. Дю Гесклен поддержал общее чувство времени: он сместил короля с трона и усадил на него Генриха.

Свергнутый монарх бежал в Корунну, сел с тремя дочерьми на первый же корабль, которым тень его бывшего могущества позволила ему командовать, и отплыл в Байонну. Он знал, что Черный принц находится в Бурдо, и поспешил изложить ему свои обиды. Эдуард, узнав о его намерении и решив оказать ему честь, вышел из города в сопровождении множества рыцарей и оруженосцев, вышел навстречу королю и оказал ему великое почтение как словом, так и делом. После того как принц хорошенько его попотчевал, они вместе поехали Бурдо, причем Эдуард, как учтивый рыцарь, уступал своему другу право, или сторону чести. Когда они достигли города, короля провели в прекрасные покои, приготовленные для него; сменив испачканное платье на великолепную мантию, он отправился к принцессе и дамам, которые приняли его весьма учтиво[146].

Но не так уж много уговоров потребовалось, прежде чем Эдуард пообещал приложить все усилия своего рыцарства, чтобы вернуть его на трон. Права законности были его предлогом, ибо он сказал, что "не подобает бастарду владеть королевством в наследство и изгонять своего брата, законного наследника земли, из его собственного королевства; чего все короли и сыновья королей ни в коем случае не должны ни терпеть, ни соглашаться на это, ибо это большой ущерб королевскому государству". Принц, как говорит Фруассар, был тогда в пышном цвету своей юности; он никогда не уставал и не удовлетворялся войной, с самого начала, когда взял в руки оружие, но всегда намеревался совершить высокие рыцарские подвиги.[147] "Народ Испании, - замечает Фруассар в другом месте, - очень дивился намерениям принца, и было много разговоров об этом. Некоторые говорили, что принц взялся за это предприятие из гордости и самонадеянности и, в некотором роде, был разгневан честью, которую сэра Бертран Дю Гесклин получил, завоевав королевство Кастилия от имени короля Генриха, которого он сделал королем"[148] И если принципы человеческой природы и рыцарства все еще должны оставлять какие-либо сомнения относительно мотивов Эдуарда, то его обращение с Дю Гесклином, когда благородный бретонец стал его пленником, устранил любую неясность.

Его совет тщетно пытался отговорить его от задуманного, хотя эти добрые и мудрые лорды с богатым воображением ратовали за справедливость. "Сэр, - говорили они, - вы не раз слышали, как говорят, что тот, кто охватывает слишком много, держится слабее. Истинно, что вы - один из принцев мира, наиболее восхваляемых, почитаемых и редуцированных, и владеете по эту сторону моря великими землями и сеньориями, слава Богу, в добром покое и мире. Нет ни одного короля, ни ближнего, ни дальнего, который в это время осмелился бы вам досадить; так славьтесь вы добрым рыцарством, милостью и удачей. Поэтому вам следует довольствоваться тем, что у вас есть, и не стремиться нажить себе врагов. Сэр, мы говорим это не со зла. Нам хорошо известно, что король, дон Петр Кастильский, который ныне изгнан из своего королевства, - человек высокого ума, праведно жестокий и полный злобы; ибо им было совершено много злых дел в королевстве Кастилия; из-за него многие доблестные люди потеряли голову и были жестоко убиты, без всякой причины; и вот за свои злодейские деяния он ныне изгнан из своего королевства: и, кроме того, он враг церкви и проклят нашим святым отцом, папой римским. Он слывет, и уже не первый сезон, тираном; и, не имея ни малейшего повода, он всегда ожесточал и враждовал со своими соседями, королем Арагонским и королем Наваррским, и хотел бы лишить их наследства по праву рождения; а также, как гласит молва по всему его королевству, он заставляет умереть свою жену, вашу кузину, дочь герцога Бурбонского. Поэтому, сударь, вам следует думать и

считать, что все это, что он сейчас терпит, - розги и удары Божьи, посланные, чтобы наказать его и дать пример всем другим христианским королям и принцам, чтобы они остерегались поступать не так, как он".

Таковы были советы гасконских и английских рыцарей, сопровождавших Эдуарда; но его решение было принято, и он готовился к войне. Он привлек из Белых компаний тех из своих доблестных сеньоров, которые за неимением другой челяди присоединились к Дю Гесклину; а в Англии, когда стало известно о его замысле, все юное рыцарство воспыало желанием присоединиться к герою Кресси и Пуатье.

Битва при Наварете, 3 апреля. 1367.

Дю Гесклен в плену.

Он начал свой поход с тридцатью тысячами солдат. Когда они проходили через долину Ронсесваль, была зима, и, пока снег летел им в лицо, они поднимали себе настроение песнями, в которых муза-менестрель воспевала подвиги паладинов Карла Великого. В Пампелуне их поход был облегчен королем Наварры, чью помощь они приобрели, а принц Уэльский отправился в Кастилию. Битва при Наварете решила исход поединка. Простолюдины Испании, составлявшие первые ряды Генриха, так храбро сражались со своими пращами, что англичане были сильно обеспокоены; но лучники Эдуарда исправно натягивали луки и вскоре усмирили их ярость. На стороне Генриха было более ста тысяч человек в упряжке из Кастилии, Португалии и других государств; они хорошо и по-рыцарски поддерживали его дело. Постепенно силы Эдуарда одержали верх, хотя войска короля Генриха сражались доблестно, ибо, посадив его на трон, они считали своим долгом сражаться за него до конца. Битва, во всем ее шуме и грохоте, происходила между войсками Дю Гесклена и войсками сэра Джона Чандоса. Благородный бретонец был взят в плен, и англичане остались хозяевами поля. Дон Педро был восстановлен на троне, а Эдуард несколько искупил свое прежнее поведение, склонив короля к всеобщему помилованию и амнистии. Неблагодарность Педро была следствием усилий Черного принца в его пользу, и мне нет нужды останавливаться на столь естественном обстоятельстве^[149].

Чтобы снабдить свои войска теми недоимками по жалованью, которые должен был удовлетворить Петр, Эдуард был вынужден обложить налогом владения англичан во Франции. Между народом Англии и французами долгое время существовала ревность: между ними не было общности идей и нравов, а принцип повиновения более естественно ложился на француза, чем на английского государя. В поведении Черного принца не было ничего от учтивого и мягкого рыцаря: его надменность лишила его многих друзей; а его невежливость, когда он отдал все государственные должности в Гаскони и Аквите англичанам, вызывала горькие жалобы и негодование лордов этих стран, которые погибли, потеряв свои поместья, ради его дела.

С другой стороны, англичане не отставали в упреках в адрес гасконцев. Некоторые английские рыцари как-то сказали Черному принцу, что он мало понимает ум этих людей и то, насколько они горды. "Они не любят нас и никогда не любили", - продолжали эти советники. "Сэр, помните ли вы, как высоко и сильно они ополчились против вас в городе Бурдо, когда король Франции Иоанн был впервые доставлен туда? Они говорили тогда и утверждали прямо, что только с их помощью вы добились захвата короля; и это вполне обоснованно, ибо вы были в большом договоре с ними в течение четырех месяцев, прежде чем они согласились, чтобы французский король был доставлен в Англию. Сначала вы должны были удовлетворить их умы, чтобы удержать их в любви"^[150]. Попытка Эдуарда

взять на себя налогообложение вызвала гневные чувства его подданных и стала главной и непосредственной причиной их восстания против французского короля.

Обращение с ним Черного принца.

Эдуард продержал Дю Гесклена в тюрьме дольше, чем это было возможно в соответствии с чувствами великодушия, которые обычно согревали грудь нежного рыцаря. Однако Эдуард мог с точностью указать взаимные обязанности завоевателя и пленника: первый не должен требовать слишком большую сумму, а второй не должен пытаться бежать, не заплатив выкуп. Один кавалерист, пользуясь свободой праздничного часа, прокомментировал это замечание, сказав, что весь мир упрекает его за суровость по отношению к одному из пленников. Это замечание задело чувство чести Эдуарда, и он вызвал к себе Дю Гесклена. Герой предстал перед ним, одетый в грубую тюремную одежду, и в ответ на неосторожную шутку принца по поводу грубости его внешнего вида сказал, что завоевателю будет угодно, когда его оденут получше; что некоторое время его спутниками были только крысы и мыши, и, как он добавил с трогательной простотой, "даже песни птиц мне были чужды".

Выкуплен.

Эдуард предложил ему свободу при условии, что он поклянется не воевать в пользу Франции или Генриха Трастамаррского, претендента на испанский престол. Дю Гесклен не мог с честью выполнить эти условия, и Эдуард, уязвленный воспоминаниями о том, что мир осудил его храбрость и великодушие, заявил, что, чтобы показать, что он не боится никого, Дю Гесклену будет возвращена свобода при уплате надлежащего выкупа. Тогда благородный Бретон потребовал отпустить его на поруки, чтобы он мог получить необходимую сумму. Эдуард, тронутый его пылким поведением, вновь проявил все свои великодушные и рыцарские чувства и заявил, что Дю Гесклен должен сам назвать свой выкуп; вместо десяти или двадцати тысяч ливров пленный герой с гордостью назвал шестьдесят тысяч флоринов. Принц был поражен его самонадеянностью и спросил, за счет чего он может заплатить такую большую сумму. "Короли Франции и Кастилии, - ответил он, - мои друзья и никогда не подведут меня в случае необходимости. Я знаю сотню рыцарей Бретани, которые продали бы свои владения ради моего освобождения; и нет во Франции женщины, сидящей за своей прялкой, которая не потрудилась бы своими руками, чтобы выкупить меня у вас". После этого Дю Гесклен был освобожден под честное слово, и люди с любопытством и уважением смотрели на человека, который так благородно чувствовал собственное достоинство[151].

Стал коннетаблем Франции.

Это освобождение произошло в 1368 году, и бретонец сразу же поступил на службу к Генриху Трастамаррскому. Петр возобновил свои жестокости, когда Черный принц усадил его на трон, и его тирания вновь спровоцировала кастильцев на восстание. Власть Генриха постепенно росла, и как только Дю Гесклен со своими гасконцами вышел на поле боя, он снова стал королем. Вскоре после этого наш рыцарь был отозван Карлом V во Францию и поставлен во главе рыцарства под титулом коннетабля. Он въехал в Париж под всеобщие аплодисменты, народ приветствовал его криками, которые до сих пор были уделом королей. Он отправился ко двору, где король в присутствии своих вельмож объявил, что выбрал его командовать своими войсками, и поэтому дал ему меч коннетабля. Тогда Дю Гесклен, со скромностью истинного рыцаря, умолял своего государя удостоить этого сана кого-нибудь, кто был бы более достоин его, чем он сам. Но Карл заявил, что во Франции нет ни одного рыцаря, который бы не признавал высшего преклонения Дю Гесклена, и потому повелел ему

принять эту должность. Дю Гесклен уступил, но, опасаясь парижских придворных больше, чем врагов своей страны, умолял короля не верить никаким рассказам, которые могут быть распространены в его пользу, не выслушав предварительно его защиту[152].

Восстановление власти французской монархии.

Соратники по оружию Дю Гесклен и Оливье де Клиссон.

Теперь Дю Гесклен приступил к осуществлению высокой цели - возвращению короне Франции тех провинций, которые галантность Черного принца отвоевала у нее. Карл не мог дать ему много войска; но благородный рыцарь продал свои поместья, чтобы набрать воинов, а его жена рассталась с украшениями своего положения, чтобы приобрести копьё и сбрую. Вскоре его окружили четыре тысячи солдат. Они были собраны в основном в Нормандии, а местом их встречи был Кан. Дю Гесклен придал своему предприятию рыцарский оттенок, введя в обиход братство по оружию. В качестве брата он выбрал Оливье де Клиссона, или Дю Гесклена, рыцаря, чье имя с честью упоминается во всех великих сражениях того времени. Эти два бретонских кавалера подписали в Понтуазоне акт о своем братстве, по которому они обязались защищать имущество, жизнь и честь друг друга[153].

Затем Дю Гесклен обрушился на англичан в Понтуалене с громовой силой: большинство из них было взято в плен, а сэр Роберт Ноулз, их предводитель, бежал в Бретань и скрыл свою голову от стыда, до конца своих дней прожив в замке Дерваль.[Черный принц находился тогда в Бурдо, ослабленный болезнью: он истощил свое тело во время полуостровной войны, ибо климат Испании в те времена не был столь благоприятен для здоровья англичан, как в более поздние времена. Вместо того чтобы надеть доспехи и продемонстрировать свое рыцарство, у Эдуарда едва хватило сил последовать совету своих пиявок и вернуться в Англию. Он оставил герцога Ланкастера, чтобы тот уберечь английское владычество во Франции от полного разорения.]

1371 год был пустым в рыцарской истории Дю Гесклена, но следующей весной он продолжил попытки подчинить себе Пуату. Многие города были разграблены, а отвращение, с которым к жестокостям Оливье де Клиссона отнеслась его собственная армия, позволяет предположить, что бесчеловечность не была всеобщей. В конце 1372 года Пуату был полностью покорен. В следующем году Дю Гесклен продолжил свои завоевания, и Гиенна стала предметом его побед. Герцог Ланкастерский стал преемником власти, но не рыцарства Черного принца; а де Маунтфор, которого Эдуард послал во Францию как противника Дю Гесклена, не только ничего не вернул, но и потерял большую часть Бретани; таким образом, благодаря гению и удаче одного рыцарского героя, все яркие видения славы, созданные в пылом воображении наших Эдвардов, были разрушены, а Франция вернула себе место среди высших сил Европы.

Смерть Дю Гесклена перед Ранданом.

Его характер.

Дю Гесклен продолжал служить Карлу. Последние годы его жизни невозможно описать, настолько противоречивы его биографы. Некоторые утверждают, что клевета парижских придворных лишила его благосклонности Карла, и он потерял должность коннетабля. Как бы то ни было, несомненно, что в 1380 году он командовал французскими войсками в Оверни и отправился осаждать Рандан, маленькую крепость в нескольких лигах от Мендеса, в Говандау, между истоками Лота и Аллейра. Это место, до того малоизвестное, сразу же вошло в историю Франции благодаря гибели, которую понес перед его стенами один из ее

лучших рыцарей. Дю Гесклен, который, согласно рыцарскому обычаю, поклялся не ножны своего меча, пока поднимается вражеское копье, энергично вел осаду, когда на него напал недуг, который вскоре оказался смертельным. Он встретил приближение смерти с христианской неустрашимостью и умер, увещевая рыцарей вокруг своей постели в преданности Богу, верности королю и милосердии к тем, кто был объектом войны. Он хотел быть похороненным в Динане, в Бретани, но король повелел, чтобы местом его погребения стало аббатство Сент-Дени^[155]; и в знак доброты и благодарности он позаботился о том, чтобы над могилой всегда горела лампада, дабы потомки никогда не утратили память о его великих деяниях.^[156] Эпитафия, в силу своей простоты, заслуживает упоминания. "Ici gist noble homme Messire Bertrand du Guesclin, Comte de Longueville, et Connétable de France, qui trepassa au chastel neuf de Randan en Gisaudan, en la Sénéchaussée de Beauncaire, le 13 jour de Juillet, 1380. Priez Dieu pour lui."^[157]

Такова была жизнь простого бретонского дворянина, который, не имея ни родовых достоинств, ни влиятельного покровителя, но лишь благодаря своему хорошему мечу, вознес себя до самого высокого ранга во французской нации, и это был один из многочисленных случаев в Средние века, когда личные рыцарские заслуги были более полезны, чем наследственное право аристократии. Во многих основных чертах рыцарства, в возвышенной смелости, мужестве и великодушии он был таким же прекрасным кавалером, как английские Чандосы и Манни; но в нем не было той галантной грации, которая отличала героев Эдуарда III, этого баловня французского рыцарства. Он настолько осознавал свою скромность, что никогда не культивировал приятные рыцарские качества; но его скромность не осталась незамеченной^[158]: ведь дамы Бретани были так глубоко погружены в романтику своей страны, что любили только мужчин, прославившихся боевыми подвигами. Дю Гесклен был дважды женат: о первой из его жен ничего не известно; вторая, как говорят, была женщиной красивой, удачливой и остроумной. Она была наследницей Бретани, и Карл Блуа способствовал этому союзу, надеясь пристроить его к своему двору. Ее репутация прорицательницы была весьма обширной, и, когда ее предсказание об успехе в одном из сражений подтвердилось, ее тщеславие стало интересоваться его судьба. У нее были дни удачи и неудачи, и если историки верно написали его летопись, то Бертран часто раскаивался, как солдат и как муж, когда не слушал ее советов^[159].

Упадок рыцарства.

Доказательства этого.

История Франции после этих обстоятельств была борьбой между правящими силами и народом за право налогообложения. Гражданские войны, опустошившие Францию и Фландрию в результате этого спора, не носили рыцарского характера, ибо монархическая и аристократическая надменность не позволяла считать своими товарищами по оружию тех, кого они называли *rascal-rout*, то есть низкороджденный сброд. Только войны честолубия были украшены и смягчены рыцарским великодушием; и потому все было в крови, ужасе и смятении, когда Орлеанский и Бургундский дома отвлекали Францию своей враждой. Страницы Монстреле, летописца событий, о которых я упоминал, составляют мрачный контраст с великолепными сценами Фруассара. Поле, действительно, продолжает сверкать копьями, знамена и вымпелы развеваются на ветру, но дух чести и вежливости больше не витает над ними, и падающий солдат тщетно просит о пощаде. Рыцари создавались до и после сражений: проводились турниры, поединки и другие великолепные зрелища; и по мере того как рыцарская сущность приходила в упадок, ее блеск, казалось, становился все

ярче. Случай, произошедший в Льеже в 1408 году, показывает, как велись военные действия, когда рыцарство угасало. Иоанн герцог Бургундский, Иоанн Баварский, владыки Хайно и Оранжа и другие принцы явились с оружием в руках, чтобы поддержать епископа Льежа, шурина герцога Баварского, которого льежцы изгнали из города. Вместо того чтобы последовать совету нового епископа и его отца, лорда де Пьер-Вве, остаться в стенах и измотать врага оборонительной войной, льежцы, когда колокола города возвестили о наступлении рассвета, покинули свои укрепления, решив дать бой хорошо оснащенным рядам бургундцев. Их было пятьдесят тысяч, но за исключением нескольких артиллерийских орудий, пяти-шести сотен человек, вооруженных как кавалерия, и нескольких десятков английских лучников, они представляли собой беспорядочное население города. Их уверенность в успехе была возвышена до безумия, и когда настал час битвы, они не позволили своему номинальному лидеру, лорду Пир-вельфу, принять какие-либо меры благоразумия. Любопытно отметить разницу в характерах двух партий. У льежцев была дикая неистовая храбрость, вызванная тем, что они сражались за свою жизнь и свободу. У их противников не было такого глубокого энтузиазма: они шли в бой спортивно, как на поединок, а их командиры весело увещевали своих воинов вести себя галантно против врага, грубого и невежественного народа, восставшего против своего господина и уверенно полагавшегося на свое превосходство в численности для достижения успеха. "Если воины Бургундии, - заключали боевые ораторы, - с рыцарской отвагой бросятся в бой, победа будет за ними, и они обретут вечную честь".

Пушки льежцев не сдержали натиска рыцарства; и хотя мещане стойко и мужественно выдержали ближний бой, все же благоразумие их генерала подтвердилось: они не могли оказать действенного сопротивления дворянам и джентльменам, обученным войне и вооруженным до зубов. После часовой схватки, когда на линию льежцев с тыла напал конный отряд, шесть тысяч из них бросили строй и бежали к деревне, расположенной в полулиге от поля боя. Конница несколько раз атаковала их, избивая и убивая без пощады. Основная масса льежцев оставалась непокоренной, и в течение получаса стоял страшный шум военных криков; бургундцы и гайнольцы кричали под своими знаменами: "Богородица за Бургундию!" "Богоматерь за Гайно!", а льежцы оглашали воздух кличем "Святой Ламберт за Пьер-Вев!". Конный отряд вернулся, обрушился на тыл льежцев и пробил его насквозь: была устроена большая резня, ибо никто не был допущен к выкупу. Возле знамени герцога Бургундского, где конфликт разгорелся с наибольшим ожесточением, пали лорд Пьер-Вев и два его сына (один из них был новым епископом), и никакие соображения рыцарского достоинства или религиозной профессии не спасли их от смерти. Хладнокровие герцога Бургундского вызывает похвалу историка, и нет необходимости извиняться за его поведение, когда на вопрос после поражения, не следует ли прекратить убивать сеньоров, он ответил: "Пусть они умрут все вместе; пусть не будет пленных; пусть не будет выкупа"[160].

В таком духе велась война там, где не чувствовалось гуманизирующего влияния рыцарства; и я не буду пытаться подробно описывать более ужасные преступления, связанные с разграблением городов.

Мало рыцарства во второй великой серии французских и английских войн.

В короткой войне между Францией и Англией в царствование нашего Генриха V. в поведении французов нельзя отметить ничего особенно рыцарского. Вторая великая серия наших войн с Францией, хотя и не отличается рыцарским великолепием, не лишена рыцарского интереса. Франция редко могла похвастаться более храбрыми кавалерами, чем Дюнуа,

Лахир и шевалье Потон де Сентрайль. Во время памятной осады Орлеана по просьбе англичан рождественские празднества приостановили ужасы войны, и Рождество Спасителя отмечалось под звуки военной музыки. Тальбот, Саффолк и другие украшение английского рыцарства преподнесли фрукты искушенному Дюнуа, который уступил им в любезности, подарив Саффолку черный плюш, который он пожелал получить в качестве подкладки для своего платья на зимний сезон. Пылкие рыцари одной стороны бросили вызов проворным рыцарям другой, как это делали их предшественники в рыцарском искусстве. Однако следует заметить, что эти поединки проводились не в честь дам, а в вызове всегда говорилось, что если среди соперников есть рыцарь, настолько великодушный и любящий свою страну, что готов сражаться в ее защиту, то ему предлагается представить себя.

Бои пажей.

История донесла до нас одно обстоятельство, которое интересно тем, что знаменует собой изменение нравов сопровождающих кавалеров лиц. Мы видели, что в ранние времена у каждого рыцаря был свой оруженосец, который подавал оружие своему господину и часто сам участвовал в сражении. Теперь у рыцаря был только его паж, который застегивал его доспехи и оказывал подобные услуги; и вместо щедрого подражания предприятиям кавалеров, между стриптизерами двух армий проводились шуточные бои. У каждой стороны был свой лидер и свой штандарт. Их щиты были сделаны из веток осины, а копья затуплены. В первый день преимущество было на стороне французов, но на второй английская молодежь снесла штандарт своих противников, и слава победителя осталась за ними[161].

Дальнейший упадок рыцарства.

После этого национального поединка рыцарство во Франции продолжало угасать. В результате гражданских войн страна превратилась во всеобщий погром и беззаконие, и народ обращался к королю за защитой. Дворяне были настолько истощены войнами с Англией, что заявили о своей неспособности вывести на поле боя обычное число рыцарей; поэтому они просили освободить их от воинской повинности. Карл охотно удовлетворил это прошение, и не было никаких возражений против создания им войска, которое он мог бы использовать либо против самих баронов, либо против врагов нации. Значение наемников росло со времен правления Филиппа Августа, когда они были впервые введены; ведь старые сборы феодалов и вассалов во Франции, как и в Англии, были признаны недостаточными для великих целей войны. Но новые отряды жалующихся авантюристов никогда не были важной частью французских вооруженных сил, поскольку короли не могли платить за многих из них, а эти наемные солдаты обычно были пехотой или легковооруженными конниками, которые не могли соперничать на поле боя с облаченными в кольчуги рыцарями и оруженосцами. Национальные чувства благоприветствовали конституционному сбору, и короли старались сделать рыцарство страны достаточно полезным, увеличивая время его службы. Людовик Святой увеличил срок военной службы с сорока дней до двух месяцев, а Филипп Красивый удвоил время, определенное Людовиком Святым.

Злоупотребления при присвоении рыцарского звания.

Таково было положение дел во Франции, когда в 1444 году Карл учредил пятнадцать кавалерийских рот. Каждая рота состояла из ста копий, и у каждого из этих воинов были свои лучники, кутильер или солдат, чье оружие для нападения напоминало скорее нож, чем меч, и его личный помощник - паж. Каждый из этих последователей служил верхом на лошади, и все войско насчитывало девять тысяч кавалеристов. Предполагалось, что это будет постоянное учреждение, и было понятно, что солдаты должны оплачиваться из

государственных средств и не должны, как наемники прежних времен, существовать за счет грабежа. Эти ордонансные роты всегда считались основой французской постоянной армии. На этом, собственно, и заканчивается публичная военная история рыцарства во Франции. Новые солдаты были стипендиатами, а не кавалерами: они не получили рыцарского образования, не прошли через ряды пажей и оруженосцев; и, не будучи обязательно кавалерами по имени или оружию, их поступки не могли быть похожи на те, что вытекали из присяги кавалера. Эта новая военная сила заставила феодалов короны больше не брать с собой на войну своих вассалов, за исключением некоторых крайних случаев, когда призывался *arriere ban*, и тогда их появление было лишь слабым подобием древнего рыцарства. Таким образом, использование знамен и вымпелов прекратилось, а вместе с ними и великие различия баннеретов и рыцарей, потому что эти титулы больше не давали чести и командования.^[162] Рыцарский титул потерял свой военный характер; и вместо того, чтобы дароваться с религиозной торжественностью, после долгого и мучительного обучения, он часто давался очень молодым людям без какой-либо боевой подготовки, когда они впервые выходили из замков своих отцов на оживленные сцены жизни. Было и еще одно обстоятельство, омрачавшее славу рыцарства, - присвоение этого титула лицам, не принадлежавшим к военному сословию. Точное время, когда произошло это нововведение в рыцарстве, установить невозможно, и я не хочу утомлять своих читателей бесполезными антикварными изысканиями. Рыцари закона, в отличие от рыцарей оружия, были известны в XIII веке; а когда духовенство, выполнявшее судебные функции, начало принимать военные титулы (что они делали из своего духа поглощения всего, что было почетным), дело вскоре превратилось в обычай: юристы требовали привилегии носить золото и во всех отношениях утверждали равенство закона с рыцарством страны.^[163] Постепенно рыцарский титул стал применяться к людям, отличавшимся ученостью или талантами, или к тем, кто по менее почетным причинам был благодетельствован королем. Такое применение рыцарских почестей к лицам, не принадлежавшим к рыцарскому ордену, вызывало ревнивые и злобные взгляды военных рыцарей, которых не устраивало то внимание, с которым к ним относились, когда другие слои общества копировали их титулы и сияли отблесками воинской славы. Их свирепые умы не испытывали уважительного сочувствия к литературным и интеллектуальным вершителям правосудия, и они желали, чтобы копье рыцаря-изгнанника оставалось единственным прибежищем обиженных. В результате рыцарский титул стал мало цениться, и в истории Франции вплоть до XV века мы редко читаем о присвоении рыцарского ордена воинам на поле боя.

Рыцарство пришло в упадок во Франции еще до того, как порох стал главным орудием смерти. Хотя артиллерия была известна уже в битве при Кресси, она не сразу вошла во всеобщее употребление. В последней половине XIV века французы использовали ее при осадах, а иногда и в полевых условиях. Но все же, когда Карл VII учредил уже упомянутые ордонансные роты, основу армии составляла кавалерия. Вскоре после этого французские армии стали состоять из пехоты; ведь солдаты Франции были наемниками, и их набирали из Швейцарии, страны, которая из-за своей бедности и горного рельефа не могла похвастаться большим количеством рыцарей и плюмажных коней.

В то время как рыцарство теряло свою боевую мощь во времена французской монархии, некоторые дворяне Франции сохраняли его в своих замках во всей его статности и изяществе. Но записи о тех временах столь скудны и несовершенны, что ничего, кроме общих сведений о рыцарстве, узнать невозможно.

Бургундия.

Ее рыцарство.

Летописи Бургундии несколько более удовлетворительны. Герцоги Бургундии стали государями Фландрии и наложили на эту страну отпечаток рыцарства и романтики. Турниры, поединки и другие рыцарские зрелища украшали богатство фламандских городов в то время, когда торговые города Италии отличались классической элегантностью и вкусом. Двор герцогов Бургундских пользовался такой славой благодаря возвышенной смелости и галантному изяществу рыцарских походов, что, когда Константинополь пал под мусульманским игом, сердца благородных бургундских рыцарей вспыхнули смелым и благочестивым желанием вернуть метрополию восточного христианства. Желание это погибло, так как не было поддержано другими державами Европы; и Бургундия, лишенная надежды возглавить копьё Запада в деле, столь достойном их, интересна в истории рыцарства лишь своей изящностью и великолепием. Представлять читателю подробные описания всех ее боевых игр было бы утомительно и невыгодно; но одна из них представляет значительный интерес, поскольку демонстрирует весьма необычное состояние нравов и доказывает, что рыцарские романы и сказки часто были реальностью.

Романтика бургундских турниров.

В 1468 году сестра Эдуарда IV Английского вышла замуж за Карла, герцога Бургундского. Банкеты и балы, свидетельствовавшие о всеобщей радости, сменились боевым упражнением под названием "Проход через золотое дерево". Оно проводилось на рыночной площади Брюгге, которая по этому случаю сменила свой привычный вид на рыцарское веселье. Площадка была немощеная и посыпана песком, как королевский двор; вокруг были возведены галереи для приема дворян и дам из Бургундии и богатых купцов из Фландрии. Дверь в одном конце списков, украшенная золотым деревом, защищалась Бургундским бастардом, который сражался с теми кавалерами, которым, по разрешению дам, было позволено избавить рыцаря Золотого дерева от его эмпризы. В соответствии с юмором того времени многие рыцари появлялись в фантастических переодеваниях. Один рыцарь, правда, похотливый и молодой, подъехал к спискам в санях и все признаки немощи и возраста. Он попросил разрешения сразиться только один раз и заявил, что после этого удалится в какую-нибудь мирную келью и в набожности и покаянии забудет о суетных удовольствиях войны.

В другой раз дамам и девицам сообщили, что благородный рыцарь, желающий поединка, находится без списков; но он не предстанет перед дамами Бургундии, пока они не узнают его историю. Всю свою жизнь он любил одну даму из Славонии; и хотя она не совсем приняла его в качестве своего слуги, но все же вселяла в него надежду. Его душевные страдания из-за ее любви заслуживали сострадания; но она, забыв об этой женской добродетели и сохранив гордыню, не отнеслась к его преданности так, как она того заслуживала, и он, таким образом, в течение девяти месяцев, предшествовавших его появлению в Брюгге, жил среди скал и гор, предаваясь меланхолии. Однако когда дама узнала об этом неоспоримом доказательстве его страсти, она раскаялась в своей неблагодарности и послала к нему девицу-избавительницу, которая теперь была его проводником. Она умиротворяла его во время утомительного пути в Брюгге, рассказывая, что наслаждения любви можно достичь только трудом, желанием и страданиями, что боль придает наслаждению изюминку и что самое большое преступление против любви - это отчаяние. Дама вселила в него надежду; девица-избавительница посоветовала ему отправиться в рыцарский поход, чтобы развеять тоску; она же обещала сопровождать его, чтобы передать рассказ о его приключениях своей госпоже.

Дамы и девы Бургундии разрешили этому ревностному служителю любви попытаться совершить эмпирический переход через Золотое дерево. Перед ним в списках стояли трое мужчин, одетых как мавры, а за ними следовала дама, восседавшая на белом скакуне и одетая, по мнению людей, как девица-изгнанница. Она вела рыцаря, который сидел на кавале с копьем, а следом за ним шли четверо дворян, одетых в одежды Склавонии, с надписью "Le Chevalier Esclave" на одежде. Он сразился с рыцарем, который занял место бастарда Бургундского, но с какой степенью галантности, история умалчивает[164].

Последние отблески рыцарства во Франции.

Жизнь Баярда.

Теперь я возвращаюсь во Францию, чье рыцарство, даже в последние дни своего существования, представляет интерес; ибо если когда-либо яркая слава одного человека могла изменить нравы его эпохи, то рыцарь без страха и упрека возродил бы рыцарскую славу своей страны. Пьер Террайль, или Дю Террайль, известный под именем Баярд, родился в 1476 году в замке Баярд, в Дофине. Его семья принадлежала к древнему и знатному роду и могла похвастаться тем, что их предки сражались в битвах при Кресси и Пуатье. Его отец был так тяжело ранен на службе своей стране, что ушел из армии раньше обычного срока. Вечер своей жизни он провел в Дофине, занимаясь воспитанием своих детей, из которых Петр был единственным, кто стремился к военной славе. Его желания были благодарны отцу, а дядя, епископ Гренобля, обещал представить его герцогу Савойскому. В отцовском доме Петр Баярд усвоил некоторые обязанности пажа ранних рыцарских времен: подобно ему, он прислуживал отцу и его гостям за столом; кроме того, он приобрел замечательные навыки в верховой езде. Епископ отвез юношу в Шамбери, резиденцию герцога, и по тому, с каким изяществом он обслуживал своего дядю за обеденным столом и демонстрировал прекрасное владение лошадью, герцог отнесся к нему с добротой и определил его к себе на службу. Байярду было тогда около тринадцати лет. Через несколько месяцев после этого он стал сопровождающим короля Франции; герцог Савойский, предпочитая интересы Баярда своим собственным, хотел продвинуть свою судьбу. Карл VIII поместил его в дом синьора де Линьи, где он оставался до семнадцати лет, когда его призвали в класс кавалеров королевского двора. Помимо освоения военных упражнений своего времени, он услаждал свое воображение сказочными и романтическими историями: он был рыцарем по духу и целям, и теперь стремился завоевать расположение дам рыцарской доблестью. Через несколько дней после того, как он оставил должность пажа, он сломал копье в поединке с одним из самых выдающихся кавалеров того времени, и его слава разнеслась по всей Франции. Всю свою жизнь он оставался на службе у французских королей. Театром его действий была Италия; но, поскольку очень умелое перо недавно проследило революции в этой интересной стране[165], мне нет необходимости следовать за ним по всем его странствиям.

Однако те вопросы, которые отражают особенности его личного характера и демонстрируют оставшиеся рыцарские черты того времени, относятся к моей компетенции. В 1501 году он в одиночку выстоял на узком мосту против двухсот кавалеров, напавших на него. Именно тогда он получил от короля эмблему в виде дикобраза с надписью "*Vires agminis unus habet*". При взятии Брешии он получил опасную рану и некоторое время оставался в частном доме. Когда он собрался уходить, хозяйка пожелала подарить ему две тысячи пистолей в знак благодарности за то, что он сохранил ее честь и состояние; он принял деньги только для того, чтобы отдать их своим дочерям в качестве брачных долей. Его так высоко ценили, что

Шабанн, маршал Франции, Гумберкур и д'Обиньи, генералы, все более высокого ранга и более старой службы, чем Баярд, сражались по его приказу. Однако он так и не дослужился до высоких чинов. Наивысшим его достоинством было звание генерал-лейтенанта Дофине.

Но самая забавная история о Баярде связана с его галантностью. Когда он был пажом герцога Савойского, он полюбил одну из служанок герцогини; но страсть либо не была взаимной, либо не носила никакого романтического характера, так как через несколько лет после этого девица вышла замуж за сеньора де Флэксаса. Баярд встретил ее в доме вдовы своего первого хозяина, герцога Савойского. За ужином дама де Флэксас так расхваливала рыцарские турниры своего раннего поклонника, что он покраснел от скромности; и добавила, что, поскольку он теперь живет в семье, которая первой стала его лелеять, было бы большой виной, если бы он не проявил себя таким же галантным рыцарем, как и раньше. Ответ Баярда был ответом вежливого кавалера, ибо он попросил ее сказать ему, что он может сделать, чтобы порадовать доброе и почтенное собрание, его даму Савойскую и, прежде всего, ее прекрасную особу. Она посоветовала ему устроить турнир. "Воистину, - ответил Баярд, - все будет сделано так, как вы пожелаете. Вы - первая дама, чья красота и грация привлекли мое сердце. Я знаю, что мои приветствия вам могут быть только любезными, ибо я потерял бы свой труд, если бы стал добиваться вашей любви, и я скорее умру, чем совершу ваше бесчестие". Затем он попросил ее дать ему один из ее рукавов, так как, по его словам, он должен был понадобится ему на приближающемся турнире. Дама оторвала его от своего платья, и он прикрепил его к своему[166].

Боевая забава состоялась, и после ужина, который последовал за ней, было решено, кому отдать призы (рукав и рубин). Рыцари, дамы и даже те, кто участвовал в турнире вместе с ним, отдали их Баярду. Но он заявил, что эта честь не принадлежит ему, а если он и сделал что-то хорошее, то это сделала мадам де Флюксас, так как она подарила ему свой рукав. Поэтому он молил, чтобы ей было позволено поступать согласно ее суждению и благоразумию. Сеньор де Флэксас слишком хорошо знал благородный характер Баяра, чтобы не испытывать ревности из-за этого комплимента своей жене, но вместе с другими судьями турнира он немедленно отправился к ней и рассказал об этом. Она была в восторге от галантности Баярда и заявила, что, поскольку он оказал ей честь, признавшись, что благодаря ее рукаву он получил приз, она будет хранить его всю свою жизнь ради его любви. Рубин она отдала кавалеру, который следующим отличился перед Баярдом.

Так и жил рыцарь без страха и упрека до самого отступления французов из Италии в 1524 году, когда он был смертельно ранен камнем, выпущенным из аркебузы. Он упал с лошади, воскликнув: "Иисус, Спаситель мой, я умер!". Он поцеловал рукоять своего меча, и, поскольку в доме не было капеллана, исповедался своему оруженосцу, который по приказу рыцаря поставил его к дереву, повернув лицом к врагу, "потому что, - сказал Баярд, - поскольку я еще никогда не поворачивался спиной к врагу, я не стану делать этого в свои последние минуты". Он поручил своему оруженосцу передать королю, что единственное сожаление, которое он испытывает при расставании с жизнью, - это лишение возможности служить ему в дальнейшем. Бурбонский коннетабль, преследуя французов, застал его в таком состоянии и заверил, что сожалеет о его судьбе. Но Баярд ответил: "Не я нуждаюсь в жалости, а вы, которые носите оружие против своего короля, своей страны и своей клятвы". Весть о том, что он смертельно ранен, быстро распространилась и вызвала глубочайшую скорбь в умах обеих армий, ведь он был доблестным воином и великодушным противником. Через некоторое время его перенесли в палатку и положили на кровать. Его отпевал священник, и вскоре после этого он умер, с истинно христианским благочестием умоляя Бога и Спасителя простить его грехи и проявить милость, а не справедливость[167]. Его

похоронили в монастыре минимов, в полулиге от Гренобля, главного города его родной страны.

Франциск I.

В последние годы жизни его прекрасный и рыцарский дух нашел родственную душу во Франциске I, который, что примечательно, был единственным французским государем, наделенным хоть какой-то долей рыцарского характера. Ведь если Плантагенеты в Англии блистали рыцарским, а не королевским великолепием, то Капетинги во Франции не смогли представить короля, который бы проявил какие-либо способности, выходящие за рамки обычных качеств королевской власти. Доблесть, либеральность, прекрасный, открытый и мужественный лик и возвышенная форма короля были в полной мере присущи одному из паладинов Карла Великого. Его воображение было окрашено в яркие и живые тона романтики, и он так любил вспоминать о сказочной славе старины, что во многих спортивных моментах облачался в облик античного кавалера. Но на этом наш панегирик следует прекратить, ибо ни один рыцарь, подобно Франциску, не дал бы торжественного слова соблюдать договор и тут же его нарушил. Как бы некрасиво и некрасиво ни поступил Карл V, сурово обойдясь с Франциском в тюрьме, и хотя условия Мадридского договора были таковы, что ни один благородный победитель не стал бы их навязывать, все же обязательство, данное Франциском под честное слово, должно было восприниматься как священное. Благородный кавалер, Чандос или дю Гесклен, не пожелал бы получить свободу, подписав договор, который он намеревался нарушить, как только выйдет из тюрьмы. "Все потеряно, мадам, кроме нашей чести", - так писал французский король своей матери после битвы при Павии: великодушное, рыцарское выражение; и вряд ли можно было ожидать, что он окажется тем человеком, который отбросит эту честь.

Однако последний слабый отблеск солнца воинского рыцарства во Франции пал на Баярда и его государя Франциска; после битвы при Мариньяне в 1515 году, когда они вместе сражались против швейцарцев, король по собственной просьбе был посвящен кавалером в рыцари без страха и упрека. После похвалы Баярд обратился к своему мечу: "Конечно, мой добрый меч, впредь ты будешь почитаться как драгоценная реликвия и никогда не будешь выниматься, кроме как против турок, мавров и сарацинов". Затем он дважды подпрыгнул от радости и вложил свое верное оружие в ножны^[168].

Вскоре после дней Франциска I рыцарский титул стал пустым названием: он сохранился как украшение дворянства и юристов; из уважения к древней славе своего народа короли получали его при крещении.^[169] Монлюк, человек крови, был последним французским солдатом, получившим его на поле боя. Его наградил герцог д'Ангиен после сражения при Серисоле в 1544 году.

Отмена турниров.

Исчезновение рыцарства.

Рыцарские развлечения вскоре были упразднены. Случайная смерть Генриха II на турнире^[170] в 1559 году отвратила народ от рыцарских состязаний; а когда в следующем году принц Генрих де Бурбон Монпансье был убит из-за того, что его лошадь упала под ним, когда он кружил по спискам, турниры прекратились навсегда; и с их отменой, как говорит Вольтер, во Франции исчез древний дух рыцарства; ибо эта страна после смерти Генриха II..., погрузилась в фанатизм и была опустошена религиозными войнами. Дух не пережил рыцарских форм, так как общение с Италией привнесло во Францию новые взгляды и чувства. Макиавелианская политика изгнала открытую, мужественную манеру поведения

рыцарства, а самое отвратительное распутство в равной степени отличало дам. Забавно наблюдать, что еще долгое время после исчезновения рыцарства во Франции сохранялись видимое почтение и преданность рыцарской любви, хотя она уже не поддерживалась добродетелью. Любовь, сублимированная в идолопоклонство, дышит на каждой странице героических романов, пришедших на смену рыцарским, и отражает чувства нации; и уже в царствование Людовика XIV взъерошенный и напудренный французский генерал, в душе которого не было ни единого отблеска характера первого кавалера, воображал себя самой розочкой чувств и вздыхал у ног своей любовницы,

"Pour meriter ton cœur, pour plaire a vos beaux yeux,
J'ai fait la guerre aux rois, je l'aurois fait aux dieux."

ГЛАВА. V.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В ИСПАНИИ.

Общий характер испанского рыцарства ... Религия и героизм ... Галантность ... Смешение испанских и восточных манер ... Его благотворные тенденции ... Особенности испанского рыцарства ... Формы рыцарства ... Различные рыцарские звания ... Испанская поэзия ... Герои рыцарства ... Пелайо ... Бернардо дель Карпио ... И, кстати, о походе Карла Великого в Испанию... Жизнь Сиды... Его ранний свирепый героизм... Его необычный брак... Поступление на службу к королю Фердинанду ... Рыцарская галантность Сиды... Его посвящают в рыцари... Смерть короля Фердинанда ... Сид становится рыцарем Санчо, короля Кастилии ... Смесь зла и добра в характере Сиды ... Поддерживает короля в его несправедливости. ... Романтический героизм Сиды... Дальнейшая несправедливость Санчо, против которой он выступает... Смерть Санчо ... Пример добродетельной смелости Сиды ... Характер Альфонсо, преемника Санчо ... История его рыцарского воспитания ... Вторая женитьба Сиды... Изгнан из двора Альфонсо ... Становится союзником мавров. ... Но возвращается... И снова изгнан... Необыкновенная история о подлом поступке Сиды... Судьба Сиды во время его изгнания ... Рыцарское благородство и щедрость Сиды ... Его отзывает Альфонсо ... Сид захватывает Толедо... и Валентию... История испанских нравов... Несправедливое поведение Сиды по отношению к маврам ... Неблагородный характер жены и дочерей Сиды ... О Сиде вспоминает Альфонсо ... Браки его дочерей ... Низко обращаются со своими мужьями ... Кортес в Толедо, чтобы решить дело ... Картина древних нравов ... Смерть Сиды... Его характер ... Судьба его хорошего коня ... Испанское рыцарство после его смерти ... Галантность рыцаря ... Достоинства требников, решенных в битве ... Передача оружия в Орбиго ... Рыцари путешествуют и сражаются за любовь дам ... Угасание испанского рыцарства.

Общий характер испанского рыцарства.

Испанское рыцарство пробуждает в сознании самые великолепные и романтические ассоциации. Европа, с ее активной храбростью, ревностью к чести, превосходной религией;

Азия, с ее гордой и возвышенной походкой, пылким и сублимированным воображением и пышными церемониями, сформировала испанского рыцаря; и, в результате этого влияния Востока на его характер, он представляет статность рыцарства так же прекрасно, как английский кавалерист - его авантюризм, а француз - его веселье.

Религия и героизм.

В испанце интересно сочетались религиозный энтузиазм и романтический героизм. Его горячее и творческое воображение превращало святого покровителя его страны в рыцаря. Он всегда видел святого Иакова рядом с собой, сидящим на величественном белом коне и сражающимся в битвах за христианство и Испанию; и, как будто этих рыцарских подвигов было недостаточно, он представлял его исповедуемым и могущественным защитником страдающих девиц; ведь он полагал, что этот небесный союзник освободил нацию от уплаты ежегодной дани в сто христианских девственниц их неверным врагам[171].

Галантность.

Испания также предстает перед нашим воображением как страна рыцарской любви, любви, которая рождалась среди трудностей и опасностей, где неразличимая толпа "надежд и страхов, разжигающих надежду", придавала чувствам более образный оттенок, чем это можно представить в более устоявшихся рамках современного общества. Здесь не только феодальные бароны нарушали законы вежливости, как в других странах, но и по равнинам носились отряды мавров, которые не считали женщину объектом, совершенно недостойным опасного поиска. Здесь можно было воплотить в жизнь всю прекрасную романтику рыцарского отваги, а в груди спасенной девицы любовь рождалась из благодарности.

Смешение испанских и восточных нравов.

Зародыши рыцарства существовали в умах вестготов, которые свергли владычество римлян в Испании. Военная инвеститура, уважение к женщинам, охота и охотничий спорт стали новыми обстоятельствами в испанском характере и нравах: но во времена этих жалких варваров, вестготов, тщетно искать совершенное развитие рыцарского характера. В те мрачные времена рыцарство проявлялось лишь в редких и слабых отблесках, а золотой свет его не сиял в полной мере и ярко до времен арабов, и на протяжении их долгого семивекового правления он оказывал весьма заметное влияние на обстоятельства и характеры. Поскольку его слава была личной, рыцарство в значительной степени смягчало ожесточенность религиозной или национальной войны; ведь кавалерист мог восхищаться даже во враге качествами, которыми он сам гордился и стремился обладать.

Народы встречались как в изящных поединках на турнире, так и на более опасном поле боя; и обмен рыцарскими любезностями, когда демонстрировался образ войны, не мог не смягчить жестокость реальных боевых действий. На мавританских или христианских праздниках появлялся доблестный солдат противоположной религии и бросал вызов храбрейшему из своих противников, чтобы поддержать превосходство своей нации и веры; и в поддержку этого дела кавалерийская выправка сражающихся вызывала восхищение, когда забывалась заявленная цель их поединка; ведь целью собрания было развлечение, а глаз и фантазия были обращены к этим нежным упражнениям и доказательствам оружия[172].

Благотворные тенденции.

Представители двух религий незаметно смешались, и каждый перенял что-то из мыслей и манер другого. Если христианин учил мавров пользоваться копьем вежливости, то

христианин учился у мавров метать трость, которая впоследствии стала столь любимым испанским развлечением. От них же испанские рыцари переняли копье и использовали его вместо копья. Они метали его с такой же силой, как это делали азиатские или греческие герои; ведь для того, чтобы противостоять удару, требовалась более мощная защита, чем та, которую обеспечивали почта и стеганая куртка[173].

Поэты, жившие в рыцарские времена Испании, неизменно наделяли арабов моральным и личным рыцарским костюмом так же часто, как европейцев. Так, мавр Калайнос[174] прославлен в испанских романах не меньше, чем сам Сид, а рыцари Гранады, по общему признанию, были дворянами, хотя и маврами[175]. Это слияние характеров легло в основу тех союзов между арабами и испанцами, которые так часто встречаются в истории Апеннинского полуострова и поражают читателя своей невероятностью. Для славы нации было принято представлять борьбу как непрекращающуюся в течение семи долгих столетий и слишком ожесточенную, чтобы можно было опустить меч в ножны: но эти союзы были настолько распространены, что Испания часто выглядела как ряд мелких государств, каждое из которых пыталось втянуть в свой водоворот другие, а не как общее дело Креста, воюющего с Полумесяцем. Независимо от этих союзов едва ли найдется прославленный христианский кавалерист, который в ходе своей военной карьеры не орудовал бы своим добрым мечом в рядах мусульман.

Среди благ, вытекавших из этого свободного общения, не последнее место занимала религиозная терпимость. Испания, которая в более поздние времена была столь примечательна жестокостью своего фанатизма, в ранние времена была единственной страной Европы, где могла дышать религиозная свобода. Поскольку мавры и христиане часто относились друг к другу как к отдельным державам, возникла взаимная терпимость, и это либеральное чувство в умах христиан распространилось за пределы их мавританских подданных и союзников. Отцами Реформации стали альбигойцы, многие из которых получили убежище у королей Арагона, в то время как их собратьев преследовали до смерти во Франции. Ни одна церковь, кроме английской, не находилась в такой постоянной оппозиции к папству, как испанская; в каждом большом споре она выступала на стороне еретиков, как всегда называли сторонников свободы человеческой воли.

Рыцарская гуманность не ограничивалась терпимостью или милосердием, мечетью или полем битвы; мавры и христиане часто жили в одном городе и занимались общественной благотворительностью. Завязывались дружеские отношения, и, несмотря на заявления фанатиков, две нации связывала более глубокая привязанность. Рыцарь в силу рыцарских обязательств становился другом страждущих; и когда красавица умоляла, сердце запрещало ему спрашивать, в какой религии была воспитана девица. Страсть любви в груди испанского кавалера была не более пылкой и интенсивной, чем в груди кавалера любой другой страны. Если считать испанца готом по рождению и арабом по воспитанию, то все равно его природные и искусственные обстоятельства формировали один и тот же характер страсти; ведь и гот, и араб не только обожали, но и любили свою госпожу, считали ее не только объектом привязанности, но и божеством.

Особенности испанского рыцарства.

В поведении испанского рыцаря присутствовала серьезность, возможно, ревность, оба качества восточного происхождения, которые были чужды природе рыцарства других стран. Выражение его чувств было непохоже на их. Смелые метафоры, богатые и разнообразные образы и пылкие чувства смешиваются с простым развитием страсти; и эти ориентализмы его стиха не являются сложными и искусственными украшениями, которыми художественная

литература украшает образ страсти: но поскольку ум испанца был воспитан арабом, для него стало естественным питать свою привязанность в великолепных мечтах Востока. Если он заимствовал идеи и фантазии у мавра, то следует помнить, что он также свободно передавал характер своей собственной системы. Ни в одной магометанской стране женщина не занимала столь высокого нравственного положения, как в Испании. Мусульманская женщина не была объектом страсти, но, подобно рыцарской даме, она была источником чести; она сидела на турнире как судья доблести, и мавританский рыцарь получал из ее рук триумфальный гердон. Азиатская ревность в Испании несколько ослабила свою природу и формы; ведь там женщина смешивалась с мужчиной в общении, и ее красота не всегда была окутана вуалью[176].

Формы рыцарства.

Формы рыцарского посвящения в Испании были похожи на те, что существовали в других странах. Баня, исповедь, вигилия в церкви, месса, шпоры, опоясывание мечом, акколада - вот основные церемонии. Рыцарь своей клятвой выражал готовность умереть за защиту своего закона, короля или страны.[177] Затем меч отвязывал от него какой-нибудь почетный человек, который таким образом должен был стать его padrino, или крестным отцом в рыцарстве, и подтвердить дарованное рыцарство. Никакие обстоятельства не могли оправдать кавалера, если он брал в руки оружие против своего padrino. Напротив, он должен был защищать его мечом и советом в меру своих сил и возможностей и быть для него всем, как человек для своего господина в феодальных отношениях.

Таковы были древние церемонии, но в последующие времена они были упрощены. Тогда считалось, что достаточно простого наречения; а законом Фердинанда и Изабеллы в 1476 году было постановлено, что король может по своему усмотрению использовать старые формы или нет, и что рыцарское достоинство должно быть столь же прославленным, если они отсутствуют.

Различные рыцарские звания.

Высший класс рыцарей в Испании состоял из рыцарей шпоры, кавальерос де Эсуэла д'Орада. Они всегда были идалго, или родовитыми кавалерами трех родов. Сыновья королей принадлежали к этому рыцарскому сословию, и никто не короновался до тех пор, пока не был посвящен в этот орден[178].

Среди привилегий рыцаря Золотой шпоры любопытно отметить, что никто не мог сидеть с ним за столом, кроме человека его собственного ранга; никому из низших орденов не разрешалось отрицать непогрешимость его мнения и противоречить ему; а за преступления против государства рыцаря этого класса полагалось обезглавливать, а не предавать смерти вульгарным способом.

Обстоятельства его поведения, которые карались унижением, интересны как описание испанских нравов. Считалось необходимым запретить ему красть оружие другого рыцаря, продавать свое собственное, терять его во время игры или отдавать придворным. Наказание в виде деградации, как следствие принятия в орден непорядочных людей, является разумным и справедливым: его пояс и шпоры должны были также быть срезаны, если он занимался каким-либо ремеслом; за исключением, правда, плена, когда ему любезно разрешалось поддерживать свою жизнь лучшими средствами своей изобретательности[179].

Другой класс рыцарей состоял из кавальерос армадос, которые пользовались большинством привилегий дворянства. Рыцарь этого ранга был свободен от уплаты налогов и дани; так же поступали и рыцари Золотой шпоры, правда, не как рыцари, а как идадьго. Кавалеры д'Армадос всегда создавались собственной рукой короля; право же создавать кавалеров д'Эспела д'Орада существовало в завещании каждого кавалера этого ордена, хотя обычно им пользовался только король.

Таковы были два органа, в которых было организовано рыцарство Испании. Титул кавальеро также давался каждому, кто был солдатом, вследствие владения своими землями на военном и феодальном праве; но он не обязательно был рыцарем в силу этого обстоятельства. Если рассматривать рыцарство как орден заслуг, то кавалеристы д'Эспела д'Орада и кавалеристы д'Армадос были единственными настоящими рыцарскими рыцарями в Испании.

В испанском рыцарстве было несколько интересных обстоятельств. Так, в Каталонии, помимо оруженосца, который нес щит и копье, каждого рыцаря сопровождал вооруженный человек, чей титул был "спутник рыцаря" и который считался джентльменом, следовавшим рыцарскому искусству. Он также был связан с рыцарем феодальными отношениями, так как рыцарь был вынужден предоставлять ему землю или ренту в качестве феодального пожалования. Рыцарь, имевший право на присутствие такого спутника, был рыцарем по созданию, а miles vero; а тот, кто не получил рыцарского ордена, хотя и был идадьго, считался несовершеннолетним рыцарем, от которого, правда, рыцарство отсеклось бы, но его рождение, звание и состояние сделали его частью военного государства^[180].

Любопытно отметить, что, согласно общим законам испанского рыцарства, каждый рыцарь должен был обнять новоиспеченного рыцаря при первой встрече, в честь веры и любви; и противоречило этим законам, если один рыцарь не оскорблял другого, если тот предварительно не послал свой вызов или публикацию о нарушении уз товарищества.

Испанская поэзия.

Столпы испанского рыцарства были такого же качества и характера, как и в других странах. В Испании были свои военные ордена, институты Калатравы, Святого Иакова и Алькантары; ополченцы Храма и монахи Госпиталя имели в Испании более богатые владения, чем в любой другой стране Запада. У нее также были свои баллады и романсы в прозе и стихах, описывающие рыцарские войны и любовь: но я не могу утверждать, как некоторые авторы, что рыцарская муза пела в Испании слаще или выше, чем во Франции или Англии. Ее менестрели, действительно, были своеобразны, как и ее национальный характер. С одной стороны, тоска по патриотической независимости и, как следствие, ненависть к маврам; с другой - любовь и дружба человечества, не затронутые различиями в религии и стране. Трубадур распевал свои песни о любви и войне в Испании, и его призывы находили живой отклик в Арагоне, так как в этой части полуострова провансальский язык был основным диалектом.

Герои рыцарства.

Пелайо.

Испания богата своими героями, как романтическими, так и рыцарскими. Испанец не признает, что мавр хоть на мгновение остался в спокойном владении своим завоеванием; он указывает на героя по имени Пелайо, собравшего остатки христиан в горах Астурии сразу после общего триумфа мавританского оружия. Он сопротивлялся маврам до тех пор, пока

триста его последователей не сократились до тридцати. Тогда враги оставили его умирать, ведь до сих пор его пищей был только мед, найденный в расщелинах скал. Но в последующие времена стало ясно, насколько глупо было такое пренебрежение; ведь эти тридцать человек стали ядром, вокруг которого собрались разрозненные испанцы[181].

Бернардо дель Карпио.

Правда не бросает много отблесков на Бернардо дель Карпио, следующего по времени и рангу испанского рыцаря. Если верить историкам его страны, именно он вскормил в Астурии растение национальной свободы; когда Альфонсо Непорочный хотел сделать землю, которой он управлял, частью владений Карла Великого, дворяне во главе с Бернардо дали отпор захватчику и уничтожили французский пэрство при Фонтараббии. Многие из этого, а может быть, и все, - простое проявление национальной гордости, не заслуживающее внимания: но когда я нахожу в этой истории утверждение, что Бернардо добился союза с некоторыми маврами и что в последующие периоды своей жизни он также сражался под мавританскими знаменами, я принимаю эти обстоятельства как ценные и рассматриваю их как свидетельства общих принципов и нравов, кем бы ни был герой этой истории.

Экспедиция Карла Великого в Испанию.

О знаменитой экспедиции Карла Великого в Испанию почти ничего не известно, хотя некоторые французские писатели определили границы его владений в этой стране с той точностью, с которой можно проследить политические изменения современности. Предания, песни и история в один голос доказывают, что он вошел в Каталонию и Аррагон; но не похоже, что он установил в этих странах какое-либо правительство; и его поход был скорее диким приключением рыцаря, чем серьезной целью королевских амбиций. Испанцы, как мы видели, претендуют на честь победить его в долине Роншесваль; но арабы также утверждают, что им принадлежит право на тот же рыцарский подвиг; и, чтобы еще больше запутать дело, утверждается, с равным правдоподобием, что французы под началом Карла Великого потерпели поражение от наваррцев и жителей Аквитании; и таким образом, французы Адур и Гаронны победили французов Сены. Земли между Эбро и Пиренеями, называемые Испанским мартом, за несколько веков до XII века управлялись графами Барселоны, которые обладали феодальным суверенитетом королей Франции. Это территориальное приобретение обычно связывают с мечом Карла Великого, однако не на основании надежных исторических доказательств, а скорее из-за практики монашеских летописцев чествовать этого императора всеми ратными подвигами, которые нельзя точно приписать ни одному другому воину.

Жизнь Сиды.

В жизни графа Фернана Гонсалеса вымысел и факт смешались до неузнаваемости, и за подлинным изображением испанского кавалериста мы должны спуститься в одиннадцатый век. В гордых воспоминаниях испанцев нет никого дороже, чем сид Родриго Диас де Бивар: ведь именно благодаря доблести его оружия судьбоносный вопрос о превосходстве между двумя великими державами на полуострове был решен так, как того желало каждое христианское и испанское сердце. Его рыцарская честь светла и чиста; ведь клятва в рыцарстве, *affé de Rodrigo*, до сих пор является самой торжественной формой заверения испанца.

После брака донна Диего Лейнеса, кастильского дворянина, и донны Терезы Родригес, дочери графа и губернатора Астурии, в 1026 году в Бургосе родился сын, которого назвали Родриго Диас и Бивар, по имени завоевания его отцом города в двух лигах к северу от Бургоса; Но чаще всего его называли Сидом, от азиатского титула Эс Сайд, (мой господин), который дали ему пять мавританских эмиров, которых он покорил, и который подтвердил его король.^[182] Действительно, судя по количеству его побед над маврами, он вполне заслужил этот титул.

Его ранний свирепый героизм.

Еще в юности он подал пример своего воинственного и свирепого нрава. Его отец был оскорблен ударом графа донна Гомеса, владыки Гормаса, но от старости и немощи он не мог отомстить и оплакивал себя в одиночестве и бесчестии. Родриго, чтобы восстановить мир в душе отца, бросил вызов могучему воину и сразился с ним: он убил его и вернулся в свой дом с головой побежденного, висящей на луке седла. Его отец сидел за столом, а перед ним стоял не отведенный ужин. Родриго преподнес ему голову, которую назвал травой, способной вернуть отцу аппетит. Старик обнял сына и, усадив его во главе стола, заявил, что только он достоин быть главой дома Лейна Кальво. Вскоре после этого его отец умер. Родриго отличился тем, что отбил нашествие пяти мавританских эмиров, которые страшно разоряли страну; вместо того чтобы обращаться с ними сурово, он дал им свободу, получив от них покорность и дань^[183].

Его необычный брак.

Роман Сиды с Гомесом был связан с интересным обстоятельством, иллюстрирующим нравы того далекого и необычного периода. Ксимена, дочь графа, потребовала от донна Фердинанда, короля Кастилии, странного благодеяния - выдать ей в жены Родриго Биварского, ссылаясь на то, что его владения в один прекрасный день станут больше, чем у любого человека в кастильских владениях. Она заявила, что в ее груди покоится сила помилования, и, подобно другим любительницам любовных утех, придала своим желаниям религиозную окраску, убеждая, что брак будет заключен ради служения Богу. Король согласился и вызвал ко двору циды, который, получив послание, нескромно нарядился в галантный костюм и в сопровождении множества рыцарей и других вооруженных пэров в праздничном обличье отправился к королю в Валентию. Фердинанд принял его с таким почетом, что вызвал зависть придворных. Цель вызова была сообщена, и Родриго без труда согласился жениться на даме, чьего отца он убил. Брак был отпразднован, и удовлетворение короля особенно заметно, так как он пожаловал ему большие земельные наделы, зная о его воинских доблестях и думая, что этим браком он обеспечил его верность.^[Забрав невесту домой и передав ее на попечение матери, Кид отправился к мавританским границам, ибо, чтобы придать супружеским утехам остроту, он поклялся не утешаться любовью Ксимены, пока не выиграет пять сражений на поле брани.]

Поступает на службу к королю Фердинанду.

Вскоре он был призван стать защитником своего короля, так как ссора между доном Фердинандом и его братом доном Рамирио, королем Арагона, по поводу города Калдорра должна была решиться с помощью оружия. Сид и другой чемпион, дон Мартин Гонсалес, вышли на поединок, и судьи поставили их в такие условия, что солнце и ветер не благоприятствовали ни тому, ни другому. Они так яростно бились друг с другом, что их копья ломались, но в более близкой схватке на мечах победил Сид: он зарубил своего противника, и судьи объявили, что город Кальдхорра принадлежит дону Фердинанду.

Рыцарская галантность Сиды.

Эта победа вызвала благодарность короля и зависть придворных, и последние в порыве гнева попытались сговориться с мавританскими эмирами, подданными Сиды, о его гибели. Но мавры не только не согласились на союз, но и раскрыли задуманную измену своему повелителю. Многие из заговорщиков были изгнаны, но в отношении одного человека рыцарская галантность завоевателя возобладала над его справедливым негодованием. Жена графа донна Гарсии молила о помиловании своего господина: она упала на колени перед Сидом, но он не слушал ее, пока она не поднялась. Она просила его приказать мавританскому эмиру, в страну которого она и ее муж были приговорены к изгнанию, обращаться с ними мягко и благосклонно. Сид поступил согласно ее воле, и король Кордовы, из любви к этому герою, отнесся к ним благосклонно и отдал Кабру Гарсии в качестве жилища. Что касается Гарсии, то эта доброта была неуместной, и он начал войну со своим благодетелем, королем Кордовы, до тех пор, пока сид не пришел и не наказал его. Об обстоятельствах этого наказания будет рассказано в одной из последующих и очень интересных частей жизни нашего героя.

После этого сид помогал своему государю отвоевывать у мавров Визеу, Ламегу и другие города. Не было ни одного столь примечательного случая его доблести, как жестокая месть Фердинанда взятому в Визеу человеку, который убил короля донна Альфонсо, отца его жены. Он отрубил ногу, сбившую арматост, или орудие, с помощью которого заряжался арбалет, отрубил руки, державшие лук и приспособленные для боя, и вырвал глаза, в которые попала метка. Затем лучники делали приклад из живого ствола".^[185] Таким образом, каким бы ни было влияние рыцарства на ум Сиды, оно, конечно, не умерило свирепость его готского государя.

Его посвящают в рыцари.

Одним из новых завоеваний стала Коимбра, и в этом городе Родриго был посвящен в рыцари. Церемония проходила в церкви Святой Марии, которая когда-то была большой мечетью Коимбры. Король опоясался мечом и передал ему поцелуй, но не удар, ибо сид не нуждался в напоминании о своих обязанностях. Дамы были его почетными спутницами на этом знаменательном событии. Королева подала ему коня, а инфанта, донна Уррака, пристегнула ему шпоры. Его имя, Родриго Диас, теперь сжималось в Руйдиес, в соответствии с частым обычаем при инвеституре, которая во многих отношениях была похожа на крещение. С разрешения короля он воспользовался привилегиями своего нового звания, посвятив в рыцари девять знатных оруженосцев. К этому времени обет, данный Сидом, был исполнен, и он на некоторое время удалился от двора в общество своей жены.

Смерть короля Фердинанда.

Сид становится рыцарем Санчо, короля Кастилии.

Смесь зла и добра в характере Сиды.

Поддерживает короля в его несправедливости.

Романтический героизм Сиды.

Вскоре после этого Фердинанд умер, разделив, вопреки принципам конституции страны, свое королевство между детьми. Этот разрыв интересов готской монархии был очень неразумным, ведь готы были свирепой расой, и в угоду честолюбию брат проливал кровь

брата.[186] Сид поступил на службу к дону Санчо, королю Кастилии, старшему сыну покойного государя; во всех своих войнах, будь то с христианами или мусульманами, он действовал по своему обычаю; его великие ратные подвиги настолько покорили сердце короля, что он сделал его своим кампеедором, или офицером, в обязанности которого входило отмечать место для лагеря войск.

Санчо заявил о своем намерении завладеть тем, что он считал своим наследством, - всем королевством своего покойного отца. Против его незаконного замысла мужественно выступил один из его советников, благородно заявив, что в мире нет человека, который посоветовал бы ему нарушить повеление отца и клятву, которую он ему дал. Тогда Санчо обратился к сиду и, как ни странно, заявил ему, что просит у него совета, ибо отец под страхом проклятия поручил ему не действовать без его решения. Сид ответил, что ему не подобает советовать своему государю противоречить воле покойного короля. Санчо ответил, что не думает, что нарушает клятву, данную отцу, ибо он всегда отрицал справедливость раздела, а клятва, о которой шла речь, была получена насильно. Сид убедился, что король твердо стоит на своем; и в столкновении обязанностей, которое вызвали обстоятельства, его воинский дух взял верх над добродетелью, и он решил оставаться солдатом.

Однако он убедил Санчо не переходить на территорию дона Гарсии, своего брата, короля Галлисии, пока тот не заручится любовью и разрешением его брата, дона Альфонсо, короля Леона. Было проведено множество сражений, не носящих, однако, рыцарского характера и потому не входящих в мою задачу. Во всех из них зеленый вымпел Сиды развевался с заметным триумфом, а его достижения настолько превосходили земные сравнения, что его называли удачливым Сидом - Сидом удачи, рожденным в счастливый час. Однажды Санчо попал в плен, но был спасен Сидом, и эти обстоятельства свидетельствуют о романтическом характере эпохи. Тринадцать рыцарей несли короля, и тут за ними галопом поскакал Сид, одинокий и без копьев, так как в бою у него дрожало оружие. Он крикнул им: "Рыцари, отдайте мне моего господина, и я верну вам вашего". Они презрительно посоветовали ему не вступать с ними в бой, иначе и его возьмут в плен. "Дайте мне только копье, и я, одинокий, спасу своего господина от всех вас", - героически ответил Сид и добавил, с еще большей энергией и уверенностью: "С Божьей помощью я это сделаю". Рыцарская просьба не могла быть отвергнута кавалерами, и они дали ему копье. Но с каким духом и силой он напал на них, что убил одиннадцать из тринадцати: двух оставшихся в живых он пощадил; таким образом он спас своего короля[187].

Дальнейшая несправедливость Санчо вызвала противодействие со стороны Сиды.

Дон Санчо стал королем Галлисии и Леона, заточил своего брата Гарсию в кандалы, как будто тот был предателем, и заставил Альфонсо искать братской привязанности среди мавров. Он ограбил и свою сестру, донну Эльвиру. Но его честолюбие не было удовлетворено; маленький городок Самора, принадлежавший его сестре донне Урраке, не мог удовлетворить его желания. Он отправил к ней сиды с мучительным поручением потребовать Замору за цену или в обмен и сообщить, что король намерен захватить ее силой, если она не уступит его желаниям. Знатные люди Саморы отговаривали инфанту от сдачи города: их мужественные духи заявляли, что они скорее съедят своих мулов и лошадей, да и самих жен и детей; опасность сдачи была показана ей в той мрачной пословице, в которой испанцы часто передавали свою мудрость. "Тот, кто осаждаешь тебя на скале, - говорили они, - скоро прогонит тебя с равнины".

Сид вернулся к королю с ответом, который диктовал этот совет. Санчо, разгневанный неудачей посольства, упрекнул своего кампеедора в неумелом выполнении поручения;

совесть подсказывала ему, что тот, кто, как и сид, вырос в одном доме с Урракой, должен был испытывать некоторые затруднения, требуя от нее отказаться от права на наследство. Кампеадор не стал оправдываться, заявив, что он исполнил свой долг защитника целей короля; он лишь заявил, что верно исполнил свое поручение как истинный вассал; но добавил, что не будет носить оружие ни против инфанты, ни против Саморы из-за дней минувших[188].

Смерть Санчо.

Пример добродетельной смелости Сиды.

Разгневанный таким противодействием своей власти, Санчо изгнал своего верного кампеадора, который присоединился к королю Альфонсо в мавританских владениях с двенадцатью сотнями конных и пеших, рыцарей и оруженосцев, всех людей одобряемого культа. Встревоженные этим дезертирством храбрейших кавалеров, советники Санчо посоветовали ему отменить свой указ: указ был отменен, кампеадор вернулся, но не стал брать в руки оружие против инфанты и Саморы, потому что дней прошло. Король напал на город и погиб во время покушения. В связи с его смертью возникли обстоятельства, которые ставили под сомнение и его брата Альфонсо, и его сестру Урраку. Кастильцы роптали о своих подозрениях; но когда Альфонсо пришел короноваться, Сид оказался единственным человеком, обладавшим достаточной добродетелью и духом, чтобы отказаться от почестей. На лицах придворных и прелатов, уже целовавших руки Альфонсо, отразилось немалое удивление; когда же избранный государь призвал его к признанию, он смело заявил, что все присутствующие подозревают, что по его совету король, дон Санчо, пришел к своей смерти, "и потому я говорю, - продолжал он, - если вы не очистите себя от этого, как по праву должны делать, я никогда не поцелую вашей руки и не приму вас за своего господина".

Король выразил свое удовольствие по поводу этих чувств и поклялся Богом и Святой Марией, что никогда не убивал своего брата и не советовался о его смерти; его смерть также не радовала его, хотя Санчо и отнял у него королевство. Тогда Альфонсо попросил своих придворных описать средства, с помощью которых он мог бы очистить себя. Они ответили, что он и двенадцать его рыцарей, как его компаньоны, должны принести эту клятву в церкви святого Гадры в Бургосе. Король и его рыцари отправились в Бургос, где в церкви святого Гадра была отслужена месса перед королевской семьей, дворянством и народом. Король занял видное место у алтаря. Сид покинул свое место и, открыв Евангелие, положил книгу на алтарь. Король положил руку на книгу, и Сид сказал ему с серьезностью, близкой к суровости, в то время как народ внимал ему с величайшим любопытством: "Король дон Альфонсо, вы явились сюда, чтобы поклясться в смерти вашего брата. Вы клянетесь, что не убивали его и не подговаривали к смерти: скажите теперь, вы и эти идалго, ваши друзья и соратники, клянетесь ли вы в этом?" И король и его рыцари ответили: "Да, мы клянемся в этом". Сид продолжал: "Если ты знал об этом деле или приказал его исполнить, пусть твоя судьба будет такой же, как у твоего брата. Пусть ты умрешь от руки злодея, которому доверяешь; того, кто не идалго; того, кто не кастилец, а иностранец". Король и его рыцари воскликнули: "Аминь". Но цвет лица Альфонсо потускнел, и сид, заметив этот признак вины, повторил ему клятву. Король согласился, но его лицо снова побледнело. В третий раз сид надавил на него, ибо законы Кастилии допускали такое повторение; и снова язык короля и его лицо противоречили друг другу. Но теперь компульсация была завершена, и сид был вынужден принести почести[189].

Характер Альфонсо, преемника Санчо.

История его рыцарского поведения.

Альфонсо - очень интересный персонаж среди королей и рыцарей Испании. Какое бы участие он ни принимал в смерти своего брата, такое подлое поведение не омрачило его общих дел. Правосудие в Кастилии вершилось так замечательно, что народ выразил свою радость прекрасным предложением, что если женщина будет одна путешествовать по его владениям, неся в руке золото и серебро, никто не прервет ее путь ни в пустыне, ни в населенной стране. Он был другом страждущих, опорой слабых, силой нации. В его поведении с Алимайоном, мавританским королем Толедо, мы можем найти очень интересное проявление откровенности, бесхитростности, благородной уверенности, чести кавалериста, прекрасно окрашенное романтическими мыслями. Альфонсо был в союзе с Алимайоном, могущественным владыкой мавров; но договор, вместо того чтобы быть свободным союзом двух равных и независимых властей, был вырван у Альфонсо, когда случайная война бросила его во власть Алимайона. Разумеется, это было обязательным для чести и веры Альфонсо; и хотя он уважал своего союзника, его рыцарская гордость нашептывала желание, чтобы его дружба была получена каким-то другим способом. На второй год своего правления Альфонсо отправился в поход на Толедо, узнав, что территории Алимайона захвачены королем Кордовы. Он не объявлял о своих намерениях, и Алимайон, не уверенный в его мотивах, отправил к нему гонцов, напомнив об их союзе. Король задержал гонцов. Затем он направился к Олиасу, а король Кордовы, догадавшись о его намерениях, разбил свой лагерь перед Толедо и бежал. Альфонсо оставил свою армию в Олиасе и, сопровождаемый лишь пятью рыцарями и посланцами Алимайона, поскакал в Толедо. Его встретил и приветствовал брат-государь, который поцеловал его в плечо и поблагодарил за то, что он честно пришел к нему на помощь и помнит их общую клятву. Мавританский народ песнями и атабалами выражал любовь, которую христиане питали к своему повелителю; кастильцы же сурово порицали Альфонсо за его безрассудную веру в честь мавра. На следующий день Алимайон вернулся с Альфонсо в христианский лагерь. Там было организовано развлечение, достойное рыцарского великолепия, но пока короли сидели за столом, Алимайон с удивлением увидел, что несколько вооруженных рыцарей постепенно окружают палатку. Брат-государь велел ему отложить любопытство до окончания пира; мавр так и сделал; тогда Альфонсо напомнил ему, что их союз был заключен, когда он был в его власти в Толедо, но теперь, когда Алимайон в его власти, он требует освобождения от этой клятвы и договора. Алимайон не мог не подчиниться, и в соответствии с формой, как мавританской, так и христианской, оправдал свое обещание, трижды повторив его в выражениях. Тогда Альфонсо призвал к себе книгу Евангелий и сказал ему: "Теперь, когда ты в моей власти, я клянусь и обещаю тебе никогда не воевать ни против тебя, ни против твоего сына, но помогать тебе против всего мира. Клятва, которую я давал раньше, была вынужденной и потому не обязательной для моей совести и поведения; но я не могу нарушить нынешнюю клятву, ибо даю ее теперь, когда ты в моих руках, и я могу поступать с тобой, как мне заблагорассудится". После этого союз был заключен на более прочной основе, чем когда-либо; и Альфонсо, заставив кордовского короля почувствовать всю мощь своей власти, направился в Кастилию[190].

Вторая женитьба Сиды.

Изгнан из двора Альфонсо.

Становится союзником мавров;

но был отозван.

Снова изгнан.

Вернемся теперь к нашему Сиду. Его жена Симена была мертва, и Альфонсо, чтобы привязать его к себе, женил его на своей племяннице, тоже Симене. Брак был отпразднован 19 июля в 1074 году. В течение нескольких лет достижения Сиды ограничивались обязанностями, которые были возложены на него как на защитника короля. Территориальные вопросы между Альфонсо и маврами обычно решались в одиночном поединке, и победа всегда оставалась за Сидом. Эти обстоятельства должны были скрепить дружбу короля и его кампеадора, но придворным, с помощью хорошо продуманных интриг, удалось изгнать самого грозного соперника в привязанностях государя. Кид укрылся у мавританского короля Сарагоссы и несколько лет оставался в этой части Испании подданным и солдатом мавров, сражаясь в их битвах с христианами, но всегда проявляя милосердие к побежденным. Милосердие к тем, кого он побеждал на поле боя, было преобладающей чертой его характера, которую он проявлял, не обращая внимания на религиозные особенности: ведь в предыдущих сражениях за Альфонсо он часто отпускал пленных без наказания.

В Испанию вторглись мавры из Африки. В тяжелом положении Альфонсо вызвал к себе Сиду, который вскоре отбросил врага. В течение значительного времени этот вождь пользовался признательностью своего государя и был душой христианского воинства, а затем возникли обстоятельства, которые его враги изобретательно извратили его вред. Альфонсо отправился в Андалусию против мавров без сопровождения Сиды, которого болезнь задержала дома. Однако он выздоровел вовремя, чтобы встретить и отразить вторжение мавров с другой стороны; он нанес им ответный удар вплоть до Толедо, король которого пожаловался Альфонсо на нарушение кампеадором клятвы и договора, заключенного между ними. Альфонсо был поражен и раздосадован; и, поддавшись влиянию предложений рикосов, вся его ненависть к Сиду вернулась в первоначальной силе. Теперь он не видел в нем ничего, кроме мстителя за смерть дон Санчо. Он вызвал его в Бургос, но Сид ответил, что встретится с ним между этим городом и Биваром. Они встретились, и кампеадор хотел поцеловать ему руку в знак почтения, но король оттолкнул его, гневно сказав: "Руидес, покинь мою землю". Сид тут же пришпорил своего мула и ответил: "Я нахожусь, господин, на своей земле, а не на вашей". Тогда король приказал ему немедленно покинуть свои земли, не дав ему даже тридцати дней времени, как обычно разрешалось идальго.

Момент его изгнания не был несчастным, ибо именно тогда он обнаружил свою силу; многие рыцари и другие доблестные воины решили вместе с его кузеном-немцем Альваром Фанесом сопровождать его через пустыню и населенную страну и тратить свои богатства, одежду и лошадей на его службу. Но радостное ликование от осознания своего могущества вскоре сменилось горем от того, что он покинул свой собственный дом; опустевший зал, насесты без ястребов на них, крыльцо без сидений, ни одного плаща, висящего по стенам: все эти признаки запустения вызвали слезы на его глазах, и он воскликнул: "Это сделали мои враги"; но вскоре, вернув себе христианское спокойствие, он воскликнул: "Да будет слава Богу за все". Он прошел через Бургос, где жители не могли принять его, так как король запретил им это делать; и тот, чей меч был зажат в счастливый час, был обречен поставить палатку на песке.

Необычная история о подлом поступке Сида.

Рыцарская история Сида пополнилась обстоятельством, которое не имеет аналогов в жизни ни одного другого кавалера. Ему очень нужны были деньги, и он добыл их способом, не рекомендованным ни в одном рыцарском кодексе. Он наполнил два сундука песком и убедил двух евреев, которые были уверены в его чести, что их содержимое - золото. Он привык продавать этим людям свои мавританские трофеи и потребовал под залог шестьсот марок. Деньги были переданы. Сделка была проведена со стороны Кида его другом, Мартином Антолинесом, который получил от евреев хороший подарок; но Кид, благородный и благородный кавалер, был автором этого неприглядного ремесла; он утешал свою совесть тем, что действовал скорее по необходимости, чем по желанию, и что со временем он все выкупит. Чтобы избежать разоблачения, он заставил евреев пообещать не открывать сундуки в течение года, а оставить их у себя только в качестве залога.

Следует отметить одну маленькую черту хладнокровия и коварства Сида. Иудеи, обрадованные удачной сделкой, были склонны к щедрости и предложили сиду красную кожу, мавританскую и почетную. Цид принял ее, сказав своим друзьям, что будет считать ее подарком, если они ее купили; в противном случае они должны добавить ее стоимость к сумме займа[191].

Судьба циды во время его изгнания.

Затем цид отправился в Кардину; попрощавшись с женой и детьми, он покинул нежную Кастилию и отправился в мавританские земли. Он сражался с маврами и победил их, пощадив, однако, тех, кто был союзником Альфонсо. В частности, он одержал большую победу над ними во время вылазки из замка Алькосер, где они его осаждали. Сид Биварский был известен по своему зеленому вымпелу и золоченому седлу. Он приказал своему знаменосцу, Перо Бермуэсу, не выходить вперед до его приказа. Обстоятельства битвы описаны в переводе старинной поэмы о Сиде с поразительным духом: "Ворота тогда распахнулись, Перо Бермуэс не смел идти вперед, пока не прикажет.

"Ворота были распахнуты настежь, и они сразу же бросились вперед,

Заставы мавританские к лагерю оттеснили:

В лагере все зашумело, и раздался такой гром,
кимвалов и барабанов, как будто земля раскалывалась на части.

Там можно было увидеть, как мавры поспешно вооружаются,

И два главных сражения, как они быстро формируются,

Всадники и пешие смешались, бесчисленный отряд, огромный.

Мавры продвигаются вперед, скоро должна начаться битва.

Мои люди стоят здесь в порядке, выстроившись в линию!

Пусть ни один человек не сдвинется со своего места, пока я не подам знак".

Перо Бермуэс услышал эти слова, но не смог сдержаться:

Он держал в руке знамя, он дал своему коню повод;

Ты видишь там передовой отряд, самый густой из врагов,

Благородный Сид, да поможет тебе Бог, ведь там твое знамя!

Пусть тот, кто служит и чтит его, проявит долг, который он должен исполнить!

Сид искренне взывал: "Ради всего святого, не двигайся!

Бермуэс воскликнул: "Я не удержусь"; так сильна была его воля.

Он пришпорил коня и погнал его среди мавританского разгрома;

Они пытались овладеть знаменем и смять его.

Если бы доспехи его не были так верны, он потерял бы жизнь или конечность:

Сид снова воскликнул: "Ради всего святого, помогите ему!
Щиты перед грудью, вперед они сразу;
Их копья в остальном, выровненные честно и низко;
Их знамена и гребни развеваются в ряд;
Головы все склонили к луке седла.
Сид был посредине, его крик был слышен издалика,
"Я - Руй Диас, чемпион Бивара:
Бейте их, господа, ради милосердия".
Там, где Бермуэс сражался среди врагов, они затормозили
Триста знаменных рыцарей: это было галантное зрелище.
Триста мавров они убили - по человеку с каждого удара:
Когда они поворачивались, еще столько же лежали убитыми,
Можно было видеть, как они поднимали свои копья и снова опускали их.
Там можно было увидеть нагрудные щиты, как они были рассечены на две части,
И много мавританских щитов валяется на равнине;
Вымпелы, которые были белыми, окрасились в пунцовый цвет;
Бегут кони, чьи всадники были убиты.
Христиане призывают к святому Иакову, мавры - к Махунду.
Их было тринадцать сотен, убитых на небольшом участке земли"[192].

Победа над маврами дала сиду прекрасный повод умиловать Альфонсо. Он отправил Альвара Фанеса в Кастилию с подарком королю в виде тридцати мавританских лошадей, который был принят. Альфонсо не стал оказывать сиду почестей, но выразил радость по поводу победы и освободил от всех наказаний тех, кто присоединился к нему, и тех, кто должен был последовать его примеру. [193] Это были радостные вести для сиды и его приближенных; верный гонец принес также такие вести об их семьях, что они, как люди и как кастильцы, были прямо-таки счастливы.

Рыцарское благородство и щедрость сиды.

В каждом случае Сид проявлял великодушное безразличие к собственной доле добычи; и какую бы страну он ни покидал, и мужчины, и женщины плакали, и молитвы народа шли перед ним, настолько высока была его репутация в делах индивидуального милосердия. Однажды он вторгся на территорию мавров, с которыми был в союзе Раймонд Беренгер, граф Барселоны. Граф и его французы нарядились в праздничные одежды, решив вернуть добычу сиды. Но тот, кто родился в счастливый час, улыбнулся тщеславному великолепию французских кавалеров; и пока его люди надевали на коней простые галликанские седла, он заверил их, что за одного врага, которого они убьют, трое в ужасе соскочат с коней. Войско Беренгера было разбито, сам он попал в плен, а из добычи самым ценным был его добрый меч Колада.

Последующие обстоятельства напомним читателю о рыцарском характере Черного принца и Генриха V. Беренгера провели в шатер его победителя и устроили пир; но он отказался от угощения, хотя мой Сид любезно пригласил его. На следующий день было устроено великолепное развлечение, но граф сохранил гордость и угрюмость, а то и вовсе разразился презрением и упреками в том, что его побили какие-то оборванцы. Мой Сид не отвечал на эту грубость, но продолжал уговаривать его принять участие в трапезе, и не сетовать на возможность войны. Но Беренгер впал в нечеловеческое уныние и пожелал, чтобы его оставили умирать в одиночестве. Три дня он пребывал в таком унынии, и вывести его из него удалось только благодаря благородному предложению сиды дать свободу ему и двум его рыцарям. Однако сид с добрым сердцем решил не расставаться с ним, если тот не примет

его гостеприимства. "Если вы не будете сытно есть, граф, мы с вами не расстанемся". После этого они скрепили свою доброту и благодарность хорошим настроением, и графу было позволено удалиться, но, уезжая, он часто оглядывался, чтобы узнать, не преследует ли его Сид, ибо его собственная низменная душа не могла поверить в великодушие своего победителя^[194].

Отозван Альфонсо.

Взросшее восхищение военными талантами Сиды и смерть от предательства одного из его храбрейших офицеров побудили Альфонсо пожелать примирения со своим верным кампеадором. Оно состоялось, но только после того, как Сид убедил короля оговорить, что в будущем ни один идальго не будет изгнан без законного слушания его дела и прежнего разрешения на тридцать дней. В другом важном деле он также был другом общественного блага; он побудил короля согласиться сохранить привилегии городов и не облагать их налогами, противоречащими их обычаям. Альфонсо даже предоставил свободу вооруженного сопротивления своим действиям, если они будут противоречить его торжественным обещаниям.

Сид захватывает Толедо,

Счастье Сиды вскоре было омрачено смертью его сына Родриго, юноши, чей воинский дух был столь прекрасен и галантен, что христиане считали его надеждой Испании. Отвлекаясь от личных забот и печалей, Сид был призван к более важному делу, чем все, в которых он когда-либо участвовал. Он возглавил христианские войска против Толедо; в эти войска входили не только цветки испанского рыцарства, но и многие рыцари из Франции, Италии и Германии; настолько важным для общей судьбы религии и оружия считалось взятие Толедо. Мы можем сетовать вместе со многими поклонниками испанского рыцарства, что память об их доблестных подвигах не дошла до нас, и порицать древних летописцев за то, что они оболгали таких достойных рыцарей. Мы знаем только, что Толедо был взят Сидом 25 мая 1085 года.

Из многих последующих военных достижений кампеадора я выделяю лишь его схватку со старым врагом, Раймондом Беренгером, графом Барселоны, который поспешно взялся за оружие, чтобы помочь мавританскому принцу, также врагу Сиды. Если бы Сид боялся численности, он бы уступил: если бы он считался с репутацией рыцарей, он бы принял участие во всеобщем ужасе, ведь французы считались лучшими рыцарями в мире и лучше всех были назначены; и слава приписывала Беренгеру рыцарские добродетели - храбрость и мастерство в небывалой степени. Но увещевания Сиды и само его присутствие вдохновляли войска на подвиги; и когда наступил момент битвы, назначенный его собственным восхитительным мастерством, событие, как обычно, доказало, что он родился в счастливый час. Беренгер и его старшие офицеры попали в его руки: он проявил к ним большую любезность и отпустил их, взяв с них выкуп и обещание под честное рыцарское слово никогда больше не выступать против него с оружием в руках^[195].

и Валентия.

Взятие Валентии стало следующим и самым важным событием в карьере Сиды. Слава о его подвигах привлекла под его знамена тысячу родовитых рыцарей, пятьсот пятьдесят всадников и тысячу пеших воинов. Я не буду подробно описывать события девятимесячной осады Валентии, ибо картина ничем не отличается по краскам и оттенкам от сцен крови, ужаса и запустения в других войнах.

История испанских нравов.

Есть, однако, одно обстоятельство иного характера, приятно иллюстрирующее древние нравы. Среди воинов Сида был астурийский идалго по имени Мартин Палеас, который был больше известен своей личной силой, чем рыцарской храбростью. Кид решил пристыдить его, чтобы он стал храбрее; для этого он выбрал подходящий день, когда Мартин скрывался от посторонних глаз, пока его братья-рыцари играли в турнир с маврами. Когда настал час обеда, Мартин Палеас, не подозревая, что сид обнаружил его подлость, вымыл руки вместе с другими рыцарями и занял бы место за общим столом; Но сид схватил его за руку и, сказав, что никто из них не достоин сидеть с такими доблестными рыцарями, как те, что сейчас перед ними, повел его к своему собственному высокому столу, где по общему обычаю он сидел и обедал один; Альвар Фанес, Перо Бермуэс и рыцари такой же славы сидели за другими высокими столами, а остальные рыцари откинулись на эстрады со столами перед ними. Таким образом, среди кавалеров Испании не было такого рыцарского равенства, как у кельтских народов. Не было и Круглого стола, щедро избавляющего от неравенства званий. Для рыцарей Сида было предметом почетного честолюбия быть объявленным достойным сидеть за столом вместе с Альваром Фаньесом и его товарищами, а простой Мартин Палеас тешил себя почетом.

На следующий день христианские рыцари устроили поединок с маврами, и сид с удовлетворением заметил, что Мартин Палеас был так воодушевлен, что не покинул поле боя, как обычно, когда копья грубо столкнулись. Вернувшись в свой дом, сид не только усадил своего галантного друга рядом с собой, но и пригласил его поесть из своего блюда, добавив, что в этот день он заслуживал большего, чем вчера. Это выражение открыло Палеасу всю суть дела: он увидел, что сид раскрыл все хитрости его трусости и что он посадил его за стол не для того, чтобы почтить, а для того, чтобы опозорить; он решил, что такому бунтарю не подобает сидеть с другими рыцарями. Эти размышления о стыде зажгли в нем искру мужества, и он решил теперь действовать как галантный кавалерист. В нескольких последующих битвах с маврами он сражался так храбро, что они дивились и спрашивали, откуда взялся этот дьявол. Кид наградил его своей дружбой, а также тем, что он сидел за столом вместе с Альваром Фаньесом и другими истинными рыцарями[196].

Несправедливое поведение Сида по отношению к маврам.

Сид стал повелителем Валенсии, оставив, однако, феодальный и абсолютный суверенитет за королем Альфонсо. Он заключил множество соглашений с маврами, что скорее свидетельствует о его изобретательности, чем о его чести; ведь он нарушал их все, как только его цели достигались. Наконец, он разрешил завоеванным жить в прилегающем городе и пригороде Алькудии; иметь свой закон, управляемый своими кади и альгуазилами; пользоваться двумя мечетями, одной в городе, другой в пригороде; мавры платили сиду десятую часть своих продуктов, как цену за его уступки. Взяв Валенсию, кампеадор был изгнан из нежной Кастилии: злобность его врагов вновь возбудила ревнивый нрав Альфонсо, но победы вновь примирили его с королем, который принял от него в дар знатных коней, оседланных и взнузданных, с яркой шпагой, висевшей на луке седла. Жена и дочери присоединились к нему в Валенсии; любопытно отметить, что первым проявлением его радости была пробежка на своем добром коне Бавике, который так прекрасно выполнял свои упражнения, что народ дивился, и он стал знаменит на всю Испанию.

Нерыцарский характер жены и дочерей сида.

Сид ошибся в характере своей жены и дочерей; он думал, что рыцарский дух одушевляет их так же, как и его самого; , однако на самом деле они были привязаны к более мягким

обязанностям жизни. Из Африки прибыл мавританский отряд, чтобы оспорить с ним право на Валенсию; чтобы развлечь Симену и ее фрейлин, он поместил их в высокой башне, откуда они могли без опаски наблюдать за кровавой схваткой. Но, в отличие от женщин в других рыцарских странах, они побледнели и затрепетали при виде этой сцены; тогда Кид удалил их, хотя их присутствие было очень важно; ведь храбрость его войска возбуждалась до ярости, когда они думали, что дамы наблюдают за их ратными подвигами[197].

Цид отозван Альфонсо.

Альфонсо были сделаны новые подарки из трофеев, захваченных по этому случаю; король и его кампеадор официально и публично примирились. Сид смирился с восточными причитаниями, ибо многие черты мавританских нравов были скопированы испанцами. Они не встречались уже несколько лет, и время наложило свою морщинистую руку на чело сида. Но больше всего Альфонсо поразила вид его бороды, которая отросла до удивительной длины[198].

Браки его дочерей.

Низкое отношение к ним со стороны мужей.

Сид находился сейчас на такой высоте могущества, которой не достигал ни один подданный; его богатство вызывало восхищение у людей более знатного происхождения. Инфанты Карриона добивались руки его дочерей: король благосклонно отнесся к этому союзу, а сид и Ксимена, хотя им и не нравился характер молодых вельмож, уступили его просьбам, и браки были торжественно заключены. Эти браки стали обильным источником нечестности; и тот, чья удача в целом оправдывала его популярный титул, - тот, кто родился в счастливый час, - раскаивался в том, что поддавался на уговоры короля. Инфанты были людьми низменными и трусливыми и совершенно неспособными поддерживать благородный образ жизни в доме Сиды, где храбрость и воинские упражнения задавали тон манерам. Ущемленная личная гордость укрывалась в гордости рождения, и инфанты решили вообразить, что запятнали свое благородство, вступив в союз с семьей Сиды; но они не подумали, что нарушили рыцарский долг, когда оскорбили и даже избили своих жен, оставив их в лесу, по-видимому, мертвыми. Дамы были найдены родственником, и с этой историей ознакомился Сид. Он обратился к королю, который назначил кортес в Толедо, чтобы тот вынес решение по этому делу; и оно должно было быть весомым, ведь это был всего лишь третий кортес, проведенный за время правления Альфонсо.

Кортес в Толедо, чтобы решить дело.

В Толедо, соответственно, отправились все стороны. С сидом были лучшие и храбрейшие рыцари, галантный отряд, чьи палатки на холмах вокруг города были столь многочисленны, что сопровождающие сиды лица казались скорее войском, чем обычным почетным караулом. Зал дворца Галиана, место сбора кортесов, был увешан золотыми тканями, а на полу были расстелены эстрады с коврами. В верхней части находилось кресло короля, древняя резиденция королев Толедо; вокруг него располагались богатые и знатные эстрады для главных сеньоров кортеса. Возле королевского кресла Сид за день до встречи поставил кресло из слоновой кости, которое он выиграл в Валенсии и которое принадлежало королям этого города. Несколько его оруженосцев, с мечами на шее, охраняли кресло, пока их господин не пришел и не завладел им.

Картина старинных нравов.

На следующее утро король, отслушав мессу, отправился во дворец Галиана вместе с инфантами Карриона, графами и рикосами Кортеса. Сиденье из слоновой кости вызвало зависть графа Гарсии, древнего соперника Сиды; главный оруженосец был готов оружием отражать его насмешки и язвительные замечания, пока король не предотвратил поединок, заявив, что его кампеадор получил сиденье с честью; что никогда ни один вассал не посылал своему господину таких подарков, как он; и что если кто-то завидует, пусть совершит такие же подвиги чести, и король посадит его рядом на трон.

В зал вошел Сид в сопровождении сотни своих лучших рыцарей. Они были одеты как для учтивости, так и для войны. На взгляд придворных, их одеждой были лишь тонкие горностаевые шкуры и обычный плащ; под ними же они носили хауберки из хорошо закаленной кожи, а мечи были сладкими и острыми на острие. Одежда самого кампеадора удивила бы Раймона Беренгера, графа Барселонского, и его насмешливых французов. Его рукава были из тонкой ткани, башмаки - богатой работы: тело было облачено в тончайший лен и красную кожу, диковинно отделанную золотом и серебром. Его мундир был алым и золотым, а борода, о которой он так заботился, была перевязана шнуром в знак скорби и печали.

Большинство собравшихся встали, чтобы приветствовать его, а король предложил ему занять свое место. Но Сид ответил, что ему лучше быть у его ног, ибо своей славой и состоянием он обязан доброте короля и его брата и отца; и не подобает тому, кто получает щедроты, сидеть с тем, кто их раздает. Тогда король велел ему сесть на сиденье из слоновой кости, ибо он завоевал его как хороший человек. Он так и сделал, и сто рыцарей окружили своего господина.

Король объявил цель кортеса, и два благородных графа были приведены к присяге алькальдов, чтобы справедливо и честно судить между кампеадором и инфантами Карриона, согласно закону Кастилии и Леона. После этого цид потребовал вернуть ему две его хорошие шпаги, Коладу и Тизону. Он отдал их на хранение инфантам Карриона, чтобы те почитали его дочерей и служили своему королю. Но когда они оставили его дочерей в дубовой роще Корпеса, то отреклись от его любви, а поскольку они больше не были его зятьями, то должны были вернуть ему мечи. Алькальды обдумали это требование и постановили, что мечи должны быть возвращены. Инфанты передали их королю, довольные умеренностью требования циды. Альфонсо достал мечи, и весь двор засиял от их блеска. Их рукояти были сделаны из чистого золота, и все присутствующие рыцари восхитились. Сид принял их от короля и, улыбаясь, даже от самых сильных сердечных привязанностей, положил их на колени, назвал их лучшими мечами в Испании и опечалился, что инфанты Карриона держали их голодными и не кормили их плотью, как это было принято. Он передал их на попечение Альвара Фаньеса и Перо Бермуэса, которые попросили о почетном поручении.

Затем цид потребовал вернуть ему сокровища, которые он подарил инфантам по случаю бракосочетания своих дочерей. На это требование он слабо возразил, сославшись на то, что эти деньги были потрачены на службу королю. Цид благоразумно воспользовался признанием, что сокровища были получены, а затем справедливо заявил, что его не касается, если инфанты потратили деньги на короля; таким образом, Альфонсо сам решил этот вопрос, и алькальды постановили вернуть сокровища.

Чтобы привести это постановление в исполнение, суд был прерван, а когда он вновь собрался, сид поднялся со своего кресла из слоновой кости и, изложив вкратце обстоятельства браков, не пощадив короля за его участие в них, потребовал от инфантов

объяснения причин их поведения: он заявил, что не позволит им уйти без смертельного проступка. Он добавил, приложив руку к бороде (обычный знак гнева), что если король и кортес не исправят его, то он поступит по справедливости сам; он последует за ними в Каррион, возьмет их за горло и отнесет пленниками к своим дочерям в Валенсию, где они должны будут покаяться за свои преступления и получить пищу, которую они заслужили.

Король мягко заметил, что, содействуя бракам, он действовал по просьбе самих инфантов, и увидел, что во многом бесчестье коснулось его самого. На бурю страстей, которой сид завершил свое обращение, король твердо ответил, что дело находится на рассмотрении кортеса, и алькальды вынесут справедливый приговор.

Сид вернул себе спокойствие и, поцеловав руку короля, вернулся в свое кресло из слоновой кости.

После короткой паузы он поднялся и, поблагодарив короля за сострадание к бесчестью его и его дочерей, вызвал инфантов на смертный бой.

Король призвал их к ответу, и они смело оправдались тем, что оставили своих жен, ибо дочери Руя Диаса Биварского недостойны союза с людьми, которые были лучшими идадьго во всей Кастилии. Что касается актов личной жестокости и нерыцарского поведения, то они ничего не сказали. Они отрицали необходимость вступать в бой по такому поводу с кем бы то ни было. Тогда граф дон Гарсия начал выводить инфантов со двора и воскликнул, проходя мимо сиды: "Оставим его, сидящего, как жених, в своем кресле из слоновой кости и думающего, что его борода нас испугает".

Кампеадор погладил свой подбородок и сурово спросил, что граф должен делать с его бородой. "Слава Богу, - добавил он, - ни один сын женщины не брал меня за нее; ни один сын мавра или христианина не выщипывал ее так, как я в вашем замке Кабра, граф, когда я взял ваш замок Кабра и взял вас за бороду: не было ни одного мальчика из войска, который бы не выдернул ее" - "Волосы, которые я выщипал, кажется, не выросли снова", - добавил он с выражением жесточайшего презрения.

На этот жестокий сарказм Гарсия смог ответить лишь низким ехидством, пожелав сиду вернуться в свою страну и брать дань за свои мельницы, как он делал раньше.

Это оскорбление вряд ли можно было стерпеть. Рыцари сиды схватились за мечи и с яростными лицами смотрели друг на друга, но уважение к приказу своего повелителя не действовать, пока он не прикажет, заставило их замолчать. Сам сид, забыв о своих предписаниях, упрекнул своего бывшего знаменосца Перо Бермуэса в том, что тот не встал на его сторону. Доблестный рыцарь, отмахнувшись от личных оскорблений, к которым примешивались порицания сиды, накинул плащ на руку и, яростно бросившись на графа Гарсию, повалил его на землю.

Сразу же двор охватила дикая суматоха; выхватывались мечи, и никакое уважение к присутствию короля не могло утихомирить драку. В конце концов страсти улеглись, и суд возобновил свои заседания. Альфонсо заявил, что будет защищать права всех сторон, и посоветовал Гарсии и его друзьям подкрепить свое дело вежливостью и разумом, а не поносить сиду. Дело было рассмотрено, и король с алькальдами в конце концов постановил, что инфанты и их дядя граф Суэро Гонсалес, пособничавший им в бесчестьи дам, должны сразиться с тремя людьми сиды и оправдаться, если это будет в их силах.

Битва состоялась, и победителями стали поборники Сиды, согласно решению двенадцати истинных мужей, назначенных судьями, и согласию короля и народа. Инфанты Каррионские

и их дядя были объявлены предателями. Сама семья погрузилась в бесчестье; достойное наказание, как утверждают испанские писатели, для тех, кто бесчестит и покидает прекрасную даму[199].

Эти обстоятельства были сочтены равными по силе каноническому расторжению брака; и вскоре после этого дочери Сида были соединены с инфантами Наваррским и Арагонским, людьми гораздо более могущественными и высокопоставленными, чем их прежние повелители. Валенсия стала свидетелем нынешнего, как и прежних бракосочетаний. Бои с быками, метание в цель и метание трости были одними из развлечений христиан, и шутки были благородно вознаграждены. Мавры тоже оживленно и искренне ликовали, и зрители с удовольствием перебивались между христианскими и мавританскими играми. Восемь дней продолжалось ликование: каждый день народ пировал, и каждый день все ели из серебра.

Смерть Сида.

Это были последние важные обстоятельства в жизни Сида. Через пять лет после этого, 29 мая 1099 года, он умер в Валенсии. Писатели-романтики пытались украсить его заключительную сцену; но я не могу выбрать из их произведений ничего красивого и правдоподобного.

Его характер.

В одном из тех исторических трудов, которые сделали честь литературе нашего века, много похвал воздается Сиду, Рую Диасу, за его откровенность, честь и великодушие.[200] Но, по правде говоря, слава нашего героя заслуживает очень мало таких похвал. Его поведение по отношению к бедным евреям Бургоса не может служить доказательством его свободных и благородных поступков, той откровенной искренности, которая интересует нас при созерцании достойных рыцарских времен; что же касается его чести, этого священного достояния рыцаря, то он часто давал ее в залог маврам Валенсии и нарушал ее, чтобы удовлетворить свои цели как завоевателя. Посмотрите на него при Кортесе: обратите внимание на его хладнокровие, обдуманность, постепенное изложение своих требований. Это был расчетливый человек, жаждущий мести, а не буйный, дикий кавалерист, сбросивший перчатку и показавший всю свою душу в едином порыве щедрой страсти. В лице Сида есть суровость, которая отталкивает наш взгляд. Его ум не был обогащен арабской ученостью и благодарностью к учителям; его не смягчили воспоминания об арабских любовных утехх; и когда я вижу, как он жалеет свой меч, что тот не получил заслуженной пищи, я едва ли могу позволить ему занять место среди рыцарских героев, этих блестящих духов; ибо я не вижу в нем ничего, кроме варварства гота, разъяренного мстительным духом мавра. Однако позвольте Сиду получить должную похвалу. Было приведено несколько примеров его щедрости по отношению к пленникам. Его обращение с маврами Валенсии, после того как он установил там власть, было благородным. Он не допускал, чтобы различия в религии влияли на его отеческое отношение к своему народу; и в результате случилось так, что мавры и христиане жили вместе под его мягкой властью с таким согласием, что этот союз казался результатом долгих веков. Один из этих мавров воздал ему следующую хвалу, которой я завершу свои замечания о его характере: "Сид, Руй Диас, - сказал он, - был человеком в мире, у которого было самое храброе сердце, и он был лучшим рыцарем на оружии, и человеком, который лучше всех соблюдал свой закон; и в слове, которое он обещал, он никогда не ошибается; И он тот человек в мире, который является лучшим другом для своего друга, а для своего врага он самый смертельный враг среди всех христиан; и к побежденным он полон милосердия и сострадания, и очень внимателен и мудр во всем, что

он делает; и его лицо таково, что ни один человек не видит его в первый раз, не испытывая большого страха".

Судьба его доброго коня.

Поскольку конь был неотъемлемой частью рыцаря, я не могу оставить Сида, не сказав несколько слов о его коне Бавике. После смерти его хозяина никому не разрешалось садиться на этого доброго коня. Хиль Диас, доблестный рыцарь и спутник Сида, взял его под свою опеку, кормил и водил к воде собственной рукой. Бавьека прожил два года с половиной после смерти своего хозяина Сида, и когда он умер, Хиль Диас похоронил его перед воротами монастыря в Валенсии, в общественном месте, и посадил на могиле два вяза: один у головы, другой у ног.

Испанское рыцарство после его смерти.

Достоинства миссалов решались в бою.

Я уже упоминал о могущественном влиянии Сида на политическую историю Испании, о его решении великого вопроса о христианском или магометанском превосходстве. После его смерти импульс, который он придал испанской державе, сохранился; мавры так и не смогли оправиться от доблести его рыцарства и, в конце концов, были изгнаны с полуострова. Только когда общее христианское дело было слабее всего, испанское правительство и народ, который время от времени становился завоевателем, распространяли на мавров рыцарскую гуманность. Но когда Полумесяц ослабел, этот мягкий аспект изменился; ибо месть и все пагубные страсти победы сметали нежные милости кавалера, а нетерпимость и жестокость возрастали по мере усиления власти христиан. Маврам были сделаны уступки в свободе совести, но договоры были разорваны, видимо, чтобы насмешка усугубила боль. Мавры и христиане не общались друг с другом с рыцарской вежливостью, и история не дает никаких оснований для романтических рассказов о великодушии и величии души, освещавших последние годы арабов в Испании.[201] Среди самих христиан рыцарский характер сохранился во всей своей силе и изяществе. Церковная история дает нам очень забавный пример его влияния. Когда в 1214 году Альфонсо IX изгнал мавров из Толедо, он попытался установить римский миссал на месте миссала святого Исидора. Но народ придерживался своих старых представлений и сопротивлялся нововведению. Это были не дни теологических споров; меч был единственным средством решения споров и определения истины. Каждая сторона выбрала себе отважного рыцаря и поручила его рыцарству дело миссала. Два чемпиона встретились в списках; обе партии расположились в окружающих галереях, и, к радости испанцев, победил чемпион святого Исидора[202].

Галантность рыцаря.

Но галантность испанцев - самый интересный предмет рассмотрения. Яков II, король Арагонский, постановил, что каждый мужчина, будь то рыцарь или другой, который окажется в обществе знатной дамы, может пройти спокойно и без охраны, если только он не виновен в убийстве. 203] В сознании испанских рыцарей религия и любовь всегда сочетались; и тот, кто, думая о своей любовнице, взял своим девизом слова: "Sin vos, y sin Dios y mi" (Без тебя я без Бога и без себя), не считался виновным в нечестии. В романтической галантности испанец был совершеннейшим рыцарем. Гарсия Перес де Варгас, живший в XIII веке, был великолепным образцом испанского рыцарства. Его доблесть вызывала зависть людей более благородного происхождения, которые проявляли

подлость духа, оспаривая его право на ношение оружия. Однажды он противостоял маврам, в то время как те, кто более древнюю геральдику, дрогнули. Повергнув врага, он вернулся к хозяину и, ударив по своему побитому щиту, заметил своему завистливому сопернику тоном оправданного сарказма: "Вы правы, желая лишить меня герба, ибо я подвергаю его слишком большим опасностям. В ваших руках он был бы в большей безопасности, ибо такой благоразумный рыцарь, как вы, прекрасно позаботится о нем".[204] Гарсия был настолько отважным рыцарем, что само его присутствие наводило ужас на мавров. Однажды он и его спутник были внезапно встречены отрядом из семи врагов в тюрбанах. Его друг обратился в бегство, а Перес закрыл визор и сложил копье. Мавры отказались от битвы. Перес добрался до лагеря: его поведение встретило порицание; но в его сердце было слишком много рыцарской доброты, чтобы ответить на требование, кто именно оставил его в столь опасный момент. Было в этом деле и еще одно обстоятельство, свидетельствующее о галантности нашего рыцаря. Пока он с воинственным видом удерживал мавров на расстоянии, он обнаружил, что его шарф упал с плеча. Он спокойно повернул голову коня, вернул расположение своей госпожи и продолжил путь к лагерю, а мавры все еще боялись напасть на него.[205]

Передача оружия в Орбиго.

В первый день 1434 года, когда испанский двор устраивал свои празднества в Медина-дель-Кампо, благородный рыцарь по имени Суэно де Кинонес предстал перед королем (Иоанном II.) в сопровождении девяти галантно одетых кавалеров, чей возвышенный вид и гербовые знаки свидетельствовали о том, что они гордятся безупречной чистотой своего христианского происхождения. Король милостиво улыбнулся незнакомцам; узнав от своих сопровождающих, что они прибыли ко двору, чтобы обратиться к его власти, он взмахнул рукой в знак разрешения говорить. Глашатай, которого они привели с собой, вышел вперед и от имени Суэно де Кинонеса произнес следующую речь: "Справедливо и разумно, что тот, кто так долго находился в заточении, как я, должен желать свободы; и, как ваш вассал и подданный, я предстаю перед вами, чтобы заявить, что я давно связан службой одной знатной даме; и, как хорошо известно, через герольдов не только в этой стране, но и в чужих краях, каждый четверг я вынужден носить на шее железную цепь. Но с помощью апостола Иакова я нашла способ освобождения. Я и девять моих благородных друзей предлагаем в течение пятнадцати дней, предшествующих и пятнадцати дней, следующих за праздником этого святого, сломать три сотни копий с миланскими остриями[206] следующим образом: По три копья с каждого рыцаря, который пройдет этим путем, направляясь к святилищу святого. Доспехи и оружие будут предоставлены в достаточном количестве для тех кавалеров, которые будут путешествовать только в палмерских бурьянах. Все благородные дамы, которые отправятся в паломничество без рыцарского сопровождения, должны довольствоваться потерей правой перчатки, пока рыцарь не вернет ее доблестью своей руки".

Когда глашатай закончил, король и его совет собрались вместе и вскоре пришли к выводу, что рыцарские законы обязывают их дать согласие на совершение этого предприятия с оружием в руках. Когда герольды провозгласили королевское разрешение, Суэно заставил одного из благородных рыцарей снять шлем и, обнажив голову, подошел к трону и смиренно поблагодарил короля. После этого он удалился вместе со своими девятью друзьями; сменив тяжелые доспехи на шелковые праздничные платья, они вернулись в зал и присоединились к танцам.

Прошло шесть месяцев, прежде чем доблестный и любвеобильный Суэно де Кинонес смог освободиться от своих оков; все это время он и его друзья потратили на то, чтобы научиться

пользоваться копьем и запастись упряжью и копьями для тех рыцарей, которые будут с ними сражаться. Местом проведения поединка был выбран мост Орбиго, расположенный в шести часах езды от Леона и в трех от Асторги. На дороге было установлено мраморное чучело герольда, и по табличке в его правой руке путешественники узнавали, что они достигли места проведения состязаний. Списки были возведены на красивой равнине, образованной природой в соседнем лесу. Для пиршеств и отдыха были разбиты палатки, которые были предоставлены в изобилии благодаря щедрости Суэно. Одна палатка была восхитительна по красоте убранства, а еще больше - по своему назначению. В нем находились семь знатных дам, которые по просьбе матери Суэно посвятили себя уходу за теми рыцарями, которые будут ранены во время поединка. В назначенное время Суэно де Кинонес появился в списках со своими девятью спутниками, одетыми в самую великолепную турнирную сбрую, а сам очарованный рыцарь нес на шее цепь своей госпожи с девизом, который его друзья также носили на некоторых частях своих доспехов: "Il faut délibérer". С ним сражались многие незнакомые рыцари, и его успех был, как правило, замечен.

Справедливые кающиеся к святилищу святого были остановлены, а тех, кто был знатного происхождения, королевский глашатай попросил передать свои перчатки. Гордость и прерогативы пола были оскорблены этим требованием: дамы сопротивлялись, насколько могли сопротивляться слова и взгляды, выражающие презрение, представителю короля; но они уступали с грацией и удовольствием, когда их просили отдать перчатки во имя рыцарских законов, тех законов, которые были приняты под их покровительством и для их блага. Не было недостатка в рыцарях, готовых рискнуть ради возвращения этих перчаток на равнине; и если чемпионы дам когда-нибудь терпели поражение от более выносливых сынов рыцарства, то галантность судей турнира не позволяла дамам страдать от недостатка мастерства или удачи в избранных ими рыцарях. По истечении тридцати дней оказалось, что против Суэно де Кинонеса выступили шестьдесят восемь рыцарей, а в семистах двадцати семи поединках было сломано всего шестьдесят шесть копий - рыцарское выражение, означающее либо реальное дрожание копий, либо то, что люди были выброшены из седла. Судьи турнира, однако, заявили, что, хотя количество сломанных копий не соответствовало задуманному, но поскольку такое неполное выполнение условий перехода по оружию не было виной Суэно де Кинонеса, они приказали королю-оруженосцу снять цепь с шеи и объявить, что предприятие выполнено: цепь была снята, и освобожденный рыцарь с триумфом въехал в Леон[207].

Рыцари путешествуют и сражаются ради любви дам.

Испанские рыцари во всех случаях проявляли не только храбрость, но и галантность. Когда глашатаи Франции и Англии пересекали Пиренеи, возвещая о турнирах, которые должны были проводиться в честь женской красоты, не было недостатка в испанских кавалерах, чтобы повиноваться звуку и утверждать прелести темноглазых девиц своей страны. Так было принято во все века рыцарства, а в XV веке один из них по приказу своей госпожи доехал до Англии и ради нее пожелал пройти дистанцию с острыми копьями. Его одежда подтверждала его вызов; он носил на руке платок из приятной ткани, которым его возлюбленная одарила его перед тем, как он отправился в опасный поход за честью.[208] Этот исторический факт очень важен, поскольку доказывает, что авторы испанских сказок, описывая глубокую преданность испанской любви, верность, которую не могли поколебать ни время, ни отсутствие, черпали свои картины не из воображаемых оригиналов. Романтики отображали нравы своей нации, как, например, добродушный сатирик Сервантес, который, высмеивая нелепости рыцарского отваги в художественных произведениях, никогда не забывал о

серьезности, доходящей до торжественности, о безупречной вежливости, возвышенности и великодушии кастильского джентльмена.

Пока рыцари Англии восхищались галантностью испанского кавалера, явившегося к ним, чтобы заслужить улыбки своей возлюбленной, другой рыцарь Испании, по имени сэра Джон де Мерло, или Мело, покинул родину, чтобы добавить новые почести к своему щиту. Он явился ко двору Филиппа, герцога Бургундского, который в то время находился в Аррасе, и, объявив, что желает сразиться в поединке, чтобы завоевать ту высокую славу, которая была гурдоном рыцарства, бросил вызов любому благородному рыцарю, чтобы тот сломал с ним три копья. Прошло совсем немного времени, и на этот вызов откликнулся известный и прославленный кавалерист Питер де Бофремон, лорд Шарньи, который в ответ убедил испанца согласиться сразиться с ним в пешем поединке на боевых топорах, мечах и кинжалах. Затем два благородных рыцаря появились в списках на рыночной площади в Аррасе, которая была превращена в наклонную площадку. Судьей списков сидел герцог Бургундский; его окружали герцоги Бурбонский и Гельдрский, графы Рошмон, Вандомский, д'Эстамп и, конечно, вся высшая знать его государства. Затем в списки вошел испанский рыцарь, а за ним - четыре знатных бургундских кавалера, которых герцог назначил для оказания ему почетной услуги. Один из них нес на конце копья небольшое знамя, украшенное его гербом. Другие рыцари несли его копья, и таким образом, без лишней пышности, он учтиво поклонился герцогу Бургундскому и удалился из его присутствия тем же путем, каким вошел по левую руку от его светлости. После паузы, затянувшейся дольше положенного времени, чтобы вызвать у зрителей тревогу, лорд Чарджни пустил своего скакуна по спискам. Его величественно сопровождали три бургундских лорда и английский граф Саффолк, все они несли свои копья. Позади него ехали четыре коня, богато украшенные его оружием и украшениями, с пажами, покрытыми одеждами из кованого серебра; замыкали шествие большая часть рыцарей и оруженосцев герцога Бургундского. Лорд Чарджни грациозно изгибал свое тело, пока его гордый конь исполнял свои караколы, а затем удалился через ворота, противоположные воротам испанского рыцаря. По сигналу герцога зазвучали трубы, рыцари выпрямились, раздался клич герольда: "Faites vos devoirs, preux chevaliers"; и карьера галантных воинов заслуживала самой благородной награды; ведь они опрокидывали копья с таким восхитительным мастерством, что, хотя их оружие дрожало, ни один кавалер не пострадал. Второе и третье блюда прошли с таким же рыцарским размахом, и утреннее развлечение завершилось.

На следующий день герцог Бургундский, сопровождаемый всем своим рыцарством, отправился на рыночную площадь Арраса, чтобы стать свидетелем второй серии этих боевых игр. Лорд Шарньи, как претендент, появился первым; прошел целый час, прежде чем сэра Джон де Мерло вышел на арену, ибо испанец решил отплатить за задержку, которую лорд Шарньи допустил предыдущим утром. Король-оруженосец, прозванный Золотым Руном, объявил в трех разных частях списков, что все, кому не было приказано иначе, должны удалиться на галереи или за перила; и что никто не должен чинить препятствий двум чемпионам под страхом наказания смертью, назначенного герцогом Бургундским. Затем рыцари вышли из своих павильонов, опираясь на боевые топоры. Они были вооружены до зубов, но испанский рыцарь, с более чем свойственной рыцарству смелостью, носил поднятый визор. Они бросились друг на друга стремительной дерзостью и обменялись множеством сильных ударов; но лорд Чарджни был очень недоволен тем, что его противник не закрыл визор. После того как они доказали свою доблесть, герцог Бургундский отбросил своего стражника, и поединок прекратился. Но благородные рыцари сами выступили против столь раннего прекращения рыцарских состязаний, особенно испанец, который в качестве причины своего гнева заявил, что он проделал огромный путь по морю и суше из далекой

страны, чтобы приобрести честь и славу. Но герцог остался непреклонен, лишь успокоив его отказ комплиментом по поводу того, как достойно он выполнил свой вызов; а после этого бургундские дворяне наперебой восхваляли кавалера, который проявил небывалую смелость, сражаясь с поднятым визором. Герцог также принимал его в своем дворце и, восхищаясь его храбростью, сделал ему столько богатых подарков, что расходы на его путешествие были с лихвой возмещены. Вскоре после этого он сел на своего доброго коня и покинул Аррас, возвращаясь в свою страну; долгий и одинокий путь он умиротворял воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущей славе[209].

Угасание испанского рыцарства.

Оставшуюся часть истории испанского рыцарства, а именно его упадок, можно изложить вкратце. Все его боевые формы были уничтожены железным игом австрийского дома; причем настолько совершенно, что в положении вещей, которое наступило после войны щита и копья, испанская пехота заняла ведущее место и была самой искусной в Европе. В битве при Равенне в 1512 году они разгромили рыцарство Франции и доказали превосходство новой системы ведения войны. Однако кое-что из этого превосходства следует отнести на счет духа древнего рыцарства, ведь принципы своей дисциплины оно позаимствовало из античных времен.

В одном отношении рыцарство Испании напоминало рыцарство Европы в период его упадка; ведь с появлением на полуострове печатного искусства старые романы стали первыми объектами печати, как произведения, наиболее отвечающие национальному вкусу. Хотя испанская поэзия теперь была лишь слабой копией итальянской музыки, дух старинной песни иногда дышал, в диких и причудливых нотах, героизмом и любовью других времен. Честь долго сохранялась как жемчужина испанского характера, а рыцарская галантность оставалась интенсивной и образной, ибо арабская литература оставила в испанском сознании впечатления, которые не смогла стереть инквизиция; И вот, в то время как в других странах Европы женщина постепенно лишалась тех божественных совершенств, которыми наделил ее прекрасный и галантный дух рыцарства, и жила среди смертных, как порождение смертной природы, в воображении могильного, задумчивого испанца она сохраняла свое гордое превосходство и по-прежнему была предметом идолопоклонства его сердца.

ГЛАВА. VI.

РАЗВИТИЕ РЫЦАРСТВА В ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ.

Рыцарство не повлияло на общественную историю Германии... Его влияние на имперские нравы ... Нетерпимость и жестокость немецких рыцарей... Их суровость к своим оруженосцам ... Скупость немцев ... Малое влияние немецкого рыцарства ... Замечательное исключение из этого правила... Женский турнир ... Максимилиан, единственный рыцарский император Германии... Поединок между ним и французским рыцарем ... Эдикт Фридриха III. уничтожил рыцарство ... Рыцарство в Италии: лангобарды перенесли рыцарство туда ... Истории о рыцарской галантности ... Но боевого рыцарства в Италии мало... Кондотьеры... Рыцарство на севере... Итальянцы отличные

оружейники, но плохие рыцари ... Рыцарство на юге... Любопытные обстоятельства, связанные с рыцарством в Неаполе ... Способ создания рыцарей в Италии в целом ... Политическое использование рыцарства ... Рыцарская литература ... Рыцарский спорт.

Рыцарство не повлияло на общественную историю Германии.

Рыцарство можно рассматривать либо в политическом, либо в военном аспекте, либо как влияние на судьбы народов, либо как влияние на способ и обстоятельства войны. В Германии оно не предлагает нам никаких обстоятельств первого класса. Германия была связана с Италией больше, чем с любой другой страной Европы в средние века. Войны императоров за королевство Италия не исходили из каких-либо принципов или чувств, которые можно было бы назвать рыцарскими; и никакая изобретательность не может превратить ожесточенные состязания между папами и императорами в рыцарские поединки. Рыцарство Германии редко вступало в щедрое соперничество с рыцарством какой-либо другой страны; и при обстоятельствах, не оставляющих сомнений в исходе дела, если бы в бой вступило рыцарство Англии или Франции, императорские рыцари дрогнули бы перед частично дисциплинированным ополчением. В Италии власть Милана была более страшной, чем власть императора Фридриха Барбароссы; и он покорил северные государства не столько силой своего рыцарства, сколько привлечением на свою сторону их городов, ревниво относившихся к власти миланцев. Через несколько лет после этого города Ломбардии образовали против него лигу; и когда вопрос о независимости Италии обсуждался в оружии, ополчение городов одержало победу над цветком немецкого рыцарства в битве при Леньяно. После этого Германия так и не смогла окончательно восстановить свою власть. Этому препятствовали многие политические обстоятельства и моральные причины; но главной и преобладающей причиной была слабость ее военной силы.

Немцы ничего не изобрели в рыцарском искусстве и ничего не позаимствовали у превосходных институтов других стран. В начале пятнадцатого века неполноценность их рыцарства проявилась со всей очевидностью. Немецкие кюрасиры, с которыми император Роберт спустился в Италию, не смогли справиться с кондотьерами Якопо Верме, которые защищали государства Джан Галеаццо Висконти. Оказалось, что лошади немцев не так хорошо обучены, как у итальянцев, а доспехи рыцарей тяжелы и громоздки; таким образом, фанатичная привязанность немцев к древним обычаям спасла Италию от порабощения.^[210] Немецкие кюрасиры были столь же бессильны против выносливого крестьянства Швейцарии.

Ее влияние на имперские нравы.

Хотя в публичной истории, но в том, что можно назвать нравами империи, не было одной большой рыцарской черты. Достоинство служения проявлялось самым ярким образом. Самые гордые дворяне были слугами императора, его дворецким, его сокольничим, его маршалом, его камергером; и постепенно, как известно каждому изучающему историю Германии, главные государственные чиновники узурпировали у других дворян право избирать императора.

Нетерпимость и жестокость немецких рыцарей.

Рыцарство было известно в Германии прежде всего как воплощение свирепого духа религиозных преследований. Поэтому народ с ожесточением, не сдерживаемым рыцарской

галантностью, отправился в крестовые походы в Святую землю и безрассудно лил свою лучшую кровь в погоне за призраком. Пруссия и другие страны на севере Германии запоздали с принятием христианства, и меч стал инструментом обращения. Тевтонские рыцари были особенно активны в этом благочестивом деле, когда мамлюкские татары изгнали их из Палестины. В других странах защита церкви и военные действия против неверных, хотя и считались рыцарскими обязанностями, не выходили за рамки других обязательств: но в Германии они занимали столь видное место, что кавалерист считал себя обязанным, согласно общей рыцарской присяге, готовиться к бою в момент объявления войны либо против неверных, либо против еретиков[211].

Немецкий рыцарь отличался по характеру от рыцарей других стран, хотя его воспитание было схожим. Ход этого воспитания подробно описан в одной из самых интересных немецких поэм, *Das Heldenbuch*, или "Книге героев".

"Принцев молодых учили защищать всех дам прекрасных,
Священников они плохо чтили и к мессе приучали;
Всему святому христианскому учению их учили, уверяю я":
Хьюдиетрик и его благородная королева заставляли священников вести их правильно.

Бехтунг учил их рыцарским играм; на боевого коня крепко садился;
прыгать и защищаться; метко бить;
Ловко наносить удары и далеко метать копье:
Отсюда победа, которую они одержали во многих кровавых войнах.

Прямо перед грудью нести весомый щит,
В бою и на турнире причудливо владеть мечом;
Крепко зашнуровывать шлемы, когда позовут на бой,
Всех королевских братьев Бехтунг научил правильно.

Он научил их с равнины далеко бросать тяжелый камень;
Могуча была их сила, и страшен был удар:
Когда над равниной раздался громкий звук тяжелого камня,
На шесть вёрст отбросил их Вольфдитерик Гордый"[212].

Жестокость рыцарей по отношению к своим оруженосцам.

Хотя воспитание оруженосца в Германии напоминало воспитание оруженосца в других странах, все же его состояние не было столь же счастливым. Обязанности немецкого юноши были мучительны; и, хотя они были рутинными, как, впрочем, и многие обязанности всех оруженосцев, они не были одарены теми смягчающими обстоятельствами нравов, которые отличали рыцарское воспитание во Франции и Англии.[213] Оруженосцы также чаще всего были людьми скромного происхождения, чем благородного состояния; и рыцарство, таким образом, не всегда было наградой за их труды. Рыцари были жестоки и суровы к своим молодым сопровождающим. Однажды случилось, и это обстоятельство иллюстрирует общее состояние нравов, что, когда рыцарь находился в разгар баронского веселья, трое его оруженосцев вбежали в зал с диким страхом и стояли перед ним в трепете. Он холодно спросил, где остальные. Как только страх позволил им заговорить, они сказали, что весь их отряд сражался с его врагами и что восемь из них пали. Совершенно не тронутый судьбой своих храбрых и преданных друзей, думая лишь о строгости дисциплины, он ответил: "Вы верно служите: кто велел вам ехать без моего приказа?"[214] Что ж, действительно, мы можем сказать вместе со старым немецким авторитетом этой истории, что человек,

занимавший должность оруженосца, познал, что такое чувствовать глубину боли и бесчестья.

Ни одна страна не была так опустошена частными войнами в средние века, как Германия; и рыцарство, вместо того чтобы улучшить способ ведения войны, приобрело характер дикости от вечной сцены ужаса[215].

Скупость немцев.

В Германии не было ни Бертрана дю Гесклена, ни Черного принца, ни Манни, ни Чандоса: рыцарство тевтонских кавалеров отличалось грубостью от его состояния у других народов. Гуманитарные науки, которые, согласно принципу христианского рыцарства, должны были перекинуться через суровый фронт войны, в Германии почти не ощущались, хотя именно Германия была колыбелью рыцарства. Мне нет нужды повторять жестокости, которым подвергся Ричард Кёр де Лев во время своего возвращения из Святой земли. Два века спустя, когда в других странах рыцарство достигло своего высокого и пышного расцвета, немцы продолжали оставаться нелюбезными рыцарями. Они были высоким и гордым народом, никогда не принимавшим чужеземных кавалеров в товарищество и братство. Но жадность была их самым отвратительным качеством и окончательно уничтожила все чувства чести. "Когда немец берет пленного, - говорит Фруассар, - он сажает его в кандалы и в тяжелую тюрьму без всякой жалости, чтобы заставить его заплатить больше денег и выкупа"[216] Когда возникла вероятность войны между Германией и Францией, французские советники отговаривали своего короля Карла V от мысли вступить в нее лично, учитывая характер противника. Говорили, что если король отправится в Германию, то шансов на его возвращение будет мало. "Когда они (немцы) узнают, что король и все великие дворяне Франции вошли в их страну, они тогда соберутся все вместе; и, лучше зная землю, они могут нанести нам большой ущерб; ибо они - народ жадный, прежде всего. У них нет жалости, если они одерживают верх; и они жестоко обращаются с пленниками: подвергают их различным мучениям, чтобы заставить их сделать свой выкуп еще больше; и если у них в плену оказывается лорд или великий человек, они очень радуются этому и увозят его в Богемию, Австрию или Саксонию, и держат его в каком-нибудь необитаемом замке. Это люди хуже сарацинов или пайнимов, ибо их чрезмерная жадность подавляет познание чести"[217].

Малое влияние немецкого рыцарства.

Рыцарство как средство исправления пороков феодальной разнузданности нигде не было так необходимо, и нигде оно не было так известно, как в Германии. Невозможно преувеличить беззакония дворянства и, боюсь, духовенства на протяжении всего того долгого периода, который называют веком рыцарства. Каждый замок был логовом разбойников; и архиепископ считал, что у него есть неплохой доход, когда строил свою крепость на пересечении четырех дорог.[218] Чтобы уберечь народ от хищности и жестокости этих благородных и церковных разбойников, рыцари-отступники иногда прочесывали равнину; но этот способ исправления был очень несовершенен. Угнетенные и обиженные люди находили убежище именно в городах и поселках, которые находились под защитой императоров. Хотя немецкие историки редко упоминают о защитном влиянии рыцарского отряда, они постоянно рассказывают о пользе городов и убеждают читателей в том, что именно тирания дворян стала причиной их роста. В XIII и XIV веках существовали конфедерации между городами и конфедерации между дворянством: первые объединения создавались для отражения агрессии вторых. Это особенность немецкой истории, совершенно неизвестная другим странам великой европейской республики и отличная от рыцарского происхождения или рыцарских последствий.

Примечательное исключение из этого правила.

За исключением случайных авантюрных действий рыцарей-отступников, рыцарство лишь однажды участвовало в подавлении зла того времени, и с интересными обстоятельствами этого случая переплетается одна из самых забавных историй во всей длинной летописи рыцарства. Горожане, перевозившие свои товары из одного места в другое, ужасно страдали от грабежей баронов; и, обнаружив, что оружие, которым пользовались простые люди, было недостаточной защитой, они мудро и смело вооружились на манер своих врагов. Они орудовали копьем и мечом, ездили на тяжелых боевых конях, практиковали турниры и другие боевые игры и даже посещали турниры в замках и при дворах, принимая по случаю гербовые знаки знатных семей, которые находились вдали от места событий. Это состояние гражданства настолько напоминало рыцарство, что во всех замках на Рейне жили не только бароны и рыцари.

Женский турнир.

В XIV веке группа смелых и богатых бюргеров обосновалась со своими женами и детьми в одной из самых больших крепостей, чтобы оградить себя от мародерства дворян. Они стали настолько сильными, а их поведение было настолько рыцарским, что некоторые соседние рыцари заключили с ними союзы. Один могущественный барон досаждал им различными способами, и после различных сражений каждая сторона была готова к тому, что войну закончат слова, а не меч. Поэтому они встретились на пограничной территории и, уладив непосредственный спор, обнялись как рыцарские братья. Пока эти рыцари-граждане отсутствовали, оставшиеся женщины радостно собрались на солнечной равнине, раскинувшейся перед замком. Они ходили взад и вперед, и каждая дама восхваляла боевые качества своего господина. По мере того как речь шла, они вдохновлялись той героической храбростью, которую восхваляли, и в конце концов приказали вывести боевых коней с доспехами и оружием, решив устроить турнир. Вскоре они уже были в седле и вооружены и назвали имена своих мужей. Была среди них и девица, но так как скромность не позволяла ей взять имя мужчины своего положения, она выбрала титул соседнего герцога. Она выполняла боевые упражнения с такой силой и ловкостью, что большинство замужних женщин были сброшены ею с седел и дорого заплатили своими ранами за свое безрассудство и авантюризм. Затем они покинули равнину, а те из них, кто был ранен, удалились в свои покои, строго приказав слугам и пажам ничего не разглашать о случившемся. Когда рыцари вернулись и обнаружили, что лошади покрыты пеной и пылью, а дамы не встречают их, они заинтересовались причиной столь неожиданного появления. Некоторое время ответа не было, но в конце концов они напугали мальчика, рассказав ему подробности. Они весело смеялись над глупостью своих жен, а когда вскоре после этого встретили на празднике рейнских рыцарей, то заставили зал разразиться эхом этой истории, и вскоре она разнеслась по всей Германии. Герцог, под чьим именем были завоеваны почести на турнире, был удивлен и обрадован героизмом девицы. Он разыскал ее, одарил богатыми подарками, не только деньгами, но и боевым конем и нежной полукровкой, и соединил ее почетным браком с богатым мещанином[219].

Максимилиан - единственный рыцарский император Германии.

В характере императоров Германии, как видно из их общественной жизни, мало что можно отметить рыцарского. Фредерики и Отосы больше похожи на наших норманнских Уильямсов, чем на наших Плантагенетов Эдвардов. Необычно, что единственным рыцарским императором в Германии был принц, в правление которого немецкое рыцарство прекратило

свое существование. Максимилиан I был воспитан в строжайшей рыцарской дисциплине. Все его юношеские занятия были связаны с рыцарской выправкой; немецкие писатели любили повторять, что, когда он был еще ребенком, его и еще одного мальчика катали на спинах людей и сражались на деревянных мечах в подражание поединкам[220].

Поединок между ним и французским рыцарем.

Впоследствии он стал очень галантным кавалеристом. Когда в 1495 году он проводил свои штаты в Вормсе, в город прибыл французский рыцарь по имени Клод де Батр и объявил своим герольдом, что готов встретиться в бою с любым немецким рыцарем, который готов поставить на карту жизнь, конечности или свободу, или побороться за любое рыцарское отличие в личной схватке. Среди присутствовавших дворян и рыцарей никто не захотел принять вызов, поскольку, помимо сообщений о гигантской силе француза, слава вооружила его сверхъестественными и сатанинскими силами. Мужественный Максимилиан не мог смириться с тем, что немецкое рыцарство будет храбро и бородато перед чужаком, и послал герольда со своим собственным щитом, украшенным гербами Австрии и Бургундии, чтобы тот положил его рядом со щитом француза. Император и рыцарь договорились, что утром десятого дня с этого времени они появятся на публике, вооруженные, и будут сражаться до последнего. Лицо побежденного должно было оставаться в распоряжении победителя. Поединок считался делом более интересным и важным, чем государственные дела, для решения которых был собран сейм. В назначенное утро все храбрецы и все красавицы Германии собрались вокруг великолепных списков, которые император воздвиг для этой цели. Труба герольда привлекла внимание зрителей, второй раскат заглушил ропот, а когда прозвучал третий, самый громкий взрыв, Максимилиан и Клод де Батр стремительно пронеслись вперед через противоположные ворота в списки и столкнулись копьём с копьём. Их оружие разлетелось в щепки, и они выхватили мечи. Бой был долгим и упорным, но мастерство французского рыцаря лишь возвысило героизм императора: в конце концов Максимилиан обезоружил своего противника и доказал превосходство немецкого рыцарства[221].

Эдикты Фридриха III. уничтожили рыцарство.

Именно Фридрих III, отец Максимилиана, нанес первый удар по древнему рыцарству Германии. Он издал указ, разрешавший гражданам получать рыцарское звание; это разрешение запятнало блеск ордена и вызвало отвращение у старых кавалеров.[222] Эта мера была роковой, поскольку Германия больше других стран завидовала чистому благородству своего рыцарства. Рыцарство было скорее дополнением к званию, чем наградой за заслуги; немцы с большим вниманием относились к четвертям щита, чем к боевым заслугам его носителя, с большим желанием отмечали подвиги его предков, чем свои собственные. Эдикт Фредерика уничтожил рыцарскую гордость. Рыцарство стали присваивать мальчикам, едва способным выполнять обязанности оруженосцев, и детям у купели крещения. Но, по правде говоря, уничтожение рыцарства в Германии не было настоящим злом. Рыцарство не было идеальной защитой империи, в чем австрийцы и швабы убедились в ходе противостояния с венграми.

В частности, однажды, в XIII веке, рыцари и оруженосцы Германии были изранены на равнинах Венгрии стрелами врага и тщетно желали близкой и личной встречи. Один австрийский лучник посоветовал рыцарству, с которым он служил, отступить и отвлечь венгров от их домов. Рыцари и оруженосцы из гордости и подозрения в верности этого человека отвергли этот совет; но опасность надвигалась, ливень стрел становился все гуще и чаще, а австрийские и швабские лошади, имевшие лишь частичную броню, были либо

убиты, либо лишены управления. Каждый рыцарь следил за лицом своего товарища, чтобы прочесть в нем надежду или совет, пока наконец один из них не воскликнул: "Давайте пошлем гонца к этим подлым врагам, приглашая их к миру или к мужественному и рыцарскому поединку за честь и любовь дам". Послали оруженосца, но он был ранен венгерской стрелой. Тогда австрийский вождь призвал к себе опытного рыцаря, велел ему ехать к венгерскому генералу и призвать его своим рыцарским достоинством прекратить этот бесчестный поединок. Старый воин ответил, что если бы он повез такое послание, то венгр непременно ответил бы, что он не такой дурак, чтобы ставить своих незаряженных людей в ровный и равный строй против облаченного в кольчугу рыцарства Австрии; и что если австрийцы сбросят свои доспехи, то венгры будут сражаться с ними врукопашную.

Опасность становилась все более неотвратимой, и у немцев не было никакой надежды на спасение; ведь они не могли рассчитывать, что сдача лошадей и оружия и почетный договор о выкупе их собственных людей, как если бы они сражались с рыцарством Франции, удовлетворит врага. В конце концов, они были вынуждены сдаться по своему усмотрению; интересно отметить, что австрийский лучник, чей совет был презрен, и который, судя по всему, мог бы спастись, если бы захотел, остался на своем месте и благородно разделил участь своих господ. Вместо того чтобы встретить рыцарскую любезность, все они были отведены в Венгрию и коротали свои дни в тюрьме[223].

Можно было бы привести множество других примеров неэффективности германского рыцарства, но истина настолько очевидна на каждой странице истории Германии, что нет необходимости в особых примерах. Его падению способствовали и другие обстоятельства. Привилегии рыцарства были признаны императорами неудобными. На поле боя кавалеры часто претендовали на независимость, которая вредила императорской власти. Поэтому Максимилиан I ввел в свою армию наемников. Те из них, кто был выходцем из других стран, принесли с собой все хорошо отработанные виды войны и подняли военную мощь Германии на один уровень с другими народами Европы. Несоответствие немецкого рыцарства нынешним временам было настолько очевидным, что никто не желал возрождения рыцарского духа. Рыцарство перестало быть национальной чертой, а его знаки отличия и почести перешли ко двору и стали знаками императорской благосклонности[224].

Теперь мы перейдем через Альпы в

ИТАЛИЮ.

Лангобарды принесли рыцарство в Италию.

Мы поднимемся достаточно высоко в древность народов, если заметим, что система нравов, из которой возникло рыцарство, была принесена лангобардами из Германии на север Италии. У них на новом месте, как и на прежнем, право на ношение оружия было отличием, дарованным государством, а не предметом частной воли и выбора. Сын не смел садиться за один стол с отцом. Для обучения молодежи военному делу по воскресеньям и на праздниках устраивались публичные зрелища, имитирующие рыцарские поединки. Город или поселок делился на две части, каждая из которых имела своих защитников. Инсценировки сражений были общими или между небольшими отрядами, оружие делалось из дерева, шлемы были надежно подбиты, а молодые воины демонстрировали великолепные знамена, украшенные причудливыми знаками.[225] Увлечение пешней, отличавшее готский род от латинского и большинства южных племен, было распространено у лангобардов[226]: но более всех

остальных тон рыцарской галантности был задан италийцам даже этими длиннобородыми варварами.

Истории о рыцарской галантности.

Антарис, один из лангобардских королей, добивался в жены Теуделинду, дочь короля Баварии; не желая судить чужими глазами, он переоделся частным человеком и сопровождал своих послов к баварскому двору. После обсуждения условий брака и проведения церемоний переодетый принц вышел к собравшимся и, приветствуя короля, заявил, что он личный друг Антариса, который желает получить от него описание прелестей дамы. Теуделинда появилась, и первый же взгляд убедил Антариса в том, что она достойна его любви. Он не выдал собранию своего звания, но, не сумев скрыть своей радости, коснулся руки царственной особы, когда она подносила ему кубок с вином; и придворные матроны, прекрасно распознававшие признаки страсти, шепотом заверили, что такой дерзкий акт знакомства не мог совершить ни простой общественный, ни личный представитель Антариса[227].

В течение нескольких столетий рыцарство проливало лишь редкие и мимолетные отблески света на мрачную пустошь итальянской истории, и я могу выделить лишь одно событие, которое рисует в прекрасных красках дух романтической галантности. Женой Лотаря, короля Италии с 945 по 948 год, была Аделаис, принцесса из Бургундского дома. Лотарь был свергнут, возможно, убит своим министром Беренгером, и узурпатор с жестокостью страха преследовал Аделаиду, которую монашеские летописцы описывали как молодую и красивую, и рыцарство не станет противоречить этому описанию. Он заточил ее в подземелье; и, как будто личное оскорбление было его лучшей защитой, он лишил ее драгоценностей и королевских одежд. Женщина-служанка была ее единственной спутницей в течение четырех месяцев заточения, где она была вынуждена терпеть все унижения, которым может подвергнуться благородный ум. О ее жалком положении узнал священник по имени Мартин, который не утратил человеческих чувств в монастырском затворничестве. Он немедленно принялся за ее спасение и, незаметно для ревнивых стражей, проделал в земле и стенах отверстие, достаточное для того, чтобы туда могла пройти стройная женская фигура. Он принес в темницу мужские одежды, чтобы обмануть глаза тюремщиков, и, облачившись в них, Аделаис и ее сопровождающий совершили побег. У входа в проем их встретил верный монах, который бежал с ними в наиболее вероятное безопасное место, в лес у озера Бенакус. Все необходимое им предоставил один бедняк, который добывал себе пропитание ловлей рыбы в озере. Оправившись от усталости и тревоги, Мартин покинул лес, чтобы найти для своего друга более надежное убежище. Он отправился к епископу Реджио, который, хотя и был гуманным и благонамеренным человеком, не смог противостоять могуществу Беренгера. Но дело не было безнадежным, поскольку он помнил, что в неприступной крепости Каносса обитает добродетельный и отважный рыцарь. Поэтому Мартин обратился к нему, и Аццо выслушал его жалобу. Он с отборным отрядом кавалеров облачился в сбрую и, отправившись к озеру Бенакус, проводил оттуда преследуемую Аделаиду в крепость Каносса. И это было сделано хорошо и по-рыцарски, ибо добродетель была защищена, и, обеспечив эту защиту, Аццо бросил вызов власти короля Италии. Дальнейшая судьба Аделаиды не входит в мою компетенцию. Изучающий историю Италии знает, что она вышла замуж за Оттона Великого, императора Германии, и что этот брак стал главной причиной объединения суверенитетов Германии и Италии[228].

Но военного рыцарства в Италии мало.

Кондотьеры.

Рост и развитие рыцарства в последующие времена сдерживали политические обстоятельства. Главным из них было образование республик на севере Италии в XII веке. Власть феодальной знати была гораздо меньше, чем в любой другой стране, и дворяне были скромными союзниками городов.^[229] Горожане полагались скорее на безопасность своих укреплений, чем на собственные силы в поле, поскольку их пехота не могла противостоять атакам итальянской конницы; и, за исключением тех дворян, которые были в союзе с ними, их силы состояли из пехоты. Превосходство рыцарских дружин различных лордов и феодальных князей Италии над ополчением городов^[230] стало одной из главных причин великой политической революции - превращения республик в тирании. Когда власть рыцарей над вооруженными бюргерами стала очевидной, а города не располагали достаточным количеством конницы, возникла практика нанимать на службу отряды улан, которые обычно были джентльменами с небольшим состоянием, но с большими притязаниями, и которые считали войну самым легким способом удовлетворения своих гордых и роскошных желаний. В четырнадцатом веке в военных делах Италии произошла еще одна большая перемена. Я изложу ее читателям в ясном изложении английского историка этой страны. "Последовательные походы Генриха VII, Людовика Баварского и Иоанна Богемского наполнили Италию многочисленными отрядами немецкой кавалерии, которые, после отставки своих государей, легко поддавались искушению остаться в богатой и красивой стране, где их услуги охотно требовали, а за них экстравагантно платили. Революция в военном искусстве, которая в предыдущем веке установила неоспоримое превосходство конной армии над мящанской пехотой, приучила каждое государство доверять свою безопасность наемной кавалерии; и особенно лангобардские тираны, которые основывали свою власть на этих силах, быстро обнаружили преимущество найма иностранных авантюристов, которые не были связаны с их недовольными подданными ни узами страны, ни общностью языка. Их примеру вскоре последовали повсеместно, туземная кавалерия впала в странное уныние, а итальянцы, не будучи побежденными в поле, непонятным образом уступили решение своих споров и превосходство в храбрости и военном мастерстве наемникам из других стран. Когда этот обычай нанимать иностранные войска был однажды введен, новые стаи авантюристов постоянно привлекались из-за Альп, чтобы собрать богатую жатву и добычу, которые были разложены перед ними. В стране, вечно взбудораженной войнами между многочисленными государствами, они находили постоянное занятие и, что им нравилось больше всего, необузданную вольность. Встав под знамена избранных вождей - кондотьеров, или капитанов наемных отрядов, - они переходили разными по численности телами с одной службы на другую, когда истекал срок их контракта или появлялся соблазн более высокой оплаты; их вожди и они сами были одинаково безразличны к делу, которое поддерживали, одинаково неверны, хищны и наглы. По любому пустяку они были готовы перейти на сторону врага: их скупость и вероломство редко были устойчивы к соблазнам; и хотя их регулярное жалованье было в пять или шесть раз больше в деньгах того времени, чем в современных армиях, они требовали большого вознаграждения за каждый успех. Поскольку им обычно противостояли войска того же состава, которых они считали скорее товарищами, чем врагами, они сражались без особого усердия и специально затягивали свои вялые операции, чтобы обеспечить себе постоянное вознаграждение. Но, не причиняя друг другу особых убытков, они подвергали страну, которая была театром состязаний, всем ужасам войны: грабили, жгли, нарушали и истребляли с дьявольской свирепостью"^[231].

Постепенно эти иностранные кондотьеры, когда они не находились на службе у какой-либо державы, вели войну как независимые государи; и у Италии появился новый повод раскаться в ревности, которая заставляла ее не доверять собственным сыновьям. Они сражались с удесятенной яростью теперь, когда борьба велась не одним отрядом кондотьеров против другого, а против самих итальянцев, с которыми их не связывали никакие природные узы; и кавалерийская щедрость настолько не могла смягчить ужасы их войн, что один авантюрист, имя которого было Вернер, а страна - Германия, заявил в надписи, красовавшейся на его корсете, что он - "враг Бога, жалости и милосердия". Но власть этих иностранных кондотьеров не была вечной. Природа восстала, чтобы отстоять свои права; и среди итальянцев нашлось немало смельчаков, которые если и не пылали славой, то ревниво относились к чужому владычеству. Компания Святого Георгия, основанная Альберико де Барбиано, вождем мародеров из Романьи, стала школой итальянских генералов. В XV веке во главе войска каждого государства стоял итальянец, а то и коренной житель; , а когда император Роберт перешел Альпы с германской армией, миланцы во главе с Якопо дель Верме встретили его у Брешии и свергли все рыцарство.

Рыцарство на севере Италии.

На севере Италии никакие рыцарские гуманности не смягчали мстительность итальянского ума. Воины никогда не принимали пленных для выкупа. Летописи их состязаний лишены тех изящных любезностей, которые проливают такой прекрасный блеск на состязания Англии и Франции. Ни одному кавалеристу не приходило в голову сражаться ради своей дамы, и благосклонность дамы никогда не сочеталась с его геральдическими знаками отличия. Не было регулярных отступлений на войне, как в других странах: честь, этот движущий принцип рыцарства, не была известна; цель завоевания рассматривалась как исключение из славы и военных отличий. Стратегемы были столь же распространены, как и открытая и славная битва; частные обиды возмещались убийством, а не честным и мужественным поединком на выбывание; и все же, когда человек давал слово совершить какой-либо поступок и хотел, чтобы в его искренность поверили, он всегда клялся *parola di cavaliere*, а не *di cortigiano*; таким общим и убедительным было признание морального превосходства рыцарства. Я не знаю ничего в истории Средневековья, более мрачного от преступлений , чем войны итальянцев, - ничего, что по контрасту более ярко демонстрировало бы рыцарские милости; и все же итальянские кондотьеры были храбры до самой вершины доблести. Перед ними немецкое рыцарство дрогнуло, как раньше перед городскими ополчениями.

Итальянцы отличные оружейники, но плохие рыцари.

В глубоких чувствах и пылом и восприимчивом воображении итальянцев рыцарство, казалось бы, могло вознести свой самый прекрасный триумф; но рыцарство не вязалось с духом наемничества, а подлая выгода была единственным мотивом итальянских воинов. Их острый и умный ум опередил большинство других людей в военных изобретениях. Им, в частности, принадлежит введение длинного и острого меча, от которого не защищал ни хауберк, ни почтовый плащ. Они первыми придали тон военному костюму: они были самым изобретательным народом Европы в средние века, и их превосходство в механическом искусстве признавалось повсеместно. Читатель английской истории может вспомнить, что во времена правления Ричарда II граф Дерби, впоследствии Генрих IV, отправился в Милан за доспехами в связи с предстоящей битвой с Томасом, герцогом Норфолкским. Сэр Галеас, герцог Миланский, не только предоставил посланнику лучшее из своей коллекции, но и позволил четверем миланским оружейникам сопровождать его в Англию, чтобы граф мог быть правильно и полностью укомплектован. Миланские доспехи сохранили свою репутацию даже в те времена, когда другие страны приобрели определенное мастерство в

механическом искусстве. В 1481 году герцог Бретани приобрел в Милане различные кирасы, а в отчетах о поединках и турнирах часто упоминается превосходный нрав и красота итальянской упряжи[232].

Рыцарство на юге Италии.

На юге Италии рыцарство царствовало дольше и ярче. Некоторые из его обычаев были введены лангобардами, когда они основали свое королевство в Беневентуме; другие были насаждены норманнами, этим народом рыцарского авантюризма. Рыцарство было государственным орденом, который пользовался большим уважением и был очень желанным; но его слава иногда омрачалась принятием недостойных членов, и в 1252 году император Фридрих II был вынужден издать в Неаполе указ, запрещающий принимать в него тех, кто не принадлежал к знатному роду.

Однако наиболее полное впечатление рыцарский характер на умы итальянцев произвел в Анжуйском доме, когда Карл и его французы завоевали Неаполь в 1266 году. Юг Италии, по-видимому, был гораздо менее развит в цивилизации, чем торговые города севера; но анжуйские монархи превратили Неаполь в пылающий роскошью город. В Италии не было ничего столь блистательного, как кавалькада Карла. Золотые воротники французских лордов, сюртуки, вымпелы и плюмажи рыцарей, карета королевы, обитая синим бархатом и украшенная золотыми лилиями, превзошли по великолепию все прежние представления.[233] Въезд Карла был праздником; по этому случаю рыцарское звание присваивалось всем, кто этого просил. Короли Анжуйского дома делали вид, что возрождают правила Фредерика II; но вскоре они ослабили их и давали воинский пояс простолюдинам, которые не могли доказать, что их предки были рыцарями.

Любопытные обстоятельства, сопутствующие рыцарству в Неаполе.

Когда в Неаполе кого-либо посвящали в рыцари, епископ или другой церковный деятель, помогавший при инаугурации, не только приказывал получателю защищать церковь и соблюдать обычные рыцарские обязанности, но и увещевал его не подниматься с оружием в руках против короля ни по каким причинам, ни при каких обстоятельствах. К увещеванию была добавлена любопытная фраза: "Если ты окажешься неверным своему государю, тому, кто собирается сделать тебя рыцарем, ты должен сначала вернуть ему пояс, которым тебя сразу же наградят; и тогда ты сможешь вести против него войну, и никто не упрекнет тебя в предательстве; в противном случае ты будешь прославлен как бесчестный и достойный смерти". Пример страха перед этим обвинением в предательстве произошел, когда принцы Бизаньяно и Мельфи, герцог Атри и граф Маддолини вернули Людовику XII, королю Франции, ошейник Святого Михаила (которым он их наградил), когда Фердинанд Католик вступил во владение королевством[234].

Рыцарство было очень востребовано из-за его привилегий, а также титула. Оно освобождало счастливого обладателя от уплаты налогов и давало ему возможность наслаждаться королевскими и благородными развлечениями - погоней. Но анжуйские монархи были столь расточительны в предоставлении рыцарской чести, что она перестала быть отличием, а в правление последних принцев этого дома орден выродился в тщетный и пустой титул.

Способ создания рыцарей в Италии в целом.

Таково было общее состояние рыцарства в Северной и Южной Италии; но были и некоторые обстоятельства, общие для всех частей полуострова. Дворяне посвящали друг друга в рыцари с помощью праздничных и религиозных церемоний, бани[235], смотра оружия, священных и военных зрелищ, или же простым ударом меча и увещанием "Sii un valoroso cavaliere", когда два древних рыцаря застегивали на нем золотые шпоры. В 1294 году Аццо, маркиз Эсте, был посвящен в рыцари Герардом, лордом Камино, на публичной торжественной церемонии, состоявшейся в Ферраре. Кане, лорд Вероны, в 1328 году оказал рыцарскую честь тридцати восьми молодым дворянам, подарив им золотые пояса и прекрасных боевых коней.[236] В Италии был обычный набор рыцарей и оруженосцев, cavalieri и scudieri; но я не могу найти упоминаний о пажах, отличных от оруженосцев и сопровождавших своих господ; разве что это были domicelli, или donzelli, которые, однако, по предположению Муратори, были оруженосцами благородного звания. Все оруженосцы рыцарей не были знатного или благородного происхождения, иначе мы не должны были бы часто встречать в итальянских анналах средних веков выражение "почтенные оруженосцы".

В XIV веке рыцари имели четыре титула, в соответствии с различными способами их создания: Кавалери Баньяти, или рыцари бани, которых посвящали с величайшими церемониями, и предполагалось, что после погружения они освобождались от всех пороков и нечистот; кавалери Корредо, или те, кто был облачен в темно-зеленое платье и золотую гирлянду; кавалери Скудо, или те, кто был создан либо людьми, либо дворянами; и кавалери д'Арме - те, кто был создан либо перед битвой, либо во время нее.[237]

Многие рыцарские ордена были известны в Италии: некоторые (но их история не представляет интереса) были присущи только ей; другие же, такие как орден рыцарей Святого Иоанна и Храма, имели свои прецептории и командорства в этой стране. И, чтобы расширить обстоятельства, о которых говорилось в другом месте, любопытно заметить, с какой ловкостью рыцарство приспособлялось к нравам и обычаям того или иного общества. Торговые города на севере Италии соперничали в силе с феодальной знатью и превосходили ее по богатству. Рыцарство почиталось как изящное украшение всеми сословиями, и ни одно из них не проявляло большего рвения, чем новые семьи, которых богатство возвело в ранг гражданских. Строгость принципов рыцарства противилась их инвеституре; но эти принципы были уступлены, и коммерческая гордость была удовлетворена уступкой аристократической надменности, чтобы сыновья людей, занимающихся торговлей, могли стать братьями рыцарских орденов.

Политическое использование рыцарства.

Знаки отличия простого рыцарства, однако, давались без разбора, безотносительно к рождению или положению. Каждый город брал на себя право даровать его; после великой битвы он без разбора сыпался на тех, кто проявил свою храбрость, будь то вооруженные бюргеры или кондотьеры. И это была мудрая мера итальянских городов: ведь рыцари всегда были обязаны хранить верность тому, от кого они получили эту честь.[238] Забавно наблюдать, что в 1378 году флорентийская толпа остановилась в своих убийствах и грабежах, чтобы поиграть с изящными рыцарскими знаками; и, подражая власти города, они настояли на том, чтобы одарить рыцарством своих фаворитов.

Рыцарская литература.

Рыцарство оказало, пожалуй, большее влияние на литературу и нравы итальянцев, чем на их военные обычаи. Бродячие менестрели из Франции и Испании рассказывали на улицах Италии истории о воинских подвигах и женской любви, особенно истории о Роланде и Оливере, паладинах Карла Великого, которые также были предметом песен и декламации,

даже артистами на сцене самого раннего театра в Милане.^[239] Большая часть популярной литературы Италии состояла из романсов; главными темами их были ратные и любовные подвиги Карла Великого и его паладинов, хотя однажды Буово д'Антина, рыцарский герой, который сражался и любил до эпохи этих героев, стал темой тосканских стихов. Войны Карла Великого и его паладинов с сарацинами были впоследствии воспеты более благородной музой Пульчи и Боярдо, а затем Ариосто, который, не ограничиваясь общими запасами романтической фантастики, так же свободно заимствовал из сказаний об Артуре, английских и арморских рыцарях, как и из тех, что касаются Карла Великого и пэров Франции, и набросил на все это изящную мантию восточного колдовства. Таким образом, рыцарские обязанности по обращению язычников, обожанию дам, сражению во имя неба и женщины были представлены в сознании итальянцев; и Гомер из Феррары пробуждал мужество, смягчал любовь или жалость в сердцах рыцарей и дам, воспевая войны и любовь дней, которые его поэзия сделала яркими и золотыми.

Рыцарские виды спорта.

Это были литературные развлечения Италии; предметы декламации в баронском зале и уединенного чтения в дамской беседке: этими произведениями итальянцы питали свое воображение, и рыцарский вкус распространялся на манеры общественной и частной жизни. Развлечение охоты на ястребов, которое, как мы видели, ввели отцы рыцарской Италии, было распространено при каждом дворе; а феррарских принцев обычно сопровождала сотня сокольников, настолько гордыми и величественными были их выступления. Каждое великое событие отмечалось турниром или триумфальным шоу. Данте говорит о турнире как о привычном развлечении четырнадцатого века.

--"e vidi gir gualdane,
Ferir torneamenti, e correr giostra."
Inferno, c. 22.

Уже в 1166 году, по случаю беседы Фредерика Барбароссы с папой Александром в Венеции, рыцарская и гражданская пышность отметила их дружбу. Спустя два столетия после этого восстановление Кипра предоставило прекрасную возможность для военной демонстрации. Рыцари стекались в Венецию из Англии, Франции и всех стран Запада и демонстрировали свое мастерство в элегантном, но опасном поединке турнира. Здесь же устраивался пажеский спектакль, или грандиозное триумфальное шоу, с великолепной процессией рыцарей, закованных в сталь и украшенных благосклонностью дам. Художник и механик объединили свои таланты, чтобы аллегорически изобразить победу христианства над исламом: рыцари двигались среди живописных декораций и своей галантной поступью раздували благородную гордость в сердцах зрителей.

Рыцарские виды спорта были настолько изящны и грациозны, что можно было предположить, что утонченные итальянцы приняли бы их при любых обстоятельствах. Но арена Колизея, так замечательно приспособленная для турниров, использовалась для мавританских игр. Матроны и девы Рима, одетые во все свое мужество, расположились на просторных галереях и наблюдали не галантную и безболезненную схватку двух партий рыцарей с копьями, а череду кровопролитных конфликтов между кавалерами и быками. Лишь одно единственное обстоятельство придавало сцене рыцарский дух и не позволяло нам смешивать праздник быков в Колизее 1 сентября 1332 года с ужасными зрелищами классических времен. Каждый рыцарь носил свой девайс и считал себя осведомленным о духе рыцарства и присутствии дам. "Я сгораю под пеплом", - таков был девиз того, кто никогда не рассказывал о своей страсти. "Я обожаю Лавинию, или Лукрецию", - было

написано на щите рыцаря, который хотел, чтобы его считали слугой любви, но не смел назвать настоящее имя своей любовницы[240].

ГЛАВА. VII.

О ДОСТОИНСТВАХ И ПОСЛЕДСТВИЯХ РЫЦАРСТВА.

Мы подошли к той части нашей темы, где мы можем сказать вместе с поэтом,

"Рыцари - пыль,
А их добрые мечи - ржавчина:
Их души у святых, мы верим".

С Италией прекращается историческое прослеживание той системы принципов, которая на протяжении многих веков формировала или влияла на характер Европы. Ее грубые истоки можно отметить в патриархальных нравах, которые предшествовали всем известным формам искусственной жизни и были сформированы и изменены законодателем и моралистом. Узы братства или товарищества по оружию, уважение к старшим, преданность женщинам, военное образование и военная инвентура - вот немногие и простые элементы рыцарства, которые в другие времена легли бы в основу других систем нравов. Но новый и могущественный дух влиял сейчас на мир и склонял к своим целям все принципы и привязанности. Христианство с его святостью и гуманностью придало рыцарству форму и характер. Тот, кто надевал воинский пояс, уже не был простым солдатом честолюбия и хищничества, его учили направлять копье на объекты обороны и защиты, а не на враждебные объекты. Он был другом страждущих, вдов и сирот, всех, кто страдал от тирании и угнетения. Доктрина христианской доброжелательности, согласно которой все, кто называет имя Христа, являются братьями, придавала красоту и изящество принципам братства, которые были готическим наследием рыцарей, и поэтому войны Средневековья отличались своей гуманностью. Кавалерист был добр и обходителен с пленником, потому что видел в нем брата; и хотя система древних нравов ограничила бы это чувство людьми одной нации, рыцарь не связывал свою человечность страной или землей, ибо христианское рыцарство было распространено в большинстве частей Европы и составляло человечество в одну группу, один орден людей. По тому же принципу все любезности частной жизни распространялись на незнакомцев; а мягкость нравов и готовность к услугам из частного отличия превратились во всеобщий характер. Поскольку христианская религия вернула женщине то место в нравственном мире, которое ей изначально отводила природа, чувства уважения к этому полу, которые испытывала ранняя и неискушенная Европа, усилились под влиянием новых санкций благочестия. Беречь и лелеять женщину стало принципом, а также чувством и любовью; многие рыцарские блага возникли благодаря ее мягкому влиянию и примеру.

Патриархальная система нравов, сформированная и санкционированная христианством, стала основой рыцарства, а романтика с ее многоцветными оттенками придала ему свет и красоту. Ранняя эпоха Европы была наполнена буйством и энергией молодости; воображение освежало и усиливало каждое удовольствие; мир был видением, а жизнь -

мечтой. На обычную и осязаемую ценность предмета никогда не обращали внимания, но каждую вещь рассматривали в связи с фантазией и чувствами. Благообразие и расчет не мешали благородным стремлениям: армия за армией пересекала страны и переправлялась через море в Святую землю, не обращая внимания на боль или опасность; обязанности не рассматривались с осторожностью, чтобы ограничить их выполнение; ибо каждый принцип не только выполнялся с усердием, но и то же горячее желание сделать хорошо налагало на него новые обязательства. Из этих чувств проистекали все изящные утонченности, вся романтика рыцарства: само рыцарство стало залогом добродетели; а поскольку в гордое и возвышенное воображение истинного кавалера не могло проникнуть ничего низменного, он без колебаний доверял слову своего брата по рыцарству, обязуясь своей честью совершить тот или иной поступок. Нарушение слова не влекло за собой никакого юридического или иного наказания; поэтому, если дело оставалось за воображением и чувствами, единственным результатом воссоединения могло стать презрение соратников-рыцарей. Рыцарь смотрел на славу как на одну из бед своих трудов: эта ценность мнения других научила его бояться стыда и позора; и таким образом то тонкое чувство морали, то добровольное подчинение ее нормам, которое мы называем честью, стало частью рыцарства.

Гений рыцарства был личным, поскольку каждый рыцарь, если он не следовал за знаменем своего государя, был сам по себе независимым существом, действующим исходя из собственного чувства добродетели, не черпая совета у других и не разделяя с ними порицания. Эта независимость действий возвышала его характер; и, питаемые той гордостью и энергией души, которые присущи человеку в раннем состоянии общества, все более высокие и суровые качества ума, - достоинство, бескомпромиссная верность обязательствам, самоотречение, и щедрость, как чувств, так и поведения, - становились добродетелями рыцарства.

Вся религиозная преданность кавалера женщине существовала в его сознании независимо от рыцарской присяги или дополняла ее. Она была не просто объектом его защиты, а предметом его уважения и идолопоклонства. Его любовь была благородной данью силы красоте. Отцы современной Европы приписывали ей нечто сверхъестественно могущественное, и этот призыв к воображению не был утрачен. В одних эпохах и странах она царила во всей своей религиозной силе; в других она утончалась до мягкости и обходительности: но везде и всегда твердая уверенность в истинности женщины сопровождала ее или заменяла собой; и мнение о ее добродетели, которое это чувство подразумевало, оказывало соответствующее влияние на его собственные манеры.

Триумф рыцарства над всеми предшествующими системами мнений был завершен, когда воображение переработало свирепость страсти в щедную и нежную привязанность, - утонченность столь совершенную и прекрасную, что последующие времена, со всеми их хвалеными достижениями в области письма и цивилизации, вынуждены возвращать свой взор к ушедшим дням щита и копья для получения наиболее приятных и изящных картин дамской любви.

Из этих элементов и с помощью этих принципов возникла справедливая и благородная система рыцарства, которая распространилась, как мы видели, на большинство государств Европы, смешавшись с самыми сильными страстями и самыми дорогими сердцу привязанностями, влияя на нравы частной жизни и часто определяя характер политических событий. В Англии и Франции ее власть была наиболее заметна и решительна; в Испании она любопытно смешивалась с восточными чувствами; Германия была мало смягчена ее впечатлениями; а в Италии горечь частной войны признавала лишь немногие ее милости.

Трудно определить точный период ее действия, ибо она возникла в тумане и мраке варварства; а момент ее зарождения не был определен, так как в то время другие огни играли на моральном горизонте и приковывали внимание всего мира. В исторической части настоящего труда читатель должен был заметить, что иногда упадок рыцарства происходил постепенно и не был вызван внешними причинами; в то время как в других странах его исчезновение явно ускорилось причинами, которые проистекали не из каких-либо семян слабости в нем самом. Но, рассматривая эту тему в ее великих и главных аспектах, можно заметить, что рыцарство было сопутствующим средним векам Европы, и что его власть прекратилась, когда созрели новые системы ведения войны, когда возрождение литературы было полным и всеобщим, а реформация религии дала новый предмет для страстей и воображения.

Эта попытка описать историю рыцарства доказала, по крайней мере, что рыцарство не было мечтой поэтов и романтиков, и что феодальная система не была единственной формой реальной жизни в средние века. Сисмонди в своей работе "Литература Юга" утверждает, что рыцарство было идеальным миром. Затем он признает, что иногда рыцарские добродетели были не совсем поэтическими выдумками, но существовали в сознании людей, не оказывая, однако, никакого влияния на их жизнь. Он обосновывает свое мнение тем, что невозможно выделить страны, где преобладало рыцарство; что оно представляется нам отдаленным как по времени, так и по месту; и в то время как один класс авторов рассказывает об общей испорченности своего века, писатели последующих времен ссылаются именно на эти дни и украшают их всеми добродетелями и милостями.

Однако многие из этих рассуждений ошибочны. То, что прошлые эпохи должны восхваляться за счет нынешних, - нередкое обстоятельство, как в морали, так и в поэзии. Мы доказали, что страны, где господствовало рыцарство, можно четко различить, и степень его влияния также можно обозначить. Месье Сисмонди не утверждает, будто ему известно, что когда-либо существовал такой писатель, как Фруассар, который не обращается к старым временам для изображения оружия и любовных утех, а описывает рыцарский характер своей эпохи.

Несмотря на свет и красоту, которыми рыцарство одарило мир, эту систему чаще осуждали, чем восхваляли. Противники основывают свое мнение на остроумной фразе одного старого английского автора о том, что заблудшие рыцари были заносчивыми рыцарями, или на нескольких отрывках порицания, которые разбросаны по произведениям литературы средних веков. Сент-Пале основывает свое осуждение рыцарства на замечании Пьера де Блуа, писателя двенадцатого века, что лошади рыцарей стонут под бременем не оружия, а вина; не копий, а сыров; не мечей, а бутылок; не копий, а плевков.^[241] Через несколько лет после этого Иоанн Солсберийский также говорит, что некоторые рыцари, похоже, считают, что воинская слава состоит в том, чтобы блистать в изысканных нарядах и так плотно прикреплять свои шелковые одежды к телу, что они могут казаться частью их плоти. Когда они едут на своих резвых полукровках, то считают себя многочисленными Аполлонами. Если они объединятся для военного похода, то их лагерь будет напоминать скорее лагерь тайцев, чем лагерь Ганнибала. В пиршественном зале каждый отважен, но в битве он хочет быть последним. Они скорее пустят стрелы во врага, чем встретятся с ним лицом к лицу. Если они возвращаются домой ранеными, то с триумфом поют о своих сражениях и заявляют, что над ними витала тысяча смертей. За ужином им отводятся первые места. Их пиры роскошны, и они предаются самообольщению: они избегают труда и упражнений, как собака или змея. Все опасности и трудности рыцарства они перекалывают на тех, кто им служит, а тем временем так богато золотят свои щиты и украшают свои лагерь, что каждый из них выглядит не ученым, а военачальником^[242].

Вся эта пышная декламация влечет за собой обвинения в кокетстве, роскоши и трусости. То, что рыцари часто были виновны в первом преступлении, достаточно вероятно, поскольку все их минутное внимание к форме и фасону доспехов не могло не привязать их мысли к эффекту их личной внешности. Одетый в шарф своей государыни, рыцарь вполне мог каракольнуть своего галантного коня с видом самодовольства: но порицание в таких вопросах вряд ли уместно со стороны монахов, которые, по словам Чосера, имели обыкновение завязывать свои четки под подбородком узлом истинного любовника.

Личные удовольствия рыцарей не были роскошью монастыря - вялой, грубой и эгоистичной, - но были высоким и богатым весельем пылких и горячих душ. Они были благодетелями и хорошими товарищами как в зале, так и на поле боя. Если их пиршества были глубокими, они точно не были скучными; ведь кубок с вином венчался и пился в честь красоты, а менестрели своими сладостными мелодиями навевали на сцену атмосферу сентиментальности. Как долго длились их пиры, история не знает: Но из жизни великого и могучего английского рыцаря, сэра Уолтера Мэнни, мы знаем, что когда труба возвещала о посадке на коня, кавалеры в великом беспорядке срывали все праздничные принадлежности, стремясь поскорее надеть сбрую и взобраться на боевые кони; А еще мы видели, как кубок богатого гасконского вина смягчил гордость и гнев сэра Джона Чандоса и, пробудив в нем чувства рыцарского великодушия, побудил его оказать помощь графу Пембруку. Таким образом, на праздниках кавалеров проявлялись все благородные рыцарские чувства. В эти часы душевного подъема ни одно обращение к принципам рыцарства не было напрасным.

Даже в 1462 году, когда солнце рыцарства уже почти закатилось, на высоком празднике, который герцог Бургундский давал в Брюсселе лордам и дамам страны, в зал вошли два герольда, представив незнакомца, который объявил, что привез с собой верительные грамоты от благородной дамы, его любовницы. Затем письма были переданы им офицеру герцога, который зачитал их вслух. Суть их сводилась к тому, что дама жаловалась на некоего могущественного соседа, который угрожал лишить ее земель, если она не найдет рыцаря, который в течение года успешно защитит ее от него в одиночном бою. Тогда незнакомец потребовал от герцога милости, и его светлость, как истинный сын рыцарства, оказал ее, не спросив предварительно о ее сути. Просьба заключалась в том, чтобы он достал для дамы трех рыцарей, которых следует немедленно обучить владению оружием; из этих троих даме будет позволено выбрать себе чемпиона. Тогда, и не раньше, она должна будет назвать свое имя. Как только незнакомец закончил, по залу пронесся взрыв радостного одобрения. Три рыцаря (а среди них был и знаменитый Бастард Бургундский) тут же объявили себя претендентами на честь защищать неизвестную красавицу. Их доблесть была признана всеми присутствующими кавалерами, и они приложили свои печати к статьям[243].

За исключением тех случаев, когда рыцари находились в чужих странах на военном поприще, все праздники, особенно те, которые сменяли изящное времяпрепровождение турнира, посещались дамами и девицами, чье присутствие, призывающее рыцарей к исполнению обязанностей высокой учтивости, прогоняло бога вина. На смену пришли шахматы и настольные игры, а также танцы; достойные монахи, Пьер из Блуа и Джон из Солсбери, не имея в своей трапезной столь богатых удовольствий, были вынуждены продолжать свои карусели.

Какими веселыми и фантастическими были сцены жизни, когда рыцарство накинуло на них свою волшебную мантию! На балу в Неаполе синьор Галеаццо из Мантуи был удостоен руки королевы Джоанны. Когда танец закончился и королева села на свой трон, галантный рыцарь преклонил перед ней колени и, признавшись, что не в состоянии выразить словами благодарность за оказанную ему честь, поклялся, что будет странствовать по свету и

выполнять рыцарские обязанности, пока не завоюет двух кавалеров, которых приведет в ее присутствие и предоставит в ее распоряжение. Королева была довольна и польщена таким знаком почтения и заверила его, что желает ему радости в исполнении обета, столь согласного с рыцарскими обычаями. Рыцарь путешествовал, рыцарь завоевывал; и по истечении года он представил королеве двух кавалеров. Королева приняла их, но, вместо того чтобы воспользоваться властью завоевателя, милостиво предоставила им свободу, порекомендовав перед отъездом осмотреть диковинки богатого Неаполя. Они так и сделали; и когда они предстали перед королевой, чтобы поблагодарить ее за доброту, она сделала им множество знатных подарков, после чего они уехали, ища приключений и публикуя сведения о щедрости и любезности Джоанны[244].

Но обвинение в трусости, которое монахи выдвинули против рыцарей, - самое напрасное и глупое из всех их обвинений и бросает сильный оттенок презрения и подозрительности на все остальные. Если бы они сказали, что рыцарская смелость часто переходит в безрассудство, мы могли бы с готовностью допустить возможность этого факта; но ничто не может быть более абсурдным, чем обвинять в трусости людей, которые, благодаря бесстрашию своего ума и выносливости тела, были облечены в воинский пояс.

Причину всей этой язвительной декламации против рыцарства можно понять из очень любопытного отрывка, написанного одним из писателей во времена правления Стефана. "Епископы, сами епископы, не смею этого утверждать, но не все, а многие (он упоминает епископов Винчестера, Линкольна и Честера), закованные в железо и полностью снабженные оружием, имели обыкновение садиться на боевых коней вместе с извращенцами своей страны, чтобы участвовать в их добыче; подвергать узам и пыткам рыцарей, которых они брали с собой на войну или встречали с деньгами; и хотя они сами были главой и причиной стольких злодеяний и беззаконий, они приписывали их своим рыцарям." [245] Таким образом, получается, что многие епископы были разбойниками, а свои собственные преступления они сваливали на головы рыцарства. Замечание писателя о жестокости епископов по отношению к своим пленникам чрезвычайно любопытно, если рассматривать его в сравнении с общим поведением рыцарей по отношению к тем, кого военная удача бросала их руки. Но эти войны и ревность между рыцарством и священством, хотя и объясняют все обвинения, которые одно сословие постоянно выдвигало против другого, заставляют нас презирать их взаимные обвинения.

Больше, пожалуй, ничего не нужно говорить, чтобы осквернить картины рыцарского характера, нарисованные Пьером де Блуа и Иоанном Солсберийским; и они не должны были бы привлекать столько внимания с моей стороны, если бы они не были всегда в центре всех нападков на рыцарство. Но в "Истории Англии" д-ра Генри есть один отрывок, столь тесно связанный с настоящей частью моей темы, что я не могу удержаться от того, чтобы не вставить его. "Было бы небезопасно, - замечает этот рассудительный историк, - формировать наши представления о национальном характере народа Англии на основе картин, которые рисуют некоторые монашеские историки. В частности, монах Малмсбери, написавший жизнь Эдуарда II, рисует своих соотечественников и современников в самых черных красках. "Какую пользу, - говорит он, - мы извлекаем из всей нашей современной гордости и наглости? В наши дни самый низкий, самый бедный негодяй, который не стоит и полпенни, презирает своих начальников и не боится отвечать им проклятием на проклятие. Но это, скажете вы, объясняется их деревенскостью. Тогда давайте посмотрим, как ведут себя те, кто считает себя вежливыми и образованными. Где вы встретите больше оскорблений и наглости, чем при дворе? Там каждый, раздуваясь от гордости и злобы, не желает бросать взгляд на нижестоящих, презирает равных и гордо соперничает с вышестоящими. Сквайр

стремится затмить рыцаря, рыцарь - барона, барон - графа, граф - короля, одеждой и великолепиям. Если их имения недостаточны для поддержания этой расточительности, они прибегают к самым жестоким действиям, грабят своих соседей и раздевают своих иждивенцев почти догола, не щадя даже священников Божьих. Меня могут порицать за слишком большую смелость, если я дам плохую характеристику своим соотечественникам и родственникам; но если мне будет позволено говорить правду, то англичане превосходят все другие народы в трех пороках - гордыне, лжесвидетельстве и нечестности. Вы найдете великое множество представителей этой нации во всех странах, омываемых греческим морем; и, по общему мнению, они пользуются дурной славой во всех этих странах за свои обманчивые дела". Но мы должны помнить, (как комментирует этот отрывок доктор Генри) что эта картина была нарисована *раздражительным монахом* в очень несчастные времена, когда раздоры бушевали с величайшей яростью как при дворе, так и в стране".

Это не изменит природу рыцарства и не умалит его достоинств, если будет приведено множество примеров рекреации рыцарей, отсутствия у них либеральности, вежливости или других рыцарских качеств; ведь нет ничего более несправедливого, чем осуждать какую-либо систему за действия, враждебные ее духу и принципам. Один из справедливых способов судить о ней - изучить ее естественные тенденции. Мягкий характер должен был сформироваться везде, где признавались рыцарские принципы. Главной целью ордена была защита; поэтому доброе и мягкое отношение к чужим бедам и несчастьям скрашивало свирепость воина. Во многих отношениях рыцарство было лишь копией христианской религии; и поскольку эта религия божественна и прекрасно приспособлена для улучшения и совершенствования нашей нравственной природы, нельзя по справедливости отказать в тех же достоинствах любой из ее форм и модификаций. Рыцарство вобрало в себя многое из прекрасной морали христианства - его дух доброты и мягкости; и люди были призваны исполнять законы милосердия и гуманности всеми узами, которые могут связать сердце и совесть; санкциями религии, любовью к славе, сильным и возвышенным чувством чести. С другой стороны, христианство того времени не было чистым светом Евангелия, ибо оно дышало войной и убийствами, и поэтому страницы истории, верные своему доверию, иногда рисуют рыцарей среди мрачных ужасов крестовых походов, безжалостно попирающих врагов креста, а иногда великодушно щадящих своих поверженных христианских врагов и весело караколирующих в турнирных списках.

Но это не единственные способы показать общий благотворный характер рыцарских институтов. Характер современной Европы - результат медленного и тихого роста эпох, пронизанных различными и противоположными элементами. Отпечаток римлян не полностью стерся; и две тысячи лет не уничтожили все суеверия наших языческих предков. Мы должны обратиться к прошлым векам за происхождением многих из тех черт современного общества, которые отличают характер Европы от характера древнего мира и самых полированных государств Азии. Мы хвастаемся своим великодушием в бою, смелым проявлением враждебности, ненавистью к предательству и тайным размышлениям о мести. Какой причиной можно объяснить эти качества? Не тем мнениям, которые в течение последних нескольких сотен лет внедрялись в наш характер, ибо нет никакого сходства между этими качествами и подобными мнениями; их можно отнести к тем временам древней Европы, когда рыцарь был быстр в ударе и великодушен в прощении; когда он скорее отдал бы сбрую и оружие своему врагу, чем, чтобы битва была несправедливой и неравной. Этот дух, хотя и не форма, рыцарских времен сохранился до наших дней и является одним из наших достоинств и отличий. Средние века, как мы уже показали, не были полностью эпохой феодальной власти; ведь последствия личного рыцарского благородства ощущались и признавались. Рыцарские качества закаляли и смягчали все слои общества, а достоинства

служили залогом отличия. Таким образом, рыцарство сделало больше, чем могли сделать буквы в древнем мире; оно породило те личные заслуги, которые в рыцаре и его преемнике, джентльмене наших дней, сдерживают гордость рождения и самонадеянность богатства.

Но именно в лоске современного общества рыцарские милости проявляются наиболее приятно. Рыцарь был очарован вежливостью под мягким влиянием женщины, и атмосфера мягкости, которую она распространяла, никогда не угасала. Пока существуют такие вещи, можем ли мы полностью согласиться с мнением знаменитого автора, что "век рыцарства прошел?". Многие из его форм и способов исчезли; правильные правительства и мудрые законы устранили необходимость и угасили дух рыцарского отваги и романтики; и, к счастью для мира, факел религиозных преследований уже давно канул в пепел. Но рыцарское воображение все еще машет над нами своей волшебной палочкой. Мы любим связывать свои имена с героическими временами Европы, а наши гербовые щиты и гербы воплощают приятные рыцарские иллюзии. Современные ордена за военные заслуги (ощутимые копии некоторых форм отличий средних веков) являются дешевой защитой наций и поддерживают личное рыцарское благородство. Мы ведем наши войны не с жестокостью римлян, а с галантностью кавалеров, ибо сейчас действует тот же принцип, который в старину вдохновлял на отвагу и смягчал свирепость. Любезность манер, эта элегантная драпировка рыцарства, все еще одевает нашу светскую жизнь; а либеральность чувств отличает джентльмена, как в былые времена она отличала рыцаря.

КОНЕЦ.

Лондон:
Printed by A. & R. Spottiswoode,
New-Street-Square.

Сноски:

[1] Уортон (История английской поэзии, т. i. с. 118. прим., 8vo.) отмечает отрывок из "Пирса Плаумена", который показывает, как царившая страсть к рыцарству заразила идеи и выражения писателей этого периода. Поэт описывает распятие и говорит о человеке, который пронзил копьем бок нашего Спасителя. Этого человека наш автор называет *рыцарем* и говорит, что он вышел *с копьем в руке и расправился с Иисусом*. После этого за столь низкий поступок, как нанесение раны мертвому телу, его объявляют позором *рыцарства*, а нашему *рыцарю-чемпиону* приказывают предаться разврату. fol. 88. b. Так же и в "Морте д'Артура" Иосиф Аримафейский назван кротким рыцарем, снявшим Иисуса с креста.

[2] Warton, vol. ii. p. 86.

[3] Barnes's Edward III., p. 564.

[4] Leland, Collect. vol. ii. p. 476.

[5] Артур отправился на свою встречу со многими другими королями. И были все рыцари Круглого Стола, кроме тех, кто был в плену или убит во время перестрелки, тогда на высоком пиру их должно было исполниться сто пятьдесят, ибо тогда Круглый Стол был полностью завершен. Морте д'Артур. Повесть о сэре Готе Оркнейском, с. 1. См. т. I этого труда, с. 376.

[6] Уолсингем, sub anno 1344. Ashmole on the Order of the Garter, cap. v. s. 2.

[7] Предисловие к Черной книге ордена Подвязки.

[8] Walsingham, p. 164. Froissart, c. 100.

[9] Supplement to the Encyclopædia Britannica, vol. iii. part 1. p. 139. Поскольку история о подвязке леди Солсбери неправдоподобна, мы должны прибегнуть к другим предположениям для объяснения знаменитого девиза ордена, и одно из них, приведенное в тексте, чрезвычайно изобретательно и правдоподобно. С гораздо меньшей долей правды Эшмол полагает, что этим девизом Эдуард призывает к стыду и презрению тех, кто осмелится плохо думать о столь справедливом предприятии, предпринятом им для восстановления своего законного права на французскую корону (чье оружие он недавно принял); и что великодушие тех рыцарей, которых он избрал в этот орден, было таково, чтобы позволить ему поддерживать эту борьбу против всех, кто осмелится плохо думать о ней. Ashmole's Order of the Garter, p. 184. Никогда не было рыцаря, который бы так любил оттиски, девизы и эмблемы, как король Эдуард III. Он штамповал их не только на своих доспехах и лошадях, но и на одежде, постели и домашней мебели. Одним из таких девизов был "Все так, как есть". Другой гласил.

"Ха! Ха! Белый лебедь,
Клянусь Богом, я твой человек".

[10] Гиббон - главный сторонник последней гипотезы. В своем тексте (т. iv. с. 23.) он утверждает, что "печально известный Георгий из Каппадокии был превращен в знаменитого Святого Георгия Англии, покровителя оружия, рыцарства и подвязки". В примечании, однако, он отмечает, что это превращение не дается как абсолютно определенное, но как чрезвычайно вероятное. Мало кто читал это примечание, и, возможно, Гиббон и не предполагал, что они будут его читать. Он хотел привлечь их внимание предложением в своем тексте и удовлетворил свою совесть литературной честностью, написав это изменение внизу страницы.

[11] Froissart, c. 213.

[12] Barnes, p. 444.

[13] Knyghton. Chron. col. 2615.

[14] Stow's Chronicle.

[15]

- "Эти галантные йомены,
особые и достойные сыны Англии,

Известные ни в одной другой стране. Каждый хвалится своим очагом
И полем свободным, как лучший лорд своим баронством,
Не подчиняясь никакому человеческому вассалитету,
только своему королю и закону. Поэтому они решительны,
Идут во главе отряда в каждый день битвы,
Как люди, знающие, какие блага они защищают.
Отсюда они откровенны и щедры в мире,
Как люди, которые получают свою долю в изобилии.
Ни в одном королевстве нет такого достоинства и счастья.
Завуалированные в столь низком положении".
Халидонский холм, акт ii. sc. 2.

[16] Эта национальная особенность упоминается в "Проповедях Латимера", лист 69, - труде, не слишком многообещающем в таких вопросах.

[17] Коротко стриженные волосы.

[18] Чосер, Пролог к Кентерберийским рассказам, строка 101, и т.д. и т.п.

[19] Froissart, c. 131.

[20] Froissart, c. 163.

[21] Ibid. cc. 168. 174.

[22] Фруассар, cc. 150. 152. "Messire Eustace vous estes le chevalier au monde, que veisse oncques plus vaillamment assailer ses ennemis, ne son corps deffendre: ny ne me trouvoy oncques en bataille ou je veisse, qui taint me donnast affaire, corps à corps, que vous avez huy fait. Si vous en donne le pris, et aussi sur tous les chevaliers de ma cour, par droit sentence. Adonc print le roy son chappelet, qu'il portoit sur son chef (qui estoit bon et riche) et le meit sur le chef de Monseigneur Eustace; et dit Monseigneur Eustace, je vous donne ce chappelet pour le mieux combattant de la jouence, de ceux de dedans et dehors: et vous pui que vous le portez ceste année pour l'amour de moi. Je say bien que vous estes gai et amoureux, et que volontiers vous vous trouvez entre dames et damoiselles. Si dites, par tout la ou vous irez, que je le vous ay donné. Si vous quitte vostre prison, et vous en pouvez partir demain, s'il vous plaist."

[23] Froissart, cc. 133. 146.

[24] Barnes's History of Edward III. p. 452, &c.

[25] При дворе Эдуарда был лорд Мэнни, а также сэр Уолтер. Лорд был знатной персоной, поскольку входил в число епископов, графов и баронов, сопровождавших Эдуарда во Францию, когда тот приносил дань за герцогство Гиеннское. Сен-Пале спутал лорда и рыцаря и сделал из них только одного. Он упустил из виду сто вторую главу Фруассара, где барон и рыцарь упоминаются отдельно и четко. Был еще один Мэнни, которого называли Мужественным Мэнни. Его посвятил в рыцари сэр Юстас Дамбретикур перед битвой, и после доблестного сражения он был оставлен на поле боя мертвым. Фруассар рассказывает продолжение истории. "После этого конфуза, когда все французы ушли, храбрый Манни, будучи сильно израненным и почти мертвым, немного приподнял голову и не увидел вокруг себя ничего, кроме мертвецов, лежащих на земле вокруг него. Тогда он приподнялся, насколько мог, сел и увидел, что находится недалеко от английской крепости Ногент; тогда он сделал так много, то ползая, то отдыхая, что подошел к подножию башни Ногента; тогда он подал им знаки внутри, показывая, что он один из их товарищей; тогда некоторые

спустились к нему с башни, ввели его в крепость и перевязали его раны, и там он так хорошо себя вел, что исцелился". Фруассар, с. 199.

[26] Froissart, с. 19.

[27] Фруассар, сс. 24. 26.

[28] Приложение, № xxiv. к "Истории рыцарства Бани" Анстиса.

[29] "Mais il dit à aucuns de ses plus privés, qu'il avoit promis en Angleterre devant les dames et seigneurs, qu'il seroit le premier qui entreroit en France, et prendroit chastle ou forte ville, et y feroit aucunes appertises d'armes," с. 36.

[30] Froissart, с. 36.

[31] Quand Messire Gautier veit ce, il dit, j'amaï ne soye salué de madame et chere amie, se je réntre en chastel n'en forteresse, jusques à tant que j'aye l'un de ces venans verse. Froissart, с. 82.

[32] Froissart, с. 82.

[33] См. т. I. с. 151.

[34] Froissart, с. 87.

[35] Vol. i. p. 246. ante.

[36] Froissart, с. 103. Le Comte D'Erby dit, Qui merci prie merci doit avoir. Это предложение, я полагаю, ускользнуло от внимания писателей, представлявших единственным развлечением рыцарей перерезание горла простым людям.

[37] Froissart, с. 107.

[38] Это перевод этого отрывка лордом Бернерсом. Фраза "par un sien clerc" прокралась в некоторые издания Фруассара; перевод мистера Джонса гласит: "Сэр Уолтер заставил клерка прочитать ему надпись". Возможно, это было необходимо, так как надпись была на латыни, а герои не славились своей клерковостью. Но вывод, который сделали некоторые авторы, что он вообще не умел читать, совершенно необоснован".

[39] Froissart, с. 110.

[40] Froissart, с. 135

[41] Froissart, с. 146.

[42] Она была леди Маргарет, дочерью и наследницей Томаса Плантагенета, по фамилии Бразертон, графа Норфолка, дяди Эдуарда III.

[43] Дагдейл.

[44] Читатель может резонно поинтересоваться, кто мог быть продавцом? Я не могу ему ответить: Я могу только копировать Стоу в этих вопросах.

[45] Stow's London, book 4. с. 3. Maitland's History of London, p. 661. Таково было состояние Чартерного дома до подавления монастырей в царствование Генриха VIII. Его годовая стоимость составляла 642 фунта стерлингов. Он был подарен сэру Томасу Одли, спикеру Палаты общин, чья единственная дочь перешла по браку к Томасу, герцогу Норфолку, а от него, по наследству, к Томасу, графу Саффолку. Во времена Якова I его приобрел "правый

финикс благотворительности" Томас Саттон, горожанин и обжора, за крупную сумму в 13 000 фунтов *стерлингов*; он превратил здания и сады в госпиталь для помощи пожилым людям, воспитания молодежи и поддержания служения Богу.

[46] Froissart, 286.

[47] См. т. I. стр. 204.

[48] Ashmole's History of the Garter, с. 26. s. 3. Froissart, cc. 142. 147.

[49] Dugdale, Baronage, i. 503.

[50] Authorities in Ashmole, p. 702.

[51] Froissart, с. 125. См. первый том этой работы, стр. 228.

[52] Фруассар, с. 161. Монсеньер Джехан де Клермон говорит: "Чандос, это прекрасные пароли ваших англичан, которые не знают, что советник ничего нового не знает; но то, что они видят, - это прекрасно". Это очень любопытное доказательство древности распространенного замечания о том, что англичане - народ заимствующий и совершенствующийся, и не славятся оригинальностью изобретений. Можно было бы возразить, но не в этом месте, что мы и те, и другие. И здесь я приведу еще одно высказывание Фруассара, более характерное и верное. "Les Anglois, selon leur coutume se divertirent moult tristement".

[53] Froissart, с. 226.

[54] Froissart, с. 237.

[55] Froissart, cc. 265, 266.

[56] Froissart, с. 270.

[57] Froissart, liv. ii. с. 82.

[58] 4 Plac. Parl. iii. 5.

[59] Thomas of Elmham, p. 72. Его общее выражение "гобелены, изображающие древние победы Англии", как я полагаю, в основном означает гобелены Эдуарда III.

[60] Рыцарские сказания имели в качестве пролога несколько строк, выражающих войну и любовь; но в более великом напряжении поэтический биограф Брюса поет:...

"Свобода - благородная вещь;
Свобода заставляет людей любить;
Свобода дает людям утешение;
Тот живет спокойно, кто свободно живет.
Благородное сердце не может иметь никакой легкости,
И нет ничего, что могло бы ему понравиться,
Если не будет свободы: ведь свобода нравится
Превыше всего остального.
А тот, кто всегда жил свободно
Не может хорошо знать собственность,
Гнев и жалкую участь.
Который связан с постылым рабством.

Но, если б он сам на это решился,
Тогда все *покорились* бы его уму,
И свободу ценил бы больше.
Чем все золото, что в мире есть.
Так противоположные вещи все чаще
Открытия друг друга".
Брюс, строка 225 и т. д.

[A] и не иначе.

[B] страстно желаемое.

[C] прекрасно.

[61] спешка.

[62] прачка.

[63] детская кровать.

[64] остановка.

[65] жалость.

[66] подавать.

[67] переехал.

[68] прачка.

[69] Selden's Titles of Honour, and Pinkerton's History of Scotland, на основании книги, которую я не смог найти, под названием "Certain Matters composed together." Edinb. 1597. 4to.

[70] Henry's History of England, vol. iii. p. 80. 4to.

[71] Border History of England and Scotland, p. 91.

[72] Border History, p. 143.

[73] Nisbet's Heraldry, i. 7.

[74] Knyghton, col. 2580.

[75] Это забавное мнение о французских рыцарях следует привести на языке оригинала.
"Adonc eurent plusieurs chevaliers et escuyers de France passage: et retournerent en Flandres, ou là ou ils pouvoyent arriver, tous affamés, sans monture, et sans armeures: et Escoce maudissoient, et le heure qu'ils y avoyent entré: et disoyent qu'oncques si duc voyage ne fut: et qu'ils voudroyent que le roi de France s'accordast aux Anglois, un an ou deux, et puis allast en Escoce, pour tout destruire, car oncques si mauvaises gens ne verint: n'y ne trouverent si faux et se traistres, ne de si petite congnuissance." Vol. ii. c. 174.

[76] Шотландские рыцари закупали во Фландрии готовые подковы и упряжь для лошадей.
Фруассар, т. ii. с. 3. Перевод лорда Бернерса.

[77] Froissart, vol. ii. c. 142.

[78] "Генри Перси, - говорит Холингшед, - был прозван, за его частые подколы, Генри Хотспуром, как тот, кто редко отдыхал, если нужно было оказать какую-нибудь услугу за границей". History of Scotland, p. 240.

[79] Галантность этого боевого священника была впоследствии вознаграждена даром архидиаконства Абердина.

[80] Впоследствии он был выкуплен, и, согласно Камдену, замок Поуни в Шотландии был построен на деньги выкупа.

[81] Уолсингем (стр. 366) говорит, что граф Данбар пришел и перевесил чашу весов в пользу шотландцев. Ничего об этом не упоминает Фруассар, который получил свой рассказ о битве от семьи Дугласов, в замке которых он прожил некоторое время. Если сказать, что их рассказ, скорее всего, был предвзятым, то такое же возражение можно выдвинуть и против рассказа Уолсингема. Дугласы всегда говорили о своей победе с истинно рыцарской скромностью; они заявляли, что она стала следствием истощенного состояния англичан после похода из Ньюкасла.

[82] Froissart, vol. ii. c. 146. Buchanan, lib. 9. p. 173 и т. д.

[83] Monstrelet, vol. i. c. 9, &c. Rymer, Foedera, vol. viii. p. 310, 311.

[84] Этот Арчибальд Дуглас, граф Галлоуэй, прозванный Грим, был незаконнорожденным сыном доброго сэра Джеймса Дугласа и наследником графства Дуглас графа Джеймса, павшего при Оттерборне. Арчибальд был взят в плен Хотспуром в битве при Холмедоне; Перси согласился, что если тот будет сражаться с ним против Генриха IV так же доблестно, как он сражался во время той битвы, то он даст ему свободу без выкупа. Дуглас, как солдат и враг английского короля, не возражал против этих условий, и поэтому он сражался в битве при Шрусбери. Бьюкенен, книга 10.

[85] Шотландский рыцарь мог бы сказать,

"Еще один король! Они растут, как головы гидры:

Я - Дуглас, роковой для всех тех.

Кто носит эти цвета на себе".

Шекспир, Генрих IV, часть I. акт v. сцена 4.

[86] Otterbourne, p. 239. 244. Walsingham, p. 410, &c. Hall, folio 22. Я не хочу сказать, однако, что его поведение не имело прецедента, поскольку в великой битве при Пуатье девятнадцать французских рыцарей были одеты, как король Джон.

[87] Камден относит начало этого обычая к правлению Генриха IV, и ему следуют все наши авторы по геральдике и почетным титулам, кроме Анстиса, который пытается отнести его к правлению Эдуарда I. Анстис полностью заблуждается в этом вопросе. Несомненно, в более ранние времена можно найти много примеров, когда рыцари создавались с полным церемониалом преподношения меча на алтарь, купания и т. д.; и в строгом смысле все рыцари должны были создаваться именно таким образом. Всякий раз, когда Анстис встречал рыцаря, инаугурированного таким образом, он называл его рыцарем Бани. Теперь вопрос: в какое время был первый королевский брак, королевские крестины или другое торжество, когда рыцари были созданы? Созданы не совсем для военных целей, не в силу феодального владения, а в честь события, которое они праздновали. Рыцари Бани были рыцарями мира, рыцарями комплимента и любезности. Мнение Кэмдена было основано на следующем отрывке из Фруассара: "Бдение перед коронацией (Генриха IV.) происходило вечером в

субботу; по этому случаю и в это время там присутствовали все эсквайры, которые на следующее утро должны были стать рыцарями, в количестве сорока шести человек. Каждый из них имел при себе своего оруженосца, отдельную комнату и отдельную ванну, где в эту ночь совершались обряды купания. На следующий день герцог Ланкастерский (Генрих IV), во время отпевания мессы, посвятил их в рыцари, дав им длинные зеленые плащи, рукава которых были прямого покроя и оторочены миневером, а также большие капюшоны или шапероны, отороченные тем же мехом, и по моде, принятой у прелатов. И у каждого из этих рыцарей на левом плече был двойной кордон или шнурок из белого шелка, к которому были прикреплены белые кисточки". В этом отрывке нет ничего, что могло бы навести на мысль, что коронация Генриха IV была первым случаем, когда были созданы рыцари Бани; и, следовательно, наши авторы геральдики и почетных титулов не оправдываются в позитивности, с которой они всегда начинают свои диссертации о рыцарстве Бани с 1399 года.

[88] О том, что плечевой узел рыцари Бани носили лишь на время, и о рыцарском принципе, побуждавшем мужчин надевать цепи на ноги до тех пор, пока они не совершат какие-либо подвиги, я узнал от Аптона, писателя с большой репутацией в геральдических вопросах, жившего во времена Генриха VI. См. его трактат *De Re Militari*, p. 10., цитируемый в приложении к "Истории рыцарства Бани" Анстиса.

[89] Таким образом, Чосер:

"Обычай есть у всех этих дворян,
Невеста не должна есть в зале,
Пока не пройдет дня четыре, а то и три, по крайней мере.
Пока не пройдут четыре дня, а три, по крайней мере, не пройдут, тогда пусть она идет на пир".

[90] MS. Norfolc. in Off. Arm. n. 15. См. приложение Анстиса к его "Истории рыцарства Бани", с. 24.

[91]

"For to obeie without variaunce
My lordes byddyng fully and plesaunce
Whiche hath desire, sothly for to seyn
О верном родстве, чтобы помнить о нем.
Достоинство, да не задержусь я,
И доблесть старых рыцарств".
Лидгейт, Война за Трою.

[92] Генрих V. Акт ii. Хор.

[93] Он был любезен и обходителен с ними сразу после битвы, и действительно до тех пор, пока их поведение заслуживало его дружбы. Герцог Орлеанский и еще четыре принца королевской крови были взяты в плен в битве при Азенкуре и некоторое время жили на условиях условного освобождения. Но когда они лишились титулов рыцарей и джентльменов, пытаясь обмануть и предать Генриха во время переговоров с партиями, сбивавшими с толку Францию, он заключил их в тюрьму в замке Понтефрак; и они не получали свободы в течение многих лет. Против Генриха подняли большой шум за его поведение в этом случае, за то, что он не проявил рыцарской выдержки по отношению к людям, потерявшим свою честь.

[94] Так хор в "Генрихе V" Шекспира обращается к зрителям:

"Так пусть же он высадится,
И торжественно, торжественно смотрим, как он отправляется в Лондон.
Он так быстро мчится, что даже сейчас
Вы можете представить его в Блэкхите.
Когда, по желанию его лордов, он понесет
Его побитый шлем и согнутый меч,
перед собой по городу, он запрещает это,
Не допуская тщеславия и гордыни;
Отдавая все трофеи, сигнальные и показательные,
От себя, Богу".

[95] Кэкстон, о рыцарском или книксенском ордене.

[96] Ibid.

[97] Comines, vol. i. p. 31.

[98] Sir Tristrem, издание Скотта, Fytte first. st. 2.

[99] Rymer's Fœdera.

[100] Уортон приятно замечает, что если бы Генрих никогда не убивал своих жен, его вежливость по отношению к представительницам прекрасного пола осталась бы неподкупной.

[101] Holingshed, p. 805, 806, &c. Страсть Генриха к маскировке была необычной и выводила его за рамки рыцарских приличий. "Однажды король лично, в сопровождении графов Эссекса, Уилтшира и других знатных людей, числом двенадцать, внезапно утром явился в покои королевы, все они были одеты в короткие плащи из кентийского кендала, с капюшонами на головах и такими же рукавами, каждый из них нес свой лук и стрелы, меч и пряжку, как разбойники или люди Робин Гуда. Королева, фрейлины и все остальные присутствующие пришли в смятение, как от странного вида, так и от их внезапного прихода, и после некоторых танцев и развлечений они ушли". Holingshed p. 805.

[102] Holingshed, p. 815.

[103] Holingshed, p. 807, 808.

[104] Holingshed, p. 85, &c.

[105] Shakspeare, Henry VIII. Акт i. сцена 1.

[106] Доктор Нотт в своей жизни лорда Суррея, приложенной к трудам его светлости и сэра Томаса Уайетта, с помощью фактов полностью опроверг эту приятную историю.

[107] Эти любопытные сведения, как отмечает доктор Нотт, следует почерпнуть из следующего отрывка в "Хронике Хардинджа".

"И как сыновья лордов были поставлены, в четырехлетнем возрасте,
В школу, чтобы изучать учение леттура;
А после шести, чтобы они владели языком
И сидеть на собраниях, благопристойно во всем воспитываясь:
А в десять и двенадцать - веселиться,

Танцевать и петь, и говорить о кротости:
В четырнадцать лет они должны быть в поле я уверен,
На оленей охотиться, и ловить на выносливость.

"На оленей охотиться и убивать, И видеть, как они истекают кровью.
Упорство придает ему храбрость.
И также в остроумии своем он внимателен,
воображая, что может взять их с выгодой.
В шестнадцать лет воевать и воевать,
К поединкам и скачкам, и замки штурмовать,
В стычки вступать, и в бои вступать,
И бдительно следить за опасностями по ночам.

"И каждый день доспехи свои пробовать,
В поединках с кем-нибудь из своих мейни;
Свою силу доказывать, и что он может сделать.
Если б он был в такой опасности
войны, что по необходимости
Он мог бы оружием защищаться.
Таким образом, он должен изучить в первую очередь
Оружие все свое, в оружьи рассовать".

См. об этом же в письмах Пастона, т. III. 34, 35 и т. д.

[108] Это любопытное обстоятельство упоминается в дневнике экспедиции сэра Джона Уоллопа, который доктор Нотт откопал в Государственном бумажном бюро. Весь отрывок забавен.

"31 июля. Уоллоп продвигается к Беттуну. Пройдя мимо Теруэнна, он пытается выманить оттуда гарнизон, но терпит неудачу. Французы потерпели поражение в стычке. Уоллоп говорит, что послал письмо коменданту Теруэнна, своему старому знакомому, что если у него в подчинении есть джентльмены, готовые сломать посох ради своих дам, то он назначит шесть джентльменов для встречи с ними. Вызов был принят, и условия определены. Мистер Говард, Питер Кэрю, Маркхэм, Шелли из Кале и два его собственных человека, Коверли и Холл, выступают от имени англичан. Все они галантно проявили себя в поединках. Холл на первом же ходу сломал свой посох в галиарде, посреди кирасы француза. Маркхэм ударил другого по головному убору, и тот, похоже, был повержен. Питер Кэрю очень удачно ударил по своему посоху, и один из них был сломан. По слухам, Каверли проделал самый честный путь; но из-за дурного бега лошади француза, которая вырвалась вперед, его ударили под мышку, пробили тело в спину и отнесли в город, где с ним хорошо обращались. Хотел бы я, говорит Уоллоп, чтобы ближайший родственник, который у меня был, не будучи моим братом, оправдал его".

[109] Pinkerton's History of Scotland, vol. ii. p. 85, &c.

[110] Drummond, 140, &c. Бьюкенен, xiii. 25.

"Для прекрасной королевы Франции
Послала ему бирюзовое кольцо и перчатку,
И поручила ему, как своему рыцарю и любви,
Для нее сломать копье;
И нанести три удара шотландским клеймом,

И пройти три мили по южной земле,
И пусть знамена его отряда
В английском бризе танцевать.
И так для королевы Франции он одел
Свои мужественные конечности в почтовом жилете".
Marmion, canto v.

[111] Впоследствии он был герцогом Норфолкским и прадедом графа Суррея, о котором я упоминал в р. 114. ante.

[112] Принято считать, что Джеймс, забыв и собственную жену, и королеву Франции, потерял много времени в Форде, занимаясь любовью с леди Херон, в то время как его родной сын, архиепископ Сент-Эндрюс, был любовником дочери мисс Херон. Доктор Лингард (History of England, vol. vi. p. 31. n.), кажется, склонен сомневаться в этой истории, поскольку Джеймсу хватило всего шести дней, чтобы захватить три замка и сердце прекрасной дамы. Какое время было абсолютно необходимо для этих осад и штурмов, ученый доктор не уточняет. Однако, если говорить серьезно, эта история не имеет под собой никаких оснований; она возникла только благодаря красоте леди Херон и предполагаемой галантности шотландского короля.

[113] Henry's History of Great Britain, book vi. ch. 1. part ii. s. 1.

[114] Pitscottie, p. 116, &c.

[115] Pinkerton, book xii.

[116] Так сообщается в разговоре Бена Джонсона и Драммонда из Хоторндена.

[117] Thomson's Seasons. Summer, l. 1511.

[118] "Аркадия" была популярна вплоть до времен Карла I, о чем можно узнать из отрывка в работе одного язвительного сатирика, который хотел сделать женщин простыми семейными труженицами с квадратными локтями. "Пусть они учатся всяким простым работам, чтобы остерегаться слишком открытых швов. Вместо песен и музицирования пусть учатся готовить и стирать; вместо "Аркадии" сэра Филипа Сиднея пусть читают "Основы доброго супружества". Мне не нравится ни одна поэтесса". Powell's Tom of all Trades, p. 47.

[119] Это было почетным отличием семьи Сидни в целом, как мы узнаем из строк Бена Джонсона о Пенсхерсте.

"Whose liberal board doth flow
Со всем, что знает гостеприимство!
Где не приходит гость, но ему позволено есть,
Без страха и из мяса самого Господа твоего.
Где те же пиво и хлеб, и то же вино,
что принадлежит его светлости, будет и моим".
Gifford's Ben Jonson, vol. viii. p. 254.

Практика различения блюд за столом с помощью солонки была очень уместна в ранние времена, когда слуги, а также хозяин семьи с женой и детьми обедали за одним длинным столом. Однако стало одиозным, когда барон стал этим знаком раболепия отделять своих

господ от благородных друзей. Это была феодальная гордость, в то время как рыцарская вежливость скорее позволила бы разместить гостей в щедром равенстве за круглым столом".

[120] Spenser, *Colin Clout's come Home again*.

[121] Nicholls's *Progresses of Queen Elizabeth*, vol. iii. p. 41, &c.

[122] Puttenham, *Arte of English Poesie*, book ii. c. 9. & 19.

[123] Burton, *Anatomy of Melancholy*, p. 271. Этот отрывок заставляет вспомнить соответствующий отрывок в "Искусстве риторики" Уилсона, напечатанном в 1553 году. "Если есть какая-нибудь старая сказка или странная история, хорошо и остроумно примененная к какому-нибудь живущему человеку, все люди любят ее слушать. Например, если бы кого-нибудь звали Артуром, то какой-нибудь молодец, хорошо знакомый с книгой короля Артура и рыцарями его Круглого стола, не преминул бы пошутить и за ненадобностью назвал бы его рыцарем Круглого стола, или доказал бы, что он один из его родственников, или (что было бы гораздо проще) доказал бы, что он сам Артур".

[124] "Две сердитые женщины из Абингдона". Бои на мечях и баклерах были вырождением древнего рыцарства; и Смитфилд, который блистал как главная площадка для игры в кости в Лондоне, в шестнадцатом веке, по словам Стоу, "назывался *Ruffians' Hall*", потому что это было обычное место разборок и общей драки, в то время, когда меч и баклеры были в употреблении. "Когда каждый *служивый человек*, от низшего до лучшего, носил на спине баклер, который висел на эфесе или помпоне его меча". Увы, для рыцарской чести!

[125] Wilson's *Life of James*, p. 52.

[126] Бен Джонсон, *Маска о барьерах принца Генриха*.

[127] G. Wither. *Obsequies of Prince Henry*. El. 31.

[128] Жизнь Эдуарда Лорда Герберта, написанная им самим, с. 16.

[129] *Life*, p. 46.

[130] *Life*, &c. p. 63. Сэру Эдуарду очень досаждал в Париже некий месье Баланьи, который пользовался большим вниманием дам, чем он. Они одна за другой приглашали его сесть рядом с ними, и когда одна дама наслаждалась его обществом некоторое время, другая говорила: "Вы наслаждались им достаточно долго, теперь он должен быть у меня". Причиной такой благосклонности было то, что он убил восемь или девять человек в одном бою, p. 70. Это было вырождение рыцарства с местью".

[131] *Life*, p. 60.

[132] Акт i. сцена 1. пьесы, название которой я переведу: "Новая гостиница: или Легкое сердце; комедия". Как она никогда не ставилась, но была небрежно сыграна одними, слугами короля, и с большей брезгливостью просмотрена и осуждена другими, подданными короля, в 1629 году. Теперь, наконец, предоставлена на свободу читателям, слугам и подданным Его Величества, чтобы их рассудили, 1631 год".

[133] Dugdale, *Origines Juridiciales*. c. 39. Сержанты права не посвящались в рыцари до правления Генриха VIII. c. 51.

[134] Ferne's *Blazon of Gentry*, p. 100. См. также Britannia Камдена "О степенях в Англии", p. 234.

[135] Так, лорд Бэкон говорит: "Сейчас существуют для военного поощрения некоторые степени и рыцарские ордена, которые, тем не менее, беспорядочно присваиваются солдатам и не солдатам" и т. д. *Essays on the true Greatness of Kingdoms*.

[136] Флетчер, "Прекрасная дева из гостиницы", акт i. сцена 1.

[137] Rymer's *Fœdera*, vol. xv. p. 497.

[138] British Museum, Cottonian MSS. Nero. c. ix. folio 168. Принятие оруженосцами-губернаторами своего достоинства, чтобы получить большие милости, достаточно забавно: но ни один рыцарь из других земель не присутствовал, чтобы наказать их за дерзость.

[139] Du Cange, *Gloss. ad Script. Med. Cævi. in verb. Milites Regis*.

[140] Du Chesne. *Hist. Franc. Script. vol. ii. p. 148*. Утверждение, однако, не совсем верно; ведь уже в четвертом веке Арморика была колонизирована из Уэльса. Argentré, *Hist. de la Bretagne*, p. 2. С тех пор между Арморикой и этим островом существовала связь, и когда бриттов притесняли, они отправлялись на континент в поисках убежища.

[141] Velly, *Hist. de la France*, vol. v. p. 132-136.

[142] Velly, *Hist. de la France*, vol. v. p. 313, &c.

[143] D'Argentré, *Histoire de Bretagne*, livre vii. c. 15. Paris, 1618.

[144] Froissart, c. 230.

[145] *Mémoires de Du Guesclin*, vol. iv. c. 16. Способ, которым королева умерла, никогда точно не был известен. Одна из распространенных версий гласила, что она была убита партией евреев, нанятых королем, и поэтому он считался покровителем иудаизма как такового.

[146] Это рассказ Фруассара, с. 231, и он гораздо более естественный, чем рассказ в "Мемуарах Дю Гесклена" (который г-н Тернер поместил в текст своей "Истории Англии"). Автор мемуаров приводит длинную мелодраматическую историю обращения Петра к принцу, его слезы, рыдания и другие проявления горя. Далее рассказывается, что, когда принца уговорили выступить в его пользу, его принцесса, которая была в туалете, была очень недовольна тем, что ему навязали такого преступного человека, как испанский король. Эдуард, посчитав, что его военная прерогатива нарушена, воскликнул: "Я вижу, что она хочет, чтобы я всегда был рядом с ней. Но принц, желающий увековечить свое имя, должен *искать* случая отличиться на войне и своими победами заслужить признание потомков. Клянусь Святым Георгием, я верну Испании ее законного наследника". Мистер Тернер говорит: "Несмотря на то, что этот рассказ принадлежит врагу, но поскольку обстоятельства соответствуют известному характеру Эдуарда, ему можно верить". *History of England*, vol. ii. p. 178. Я же, со своей стороны, не верю ни единому слову из милых историй о слезах и туалете. Мемуары Дю Гесклена - хороший авторитет для жизни их героя; но Фруассар - историк другой стороны вопроса, и герой его рассказа (если иногда он теряет историческое достоинство в пристрастии к биографии) - Эдуард. Фруассар был знаком со всеми обстоятельствами, происходившими в английской армии, и его рассказ об этом гораздо рациональнее, чем у историка Дю Гесклена. Он выразительно передает характер Эдуарда и его время. Здесь мы видим, как нежный рыцарь уступает почетное место своему другу, а дама рыцаря мило и любезно обращается с гостями. Сцена туалета полностью опущена; и даже если бы она была вставлена в Хронику, я бы отверг ее как ложную, ибо благородному уму Эдуарда не свойственно говорить со своей принцессой с мелочностью и дурным юмором".

[147] Froissart, liv. i. c. 231, 232.

[148] Froissart, c. 232.

[149] Мемуары Дю Гесклена и Фруассара, а также несколько отрывков из "Марианы" послужили основой для этого рассказа об испанской войне. В общих чертах я предвосхитил популярных историков Англии; но я ввел множество обстоятельств, существенных для моего предмета, и которые не входили в рамки их замысла".

[150] Фруассар, кн. I. с. 233.

[151] Memoires de Du Guesclin, p. 255, &c.

[152] D'Argentré, Histoire de Bretagne, liv. vii. c. 15.

[153] Labineau, Hist. de Bretagne, vol. ii. p. 538. Сам договор настолько любопытен, что без него жизнь Дю Гесклена была бы несовершенной. "Всем, кому адресованы эти письма, Бертран дю Гесклен, герцог де Мулен, коннетабль Франции, и Оливье, сеньор де Клиссон, привет. Для того, чтобы поселиться в мире и любви навечно между нами и нашими наследниками, мы обещали, присягнули и договорились между собой о том, что будет дальше. C'est à savoir que nous Bertrand du Guesclin voulons estre alliez, et nous allions à toujours à vous Messire Olivier, Seigneur de Clisson contre tous ceulx qui pevent vivre et mourir, exceptez le Roy de France, ses freres, le Vicomte de Rohan, et nos autres seigneurs de qui nous tenons terre: et vous promettons aidier et conforter de tout nostre pouvoir toutesfois que mestier en aurez, et vous nous en requerrez. Если или в случае, если никто другой, кроме короля Франции, не будет иметь права на защиту и почести, за исключением короля Франции, и не будет иметь силы и вести войну с корпусом, честью и имуществом, мы обещаем помогать, защищать и охранять все наши права, если вы этого потребуете. Item, voulons et consentons que de tous et quelconques proufitz et droitz, qui nous pourront venir, et echoir dorenavant, tant de prisonniers pris de guerre par nous ou nos gens, dont le proufitz nous pourroit appartenir, comme de pais raençonné vous aiez la moitié entierement. Пункт, в случае, если мы не можем выбрать ничего, что могло бы принести вам неприятности и беды, мы должны сдержаться и приложить максимум усилий, которые мы можем приложить. Сохраните ваше тело в нашем доме, как наш брат. Et nous Olivier, Seigneur de Clisson, voulons estre alliez, et nous allions à toujours à vous Messire Bertrand du Guesclin dessus nommé, contre tous ceulx qui pevent vivre et mourir exceptez le Roy de France, своих братьев, виконта де Роана и других сеньоров, от которых мы получаем землю, и вы обещаете помощь и поддержку всех наших бедствий, но при этом не забывайте, что вы нуждаетесь в помощи и требуете ее от меня. В случае, если ни один другой государь, какого бы состояния или статуса он ни был, к которому вы относитесь с почтением или уважением, за исключением короля Франции, не захочет отнять у вас силу и вести войну в корпусе, в чести или во владениях, мы обещаем вам помогать, защищать и обеспечивать безопасность всего нашего пуара, если вы этого потребуете. Item, voulons et consentons que de tous ou quelconques proufitz et droitz qui nous pourront venir et echoir dorenavant, tant de prisonniers pris de guerre par nous, ou nos gens, dont le proufit nous pourroit appartenir, comme de pais raençonne, vous aiez la moitié entierement. Item, au cas que nous sçaurions aucune chose qui vous peust porter dommage aucun ou blasme, nous vous la ferons sçavoir, et vous en accointerons le plutost que nous pourrons. И еще, сохраните ваше тело, чтобы оно было в порядке, как у нашего брата. Toutes lesquelles choses dessusdites, et chacune d'icelles, nous Bertrand et Olivier dessus nommée avons promises, accordées et jurées, promettons accordons et jurons sur les saintz evangiles de Dieu corporallement touchiez par nous, et chascun de nous, и посредством пеней и проповедей нашего корпуса присматривайте за одним и другим, храните, вводите и совершайте одно и другое, чтобы не

допустить, не вступать в противоборство с нами, с другими и с одним из нас, и сохранять твердость и согласие в течение всего времени. В подтверждение этих слов мы приложили руку к этим настоящим письмам, которые мы удвоили. *Donné à Pontoison, le 24 jour d'Octobre l'an de grace mille trois cens soixante et dix.*"

[154] Argentré, viii. 3, 4.

[155] Вольтер говорит, что Бертран дю Гесклен был первым человеком, над которым была произнесена заупокойная речь и который был погребен в церкви, предназначенной для гробниц королей Франции. Он добавляет: "Его тело было перенесено с теми же церемониями, что и гробницы суверенов; четыре принца пели; его тела, согласно культам времени, были представлены в церкви, где он служил, и он был похоронен, наложив на себя руки". Детали не столь важны; они дают представление о кавалерском духе. *L'attention que s'attiraient les grands chevaliers célèbres par leurs faits d'armes s'étendait sur les chevaux qui avoient combattre without eux.*" *Essai sur les Mœurs*, с. 78.

[156] Ансельм в своем "Дворце почета" приводит забавный рассказ о рыцарских правилах для погребальных памятников. Они лучше соблюдались во Франции, чем в какой-либо другой стране, и даже там они не были очень скрупулезно соблюдены. "Однако, как замечает Гоф (*Sepulchral Antiquities*, vol. i. p. cxvii.), "они представляют собой любопытный образец монументального punctilio. Рыцари и джентльмены не могли быть представлены со своими гербами, если только они не погибли в битве, одиночном бою или схватке с самим принцем или на его службе, если только они не умерли и не были похоронены в своих собственных поместьях или лордствах; и тогда, чтобы показать, что они умерли естественной смертью в своей постели, они были представлены с неподпоясанным гербом, без шлема, с голой головой, закрытыми глазами, ногами, упирающимися в спину борзой, и без меча. Те, кто умер в день битвы или смертельного поединка, на стороне победителя, должны были быть представлены с занесенным мечом в правой руке и щитом в левой, в шлеме, который, по мнению некоторых, должен быть закрыт, а козырек опущен, в знак того, что они пали, сражаясь с врагами, с гербом, опоясанным по рукам, а у ног - лев. Те, кто умер в тюрьме или не успев заплатить выкуп, изображались на могилах без шпор и шлемов, без гербов и мечей, только ножны были подпоясаны и висели по бокам. Те, кто пал в бою или сражении на стороне побежденных, должны были изображаться без гербов, с мечом на боку и в ножнах, с поднятым и открытым козырьком, с руками, сложенными на груди, и ногами, упирающимися в спину мертвого и поверженного льва. Ребенок правителя или главнокомандующего, если он родился в осажденном городе или в армии, каким бы молодым он ни умер, изображался на могиле вооруженным до зубов, с головой в шлеме и одетым в почтовый плащ, соответствующий его размеру на момент смерти. Военный, который в конце жизни принял религиозный обряд и умер в нем, изображался полностью вооруженным, в нижней части - с мечом на боку, в верхней - с обрядом, который он принял, а под ногами - с гербовым щитом. Кавалер, побежденный и убитый в списках, в почетном бою, должен лежать на своей могиле, вооруженный во все стороны, его боевой топор лежит рядом с ним, левая рука скрещена над правой. Кавалера, победившего в списках, выставляли на могиле, вооруженного во всеоружии, с боевым топором в руках, правая рука скрещена над левой".

[157] Argentré, *Hist. de Bretagne*, liv. viii. Velly in an. and *Memoires de Du Guesclin*, ad fin.

[158]

"Jamais, *disoit il*, je ne serai aimé ne conveys (bienvenu).
Ainçois serai des dames très toujours éconduits,
Car biensçais que je suis bien laid et malfettis,

Mais puis que je suis laid, être veux bien hardis."

Vie du Connetable du Guesclin.

[159] Chastelet, Hist. de Du Guesclin, p. 33. Ни от одного из этих браков детей не было. Дю Гесклен, однако, оставил сына, *par amours*. Последний наследник мужского пола в этой семье умер в 1783 году, будучи офицером французской армии. Во времена Наполеона некая мадам де Гевр утверждала и доказывала свое происхождение от Констебля, и Бонапарт назначил ей пенсию в 6000 франков в год.

[160] Monstrelet, vol. ii. c. 3. Битва между бургундцами и дофинуа в августе 1421 года была проведена с подобной жестокостью. Vol. v. c. 62.

[161] Все эти любопытные подробности древних нравов содержатся в "Истории Жанны д'Арк" месье Ле Брюна де Шарметта.

[162] Daniel, Histoire de la Milice Francaise, liv. iv. c. 1. Monstrelet, vol. viii. c. 46. Velly, tome v. p. 394.

[163] Boutillier, La Somme rurale, compillée par lui, p. 671. Abbeville, 1486.

[164] Memoires d'Olivier de la Marche, vol. ix. c. 2. of the Collection des Memoires relatifs à l'Histoire de la France.

[165] Perceval's History of Italy, vol. ii. c. 8.

[166] Старофранцузский язык, на котором велся этот диалог, чрезвычайно интересен и выразителен. "Monseigneur de Bayard, mon amy, voicy la premiere maison ou avez esté nourry, ce vous seroit grand honte si ne vous y faisiez congnoistre, aussi bien qu'avez fait ailleurs. *Le bon chevalier respondit*, Madame, vous savez, bien que des ma jeunesse vous ay aymée, prisee et honorée, et si vous tiens à si saige et bien enseigné, que ne voulez mal à personne, et encores a moy moins que à un autre. Dites moy, s'il vous plaist que voulez vous que je face pour donner plaiser à Madame ma bonne maistresse, à vous sur toutes, et au reste de la bonne et belle compaignée qui est ceans. *Дама де Флэксас говорит*. Мне кажется, Монсеньер де Баярд, но я не хочу вас огорчать, что вам стоит устроить в этом городе турнюр, в честь мадам, которую вы так хорошо любите. Vous avez ici alentour force de vos compaignons gentils-hommes François et autres gentils-hommes de ces pays, lesquels s'y trouveront de bon cœur, et j'en suis assurée. Vrayment, *dit le bon chevalier*, puis que le voulez il sera faist. Вы - дама в этом мире, которая прежде всего приобрела мое сердце для своего служения, посредством вашей благодатной милости. Je suis assuré que je n'en auray jamais que la bouche et les mains, car de vous requirir d'autre chose je perdrois ma peine, aussi sur mon ame j'aymeroie mieulx mourir que vous presser de deshonneur. Bien vous prie que me veuillez donner un de vos manchons. Car j'en ay à besongner. La dame qui ne savoit qu'il en vouloit faire le lui bailla, et il le meit en la manche de son pourpoint, sans faire autre bruit." Memoires, vol. xiv. p. 397.

[167] Мемуары Баярда, написанные одним из его секретарей, предоставили мне основные факты в этом рассказе о Баярде. Недавно был опубликован их превосходный английский перевод в двух томах формата post 8vo. Мемуары Дю Белле (Париж, 1573) восполнили некоторые недостатки в рассказе о верном слуге.

[168] Memoires de Bayard, в большом собрании французских мемуаров, vol. xv. p. 458. "Et puis après par maniere de jeu, cria haultement l'espée en la main dextre: tu es bien heureuse d'avoir aujourd'hui à un si vertueux et puissant roy donné l'ordre de chevalerie. Конечно же, моя дорогая, вы будете хранить надежную охрану и все остальные почести. Et ne vous porteray jamais, si ce

n'est contre Turcs, Sarrasins, ou Maures, et puis fait deux faults, et après remeit au fourreau son espée." Эта шпага была утеряна.

[169] Этот способ получения рыцарского звания, однако, уже давно вошел в обычай. Самый ранний случай, с которым мне довелось столкнуться, - это случай с сыном-младенцем Карла VI (1371 г. н. э.). (1371 г. н. э.), который был посвящен в рыцари Дю Гесклином, кавалеристом, который, как можно было бы подумать, достаточно ревностно относился к рыцарской чести. После обряда крещения Дю Гесклен достал свой меч и, вложив его обнаженным в руку обнаженного ребенка, сказал ему: "Сир, я даю вам этот меч и вкладываю его в вашу руку; и молитесь Богу, чтобы он дал вам такое благородное сердце, чтобы вы оказались таким же настоящим рыцарем, как и любой из ваших славных предков". Так же и Монстреле в своем рассказе о событиях 1433 года сообщает, что герцогиня Бургундская родила сына в Дижоне, который был посвящен в рыцари у купели (Monstrelet, in his account of the events in the year 1433, says, that the Duchess of Burgundy was delivered of a son at Dijon, who was knighted at the font. Vol. vii. p. 147.

[170] Часть рассказа Сегара об этом турнире слишком интересна, чтобы ее опускать. "На четвертом поле, по чудесному недосмотру, король был ранен осколком копья противника, который пронзил его глаз так глубоко, что мозг его был сильно ушиблен. Так был нарушен брачный пир, и радость превратилась в печаль. Таково положение вещей в мире: за радостью всегда следует печаль, а удовольствие сопровождается болью. Остальная часть войска, готовая бежать, была поражена этим происшествием, и, не зная, что делать, каждый опустил свое копье и проклял такой триумф. Некоторые просили отнести его домой, а другие (тронутые до глубины души) закрывали глаза, чтобы не видеть столь жалкого зрелища. Дамы, а также придворные дамы отворачивали лица от созерцания и закрывали глаза от слез. В заключение можно сказать, что все придворные были поражены неизъяснимой печалью. Горожане, да и вообще все подданные того королевства, с недоумением наблюдали за трагическим событием этого катастрофического триумфа, который должен был поздравить с новым миром и почетным союзом. Таким образом, вид и облик города изменились от великой радости до невыразимой печали: одни воздевали руки к небу, другие спешили в церкви, и все, с обильными вздохами и рыданиями, взывали к Богу, умоляя даровать королю выздоровление; как будто от этого зависело благополучие каждого человека. Тогда врачи и хирурги, не только Франции, но и Низких стран, прибыли туда, чтобы показать свое мастерство, используя все возможные искусства и усилия; но осколки копья пронзили глаз короля так глубоко, что нежность места не позволяла ни вынуть его, ни увидеть (мозг также был пронзен), и не было никаких средств, чтобы вылечить рану. Поэтому король, мучимый сильнейшей болью, впал в жгучую лихорадку, от которой по истечении одиннадцати дней умер. За все это время он ни разу не заплакал, не произнес ни одного слова, которое можно было бы приписать пагубному угрызению совести, но самым великодушным образом расстался с жизнью. Только вот что он сказал, что, поскольку ему суждено умереть в оружии, он был бы гораздо лучше доволен, если бы потерял свою жизнь на поле боя, чем в этих домашних развлечениях". Segar, of Honour, lib. iii. c. 40.

[171] Вартон справедливо замечает, что этот апофеоз рыцарства в лице их собственного апостола, должно быть, впоследствии способствовал преувеличению характерного романтического героизма испанцев, которым он был вызван, и распространению в последующие века более сильного почитания того вида военного энтузиазма, которому они были естественно преданы. Уортон, Дисс. по Gesta Romanorum.

[172] Художники - такие же хорошие свидетели нравов, как и писатели; в "Арабских древностях Испании" Мерфи есть гравюра с картины в Альхамре, изображающая военную игру, в которой состязались и мавры, и христиане.

[173] Froissart, vol. ii. c. 44.

[174] Калайнос, однако, вышел из моды, но не из-за недостатка достоинств героя, а из-за формы стиха, в котором он был прославлен. Таким образом, фраза "*Este no vale las coplas de Calainos*" превратилась в поговорку. Sarmiento, *Memorias para la Historias de la Poesia, y Poetas Espanoles*, p. 228.

[175]

Кабальерос Гранадинос
Aunque Moros, hijos d'algo.

[176] За доказательствами этого обстоятельства я снова должен отослать читателя к гравюрам в "Арабских древностях Испании" Мерфи.

[177] *Pur su ley, pur su Sennor natural, pur su terra*. Партидас, цитируется Селденом, Почетные титулы, часть ii. cap. 4.

[178] *Partidas*, l. ii. tit. 21. lib. 36. tit. 2, &c.

[179] Selden, *Titles of Honour*, part ii. c. 4.

[180] Tomich, *Conquestas de los Reyes de Aragon e los Comtes de Barcelona*, 1534, folio 23.

[181] Наши английские переводчики древней испанской поэзии не должны думать, как они склонны делать, что они поклоняются тени в Пелайо. Арабская история Испании Ахмаду-бн Мухаммади-бн Муса Абу Бакр Арпази, писателя четвертого века хиджры, свидетельствует о его существовании так, как указано в тексте. Этот автор, чье имя я больше не буду пытаться расшифровывать, является одним из авторитетов г-на Шакспира, чья искусно написанная диссертация об истории арабов в Испании сопровождает великолепную работу Мерфи об архитектуре этой страны. Большие надежды всегда возлагались на иллюстрации к арабо-испанской истории, которые могли бы дать рукописи Эскуриала. Работа Казири вселяла самые пылкие надежды на успешный результат более терпеливых исследований; и ничто не могло обещать лучшего, чем то обстоятельство, что его очень ученый и умный преемник в библиотечном деле, д. Хосе Антонио Конде, занимался этой работой. Результаты его трудов были опубликованы в Мадриде в 1820 и 1821 годах. Мне не удалось найти копию его работы в испанском оригинале, но я обнаружил ее вперемешку с другими материалами во французской книге, озаглавленной "*Histoire de la Domination des Arabes et des Maures en Espagne, et en Portugal, depuis l'Invasion de ces Peuples jusqu'a leur Expulsion définitive; redigée sur l'Histoire traduite de l'Arabe en Espagnol de M. J. Conde. Par M. de Marlés.*" 3 vols. 8vo. Paris. 1825. Из предисловия М. де Марлеса следует, что книга Д. Конде - это полностью рассказ арабских историков, а не разумный результат критического сравнения этих авторов с испанскими летописцами. М. де Марлес попытался восполнить этот недостаток и написать историю Испании на основе Мариана и других авторов, с одной стороны, и арабов Д. Конде - с другой. Ему это полностью не удалось, ибо более слабой работы никогда не было написано. Большая часть вины лежит на его авторитетах; ведь его история - лишь еще одно доказательство того, что мы имели тысячу случаев до этого, - что не существует достаточных материалов для составления хорошей и полной истории Испании. Недостаточность книги Д. Конде для всех реальных исторических целей видна на каждой странице. Кое-что, правда,

удалось узнать о гражданских войнах и распрях мавров, но такие подробности не представляют интереса. Почти ничего не добавилось к нашим запасам по теме Пелайо, вторжения Карла Великого, Сиды или завершения мавританской истории; все моменты, по которым так нужна информация. Эти замечания относятся только к исследованиям Конде в области политической и гражданской истории Испании под властью мавров, но не к его запросам в области литературной истории арабов.

[182] Chronicle, i. 20.

[183] Chronicle, i. 1.

[184] Обстоятельства этого брака настолько противоречат современным представлениям, что вся история считается басней. Однако существует множество свидетельств этого брака; и, как замечает компетентный знаток испанских нравов мистер Саути, "обстоятельствам этого брака не стоит верить из-за их необычности: если бы такие обстоятельства казались невероятными или противоречащими здравому смыслу, их бы не стали выдумывать; будь они правдой или ложью, они одинаково характерны для состояния нравов."

[185] Chronicle, i. 13.

[186] Chronicle, ii. 1.

[187] Chronicle, ii. 17.

[188] Эти последние несколько слов разумно помещены в "Хронику Кида" г-на Саути. Они не содержатся в древних хрониках и балладах, но на них ссылаются некоторые, и они подразумеваются во всех.

[189] Хроника, iii. 10, 11.

[190] Chronicle, iii. 13-16.

[191] Chronicle, iii. 17-22. Мюллер в своей "Диссертации о Сиде" говорит о том, что деньги были возвращены, столь же утвердительно, как если бы на его столе лежала расписка о полном погашении всех требований, заверенная городом Бургосом. У древних писателей нет никаких свидетельств о возврате денег; а если учесть, что с евреями в Испании всегда обращались гораздо хуже, чем с мусульманами, мы не можем сделать вывод, что сид считал людей, которых он обманул, имеющими право на справедливость.

[192] Я заимствую из перевода г-на Фрере часть "Сиды".

[193] Хроника, iv. 1-11.

[194] Хроника, iv. 14-17.

[195] Chronicle, v. 17-20.

[196] Chronicle, vi. 29. Старые испанские писатели отмечают, что Сид знал, как сделать хорошего рыцаря, как хороший конюх знает, как сделать хорошую лошадь.

[197] Chronicle, vii. 19. Ксимена была похожа на знаменитую Ориану из "Амадиса Галльского", которую всегда обижали во время военных приготовлений.

[198] Он позволил ей вырасти из уважения к Альфонсо; он хотел, чтобы она вызывала восхищение и у мавров, и у христиан. Poema del Cid, v. 1230, &c.

[199] Хроника, книги 9 и 10. Каждый читатель испанской истории знает, как жаростно обсуждалась история инфантов. Я не буду загромождать свои страницы изложением аргументов, но мне кажется, что баланс очень сильно склоняется в пользу правдивости этой истории. Замечание мистера Саути вполне разумно. "Поведение инфантов из Карриона, конечно, неправдоподобно. Можно найти достаточно примеров подобной жестокости, но ни одного - такого безрассудства. Однако ничто не может быть настолько невероятным, чтобы такая история была придумана и рассказана вскоре после их смерти; о людях, которые действительно существовали и были такого ранга; и чтобы она была подтверждена и повторена всеми историками, жившими в то время".

[200] Hallam's Middle Ages, iii. 482. 2d edit.

[201] О падении Гренады мир узнал из работы Генеса Переса де Хиты, которая была переведена на французский язык и приобрела популярность, когда Флориан положил ее в основу своего "Гонсальво де Кордова". В этом труде очень мало исторической правды, а ценность содержащихся в нем изображений нравов сильно преувеличена: эти изображения, к тому же, скорее мавританские, чем рыцарские, и поэтому не пригодятся в настоящей работе.

[202] Уортон о Gesta Romanorum, в первом томе его Истории английской поэзии.

[203] De Marca, Marca Hispanica, p. 1428.

[204] Con razon (dize) nos quitais las armas del linage, pues las ponemos à tan graves peligros, y traucos: vos las mereceis mejor, que como mas recatado, les teneis mejor guardados.

Mariana, Hist. de Espana, xiii. 7.

[205] Mariana, xiii. 7. Эта последняя история Гарсии Переса де Варгаса стала темой прекрасной баллады, которую перевел мистер Локхарт. Особенно приятны строфы о шарфе.

"Он оглянулся и увидел шарф, потому что мавры были уже близко,
Они подобрали его с пастбища и накиннули на копье.

"Эти мавры, - сказал Гарси Перес, - нелюбезные мавры...

Теперь, клянусь душой, шарф они украли, но не посмели меня допросить!

"Теперь достань еще раз мой шлем". Эсквайр сказал ему "нет",

"За шелковую нить зачем тебе жизнь отдавать?

- "Он достался мне от моей госпожи, - сказал Гарси, - давным-давно,
И никогда этот шарф, будьте уверены, не покажут в гордой Севилье".

"Но когда мусульмане увидели его, они встали в крепкий строй:

- Он скакал среди их вооруженной толпы, он скакал прямо в ярости.

- "Стойте, стойте, воры и разбойники, Отдайте залог моей госпожи".

Он кричал, и, пока он кричал, они чувствовали острие его фаульхиона.

"В тот день повелитель Варгаса пришел в лагерь один,

Шарф, подаренный его госпожой, был брошен на его грудь:

Голова его была обнажена, меч был красен, а с его мостовой свисали

Семь тюрбанов зеленых, наскоро сшитых, я вижу, перед Гарси Пересом висели".
Lockhart's Ancient Spanish Ballads, p. 75.

[206] Это еще одно и необычное доказательство общепризнанного совершенства итальянских доспехов.

[207] Libro del paso honroso, defendido por el excelente caballero Sueno de Quinones, copilado de un libro antiquo de mano, por Juan de Pineda. 1588. Перепечатано, Мадрид, 1783.

[208] Paston, Letters, vol. i. p. 6.

[209] Monstrelet, vol. vii. c. 82.

[210] Sismondi. Hist. des Rep. Ital. vii. 439. Немцы больше следили за формами, чем за духом рыцарства. Читатель помнит, что шпора, золотая шпора, была великим знаком рыцарства; и любая древняя церковь в этой стране или копия ее античных монументальных изображений сообщит ему об обычае класть шпору над или на могилу рыцаря. Такой обычай существовал и у германцев, которые, кроме того, возвращали шпоры в церкви, когда возраст, немощь или другие причины ослабляли руку рыцаря: более того, они возвращали шпоры в церкви в память о победе. В XIV веке пятьсот пар таких шпор, взятых во время победы над французами, были развешаны по стенам церкви в Грёнингене. Ritterzeit und Ritterwesen, p. 212.

[211] Olaus. Hist. Septent. lib. xiv. c. 7.

[212] Illustrations of Northern Antiquities, from the Teutonic and Scandinavian Romances, p. 76.

[213] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 59.

[214] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. i. p. 60.

[215] Ibid. p. 71.

[216] Froissart, vol. i. c. 433.

[217] Froissart, liv. ii. c. 125.

[218] Schmidt, iv. 492.

[219] Ritterzeit und Ritterwesen, p. 108.

[220] Ibid. vol. i. p. 7.

[221] Ritterzeit und Ritterwesen, vol. ii. p. 61.

[222] Ibid. vol. ii. p. 272.

[223] Ottokar v. Hornek, c. 268, и т. д. в его "Анналах Австрии".

[224] Ritterzeit und Ritterwesen, т. ii. последняя глава.

[225] Muratori, Dissert. 29.

[226] Ibid. 23.

[227] Giannone, lib. i.

[228] Muratori, *Annali d'Italia*, vol. v. part 2. p. 171, &c. Даже моденский библиотекарь отбрасывает пыль и пергаменты и превращается в человекоподобное существо при виде этой истории, в то время как Сисмонди пропускает ее с холодным безразличием.

[229] Muratori, *Dissert.* 49.

[230] См. в двадцать седьмой диссертации Муратори (*Della Milizia de secoli rozzi in Italia*) подробное описание доспехов этих различных классов. Я заметил, что г-н Персеваль в своей "Истории Италии", т. i. с. 197, придерживается мнения, отличного от того, которое я высказал в тексте. Вместо того чтобы считать, что изменения в военном искусстве стали одной из причин, ускоривших свержение лангобардских свобод, он утверждает, что, возможно, их правильнее было бы отнести к обстоятельствам, которые после свершения этого свержения увековечили рабство.

[231] Perceval's *History of Italy*, vol. i. chap. 5. часть 1.

[232] Monstrelet, vol. xi. p. 328.

[233] Muratori, *Dissert.* 23. Муратори описывает по современной хронике въезд Карла. Карета королевы, по-видимому, вызвала большое удивление, поскольку в те времена кареты редко использовались дамами, а мужчинами - еще реже.

[234] Giannone, *Istoria Civile di Napoli*, lib. xx. c. 3. s. 1.

[235] Когда этот политический сотрапезник, Кола де Ренци, решил посвятить себя в рыцари, он не стал мыться обычным способом, а воспользовался вазой, в которой, по преданию, крестили Константина. *Vita di Cola Rienzi*, c. 25.

[236] Muratori, *Dissert.* 29. 53.

[237] Sacchetti, *Novelle*, c. 153.

[238] Muratori, *Dissert.* 53. Так, когда Хильдебранд Гуатаска в 1260 году был произведен в рыцари за счет города Ареццо, он поклялся в верности своему господину, или, как сказали бы грамматики, своей госпоже, доброму городу, который посвятил его в рыцари.

[239] Muratori, *Dissert.* vol. ii. c. 29. p. 16.

[240] Muratori, *Scriptores Rerum Italicarum*, vol. xii. p. 535.

[241] *Non ferro sed vino; non lanceis sed caseis; non ensibus sed utribus; non hastibus sed verubus onerantur.*

[242] Polycraticus, p. 181.

[243] Рукописи Лансдауна, Британский музей, № 285. Статья 41. Здесь рукопись обрывается; но результат поединка не имеет значения для моих аргументов.

[244] Brantome, *Œuvres, les Vies des Dames illustres*, vol. i. p. 410, &c. Брантом приводит эту историю на основании старой итальянской книги о дуэлях, написанной неким Парисом де Путео.

[245] *Gesta Stephan.* p. 962., цитируется в *Turner's England*, vol. i. p. 461. 8vo.